

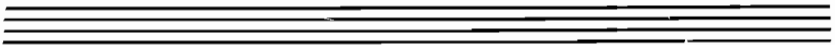
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1 9 6 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1967

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Я. Манусевич.* Октябрьская революция и зарубежные славянские народы 5
Д. Ф. Марков. Социалистические литературы в славянских странах 20—30-х годов и мировой литературный процесс 19

50 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

- В. Д. Королюк.* Советские историко-славистические исследования (1917—1967 гг.) 37
В. И. Злиднев. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917—1967 гг.) 53
И. И. Свирида. Художественная культура зарубежных славянских народов в советской науке 67
С. В. Бернштейн. Советской славянской филологии 50 лет 77

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- Красимира Митовска* (НРБ). Болгарские историки и приближающийся юбилей 94
Тадеуш Цесляк (ПНР). Польская наука к 50-летию Великой Октябрьской революции 99
Ольджика Годедова (ЧССР). Подготовка к юбилею Октябрьской революции в Чехословакии 103
Петро Дамянович (СФРЮ). Югославская научная общественность к пятидесятилетию Октября 108

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- В. Р. Копылов, И. Д. Очак.* Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России 116

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

<i>М. А. Бирман.</i> П. Павайотов. Приносът на българи за победата на Октомвриската революция	119
<i>Р. Булатова.</i> Юбилейное издание	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Д. Д. Прокофьева.</i> Советско-польский симпозиум «Польская пролетарская литература и польско-советские литературные связи 20—30-х годов»	122
<i>Н. М. Пашаева.</i> Выставка литературы	124
<i>В. Копылов.</i> Защита диссертация	126
Книги к 50-летию Октябрьской революции	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Б. Я. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон Б 1-27-40

А. Я. МАНУСЕВИЧ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Новая эра в истории всего человечества, открытая победой Великой Октябрьской социалистической революции, внесла глубокие изменения в политическое положение, социально-экономическое развитие, общественную и культурную жизнь зарубежных славянских народов. Особая роль Октябрьской революции в судьбах зарубежных славян вытекала не из сходства черт в экономическом и политическом положении трудящегося населения России и зарубежных славянских народов, — такого рода сходство ни в коей мере не ограничивалось славянскими странами, — не из близости славянских языков и культуры, не из территориального соседства славянских народов и даже не из исторически сложившихся тесных связей русского революционного движения с борьбой польских, болгарских, чешских, сербских, хорватских, словацких рабочих и крестьян. Как ни велико значение всех этих факторов, роль и место Октябрьской революции в истории зарубежных славянских народов определило то, что Октябрьская революция явилась основной предпосылкой и главным рычагом воссоздания в 1918 г. чехословацкой, польской и югославской государственности, что созданное революцией Советское государство вынесло на себе основную тяжесть спасения зарубежных славянских народов от угрожавшей им в результате гитлеровских злодеяний реальной опасности полного физического уничтожения, что союз и дружба с Советским Союзом стали гарантией полного национального и социального освобождения зарубежных славянских народов и их успешного развития по социалистическому пути.

I

Ко времени, когда произошла Октябрьская революция, зарубежные славянские народы находились под властью германских империалистов и их австро-венгерских союзников. Захватив во время первой мировой войны Сербию, Черногорию, «русскую» часть Польши, некоторые районы Белоруссии и Украины, угрожая национальной независимости России, усиливая гнет на издавна находившихся под германо-австрийским господством славянских землях, германские империалисты неизменно подчеркивали антиславянские цели своей политики.

Уже в первую мировую войну германские империалисты рассматривали ее, в частности, как «войну германизма против славянства»¹. Полного неограниченного господства Германии над западным и южным славянством требовали такие программные документы военного времени, как ме-

¹ См. А. М. Деборин. К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти. — В сб.: «Славяно-германские исследования», М., 1963.

морандум Пангерманского союза, выработанный в декабре 1914 г., меморандум шести крупнейших хозяйственных объединений от 20 мая 1915 г. и др.² Эту антиславянскую черту первой мировой войны специально отмечал В. И. Ленин, писавший, что немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной с ее стороны войне, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, «предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...»³. Если победит Германия, писал он в другой раз, она задушит «еще часть Польши...»⁴.

Антиславянским целям Центральных держав соответствовали столь же грабительские цели стран Антанты. До победы Октябрьской революции никогда и ни в какой форме ни одно из западных правительств не выдвигало среди целей, преследуемых ими в войне, освобождение западных и южных славян. Правда, основной союзник западных держав — царская Россия неоднократно заявляла о своем стремлении видеть славянские народы свободными от немецкого господства; но за заявлениями царского правительства о помощи «братьям-славянам» крылось не что иное, как стремление царизма так или иначе распространить свое господство на весь славянский мир. Западные союзники России обязались поддержать военные цели царизма по меньшей мере в отношении всего того, что было связано с удержанием и расширением его власти над Польшей.

В меморандуме об условиях мира английский министр иностранных дел Бальфур писал 4 октября 1916 г. о том, что после войны Польша останется составной частью России, причем «будет включать не только русскую Польшу, но также и ту ее часть, которую получили при разгроме старого королевства Пруссия (или, по крайней мере, одну из этих частей) и Австрия»⁵. Несколько позднее, в феврале 1917 г., в самый канун свержения самодержавия, французское и царское правительства договорились, что за поддержку Франции в вопросе об Эльзасе и Лотарингии Россия получит полную свободу действий в определении своих западных границ⁶. Тем самым Франция обязалась поддержать Россию в осуществлении провозглашенного ею в августе 1914 г. плана объединения всех польских земель «под скипетром русского царя»⁷.

Долгое время не связывая себя каким-либо формальным обязательством, особенно лицемерную политику в отношении Польши проводили США. Это легко обнаружить при чтении послания президента США В. Вильсона сенату от 22 января 1917 г., в котором говорится, что Польша должна быть «единой, независимой и автономной»⁸. Неопределенность и двусмысленность этого документа, в котором нарочито в один ряд ставились и «независимость» и «автономия», не оставляет сомнений, что Польша и ее интересы являлись для США лишь предметом политических спекуляций.

Что касается Чешских земель, Словакии и земель южных славян, то за исключением предполагавшейся по Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. передачи части приадриатических славянских земель Ита-

² См. Ф. И. Н о т о в и ч. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.—Л., 1947, стр. 159—204.

³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.

⁴ В. И. Л е н и н. Указ. соч., стр. 241.

⁵ См. Д. Л л о й д-Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. I—II. М., 1934, стр. 580.

⁶ «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917». М., 1952, стр. 457.

⁷ «Русско-польские отношения в период мировой войны». М., 1926, стр. 155.

⁸ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». Suppl. I. Washington, 1955, pp. 6—8.

лии⁹, каких-либо иных серьезных территориальных перераспределений западные державы не предусматривали. Во всяком случае, ни одно из возможных перераспределений не было продиктовано интересами и нуждами славянских народов и не должно было подорвать устои существования многонациональной монархии Габсбургов. В этой связи весьма показательно, что, вступив в апреле 1917 г. в войну на стороне держав Антанты, США до декабря 1917 г. вообще воздерживались от объявления войны Австро-Венгрии, а объявив последней войну, заявили, что не ставят своей целью ее раздробление. «Перед президентом Вильсоном, — признает один из наиболее активных апологетов его политики Чарльз Сеймур, — стояли две политические альтернативы. Он мог объявить габсбургской монархии войну на смерть и обещать полное освобождение Чехословакии, полякам, южным славянам и румынам... Или он мог провозгласить право подвластных национальностей на «автономию», причем они должны были остаться своего рода федеральным союзом под короной Габсбургов... Президент выбрал вторую альтернативу»¹⁰.

Даже после Октябрьской революции, в условиях наступившего раскола мира на две социальные системы, западные державы долгое время придерживались своих антиславянских планов сохранения монархии Габсбургов. В знаменитой вильсоновской программе мира («14 пунктов»), провозглашенной 8 января 1918 г. с целью противопоставить ленинскому Декрету о мире широковещательную программу, способную прикрыть подлинные цели империалистов, речь не шла дальше того, что народам Австро-Венгрии «должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития»¹¹. Автономия — но не суверенитет, власть Габсбургов — но не свобода, — такова была «освободительная» политика империалистов США в отношении западных и южных славян. В ту же пору английский премьер-министр подтверждал, что «раздел Австро-Венгрии не является нашей военной целью»¹². В своих переговорах с Австро-Венгрией о разрыве ею союза с Германией Франция, подобно США и Англии, всегда исходила из безусловного признания целостности Дунайской монархии¹³.

Хотя в свете фактов не так-то просто придать прославянские черты политике империалистических правительств в годы первой мировой войны и во время Парижской мирной конференции 1919 г., в историографии западных стран не иссякают попытки превратно представить политику этих держав, приписать им благородную роль освободителей южных и западных славян от чужеземного господства¹⁴. Те же взгляды находили весьма широкое отражение в польской, чехословацкой, югославской буржуазной историографии межвоенного двадцатилетия и реакционной эмигрантской историографии послевоенного периода¹⁵. Несостоятельны построения, типичные для большинства представителей буржуазной историографии, продолжающих навязывать, подобно филаделфийскому историку Виктору Мэмэти, представление о США как «защитнице

⁹ См. «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1870—1917 гг.». Серия III. 1914—1917 гг., т. VII, ч. 2. М.—Л., стр. 253—263.

¹⁰ «Архив полковника Хауза», т. III. М., 1939, стр. 33.

¹¹ Там же.

¹² Д. Ллойд-Джордж. Там же, т. V. М., 1938, стр. 60

¹³ M e r m e i x. Les négociations secrètes et les armistices. Paris, 1919; P r i n c e S i x t e d e B o u r b o n. L'offre de paix séparée de l'Autriche. Paris, 1920.

¹⁴ Подробнее см. А. Я. Манусевич. Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии. К историографии проблемы и задачам ее изучения. — Сб. «Исторические связи славянских народов». М., 1963, стр. 51—74.

¹⁵ См. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961.

малых народов» Европы, «освободители и создатели» независимых Польши, Чехословакии и Югославии¹⁶. Возрастающее понимание широкими кругами буржуазной интеллигенции всемирно-исторического значения Октябрьской революции и ее особой роли в развитии зарубежных славянских народов обнаружилось и в буржуазной историографии вопроса. Характерной в этом отношении является попытка преподавателя истории Гарвардского университета Арно Мейера «сблизить» показной вильсоновский либерализм с великими ленинскими принципами внешней политики Советского государства. Согласно А. Мейеру, Вильсон и Ленин предложили «схожие идеологии в области внешней политики, хотя и для различных целей»¹⁷. По утверждению А. Мейера, взаимодействие этих двух идеологий породило новую дипломатию и привело к созданию Европы, в которой в 1918 г. появились государства ряда народов, освободившихся от чужеземного господства. Некоторые представители буржуазной историографии пошли еще дальше, признав, подобно Морису Крузе, что все важнейшие события в истории человечества, происходившие после Октябрьской революции (в число этих событий входит и образование в 1918 г. Польского, Чехословацкого и Югославского государств) были тесно связаны с революционизирующим воздействием на народы всего мира политики Советской России¹⁸.

Лишь победа социалистической революции в России, положив начало коренному повороту в развитии всего человечества, открыла путь к образованию независимых Польши, Чехословакии, Югославии.

Руководствуясь великим идеалом освобождения человечества от всякого социального и национального гнета, партия большевиков неизменно считала, что каждая нация имеет право на независимое государственное существование. В первом же документе, опубликованном партией большевиков в связи с начавшейся в августе 1914 г. мировой войной, указывалось, что перед революционной социал-демократией стоит задача всесторонней пропаганды социалистической революции и пропаганды «как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. п.»¹⁹ В манифесте «Война и российская социал-демократия» ЦК партии большевиков указывал, что ближайшей политической задачей является революционное низвержение монархий германской, австрийской и русской²⁰.

Решительно критикуя как одно из проявлений догматизма и сектантства в международном социалистическом движении, как карикатуру на марксизм выступления люксембургянцев и других левых социал-демократов, а также сторонников так называемого «империалистического экономизма» в российском революционном движении, отвергавших требования самоопределения наций ввиду того, что оно якобы неосуществимо при империализме, а при победе социализма — излишне, В. И. Ленин в ряде работ, написанных в годы первой мировой войны, неизменно указывал, что даже в условиях империализма в Европе может происходить образование новых государств. При этом он отмечал, что ни одно крупное демократическое преобразование неосуществимо без ряда революций и непрочны без социализма. Среди новых государств, образование которых

¹⁶ V. M a m a t e y. The United States and East Central Europe. 1914—1918. Princeton, 1957.

¹⁷ A r n o J. M a y e r. Political Origins of the New Diplomacy. 1917—1918. New Haven, 1959, p. 35.

¹⁸ См. «Histoire générale des civilisations» publiée sous la direction de Maurice Krouzet, v. II. L'époque contemporaine. Paris, 1957.

¹⁹ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 26, стр. 6.

²⁰ В. И. Л е н и н. Указ. соч., стр. 21.

В. И. Ленин считал вполне осуществимым, он называл польское, венгерское, чешское и другие²¹.

Еще в октябре 1915 г., за полтора года до низвержения царизма, когда лишь одни большевики с непоколебимой уверенностью готовили революцию, В. И. Ленин писал: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»²². Когда через два года Октябрьская революция поставила большевиков у власти, они первым же своим актом — Декретом о мире, принятом 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, провозгласили внешнеполитическую программу, предусматривающую справедливую демократическую организацию взаимоотношений между народами на основе мира без аннексий и контрибуций. В декрете разъяснялось, что под аннексией, как захватом чужих земель, Советское правительство понимает «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация»²³.

Впервые в истории человечества с победой Октябрьской революции уже не просто революционный пролетариат, а пролетариат, поднявшийся до положения господствующего класса, выступил с правительственной, государственной программой перестройки международных отношений в интересах мира и дружбы между народами, в интересах их свободы и независимости.

Советское правительство не только провозгласило великие демократические принципы отношений между народами, но начало упорную и тяжелую борьбу за то, чтобы международные отношения строились на основе этих принципов. Будущий мир, указывало Советское правительство в опубликованном 15(28) ноября 1917 г. обращении к правительствам и народам воюющих стран, «должен быть честным соглашением, обеспечивающим каждому народу свободу экономического и культурного развития»²⁴.

На первом же пленарном заседании мирной конференции в Брест-Литовске 9(22) декабря 1917 г. Советское правительство выдвинуло требование, чтобы национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, была гарантирована возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности²⁵.

Советское правительство добивалось освобождения Сербии и Черногории, независимость которых была растоптана в 1915 г., и предоставления права самоопределения населению Чехии, югославянских областей, Галиции, Познани и других польских земель.

Советское правительство не питало иллюзий в отношении возможности побудить империалистов принять его программу мира. «Такой мир, — заявляло оно, — может быть заключен только при условии прямой и мужественной борьбы революционных рабочих масс против всяких империалистических планов и захватных стремлений»²⁶. Оно неоднократно вы-

²¹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 105.

²² В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 50.

²³ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 35, стр. 14.

²⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 29.

²⁵ Там же, стр. 61.

²⁶ Там же, стр. 29.

ражало надежды на поддержку трудящимися массами Европы советской политики демократического мира²⁷.

Действительно, Октябрьская революция, политика Советской власти оказали немедленное и огромное воздействие на усиление международного революционного движения. Большой размах приобрело революционно-освободительное движение угнетенных славянских народов. Военное истощение центральных держав ускорило революционные процессы, вызревавшие в германской и австро-венгерской монархиях. Монархия Габсбургов, говорил В. И. Ленин в ноябре 1918 г., вся горит, пролетариат «поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии»²⁸. Почти одновременно рухнула и империя Гогенцоллернов. Ни силы внутренней реакции в обеих монархиях, ни политика держав-победительниц не смогли предотвратить низвержение обеих монархий, с крушением которых на карте Европы появились новые государства — чехословацкое, польское, югославское и другие.

Октябрьская революция явилась решающей предпосылкой образования после первой мировой войны новых государств Европы. В той мере, в какой создание новых независимых государств явилось плодом революционно-освободительной борьбы угнетенных народов, оно явилось в решающей степени результатом победы Октября, покончившего с реакционными классами России, подточившего политические устои существования немецких империй, создавшего базу мирового освободительного движения и повернувшего угнетенных и эксплуатируемых от решения частных задач к борьбе за свободу и политическую власть.

Переломная роль Октябрьской революции в мировом революционном движении и, в частности, в завоевании независимости зарубежными славянскими народами, нисколько не умаляет значения всей революционно-освободительной борьбы, которую безуспешно и долго вели народы, обретшие в 1918 г. государственность. Освобождение угнетенных народов Европы и появление в 1918 г. независимых государств — Польши, Чехословакии, Югославии и других, — одно из проявлений великого революционного процесса преобразования мира, начатого Октябрем.

II

Соотношение классовых сил внутри Польши, Чехословакии и Югославии и помощь, оказанная реакционным классам этих стран великими империалистическими державами, привели к тому, что власть в этих государствах оставалась в руках эксплуататорских классов. Ее сумели закрепить за собой реакционные круги, которые не только не симпатизировали Октябрьской революции и Советской власти, но и были им прямо и открыто враждебны. Однако это не меняет того обстоятельства, что вне зависимости от своей глубоко антисоветской позиции и польские, и чехословацкие, и югославские господствующие классы использовали объективные условия, созданные именно Октябрьской революцией, осуществленный ею прорыв империализма, раскол мира на две системы, изменение в соотношении революционных и контрреволюционных сил в международном масштабе. При этом, однако, нельзя упускать из виду, что ни в одной из зарубежных славянских стран в пору решающей борьбы за направление их развития не оказалось революционной партии, подобной партии большевиков, а преобладающее влияние на большинство рабочего класса сохраняли право-социалистические партии. Образование

²⁷ Документы внешней политики СССР, т. I, стр. 41, 59 и др.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 152.

Коммунистической партии Польши произошло лишь 16 декабря 1918 г., т. е. спустя полтора месяца после того, как Польша стала независимой. Лишь в мае 1919 г. тесняки преобразовались в Болгарскую коммунистическую партию. А в Югославии и Чехословакии коммунистические партии возникли соответственно в апреле 1919 г. и в мае 1921 г.

Некоторая замедленность в развитии революционного процесса, — при всей его неравномерности в различных зарубежных славянских странах, — находит известное объяснение в самом факте возрождения государственной независимости, в котором польские, чехословацкие, югославские народные массы видели свое большое достижение. В сочетании с иллюзиями, порожденными политикой правых социалистов и образованием парламентов, ожиданием социальных и других реформ, это создавало условия для упрочения буржуазно-помещичьей власти в зарубежных славянских странах. Несмотря на то, что в этих странах власть оказалась у реакционных сил, Советское правительство продолжало свою принципиальную и последовательную линию на поддержку свободы и независимости всех стран и народов и на установление с ними нормальных отношений. К примеру, уже 31 октября 1918 г. Советское правительство заявило чехословацкому правительству о своем желании войти с ним в непосредственные переговоры²⁹. В этом же месяце, т. е. еще накануне краха австро-германской оккупации Польши, в развитии своего декрета от 29 августа 1918 г., юридически оформившего аннулирование всех договоров правительства Российской империи, касающихся разделов Польши, Советское правительство назначило своего представителя в Польшу³⁰.

Однако господствующие классы зарубежных славянских государств не только не пошли на установление нормальных отношений с Республикой Советов, но и позволили превратить свои страны в орудия антисоветской политики главных империалистических держав. Эта антисоветская политика оказалась по сути дела и антинациональной: она вела к усилению контрреволюционного курса внутри этих стран, а в международном плане — к тому, что жизненные вопросы и в особенности вопросы о государственных границах решались в ущерб интересам народов³¹. Закрепленные системой версальских договоров, а в отношении Польши — еще и несправедливым рижским договором 1921 г., границы зарубежных славянских стран межвоенного периода в ряде случаев носили искусственный и уродливый характер.

Империалисты западных стран без каких-либо колебаний примирились с необратимым фактом развала бывшей Дунайской монархии и появлением на ее месте ряда новых государств. Они учитывали, что эти изменения несколько не подрывают их классовых позиций и даже несколько расширяют маневренность их политики. Свою поддержку господствующих классов во вновь образовавшихся государствах и сам факт появления этих государств пропаганда империалистических стран сумела использовать для насаждения представлений о якобы проведении ими освободительной политики в целях ослабления революционного движения во вновь образовавшихся государствах и превращения этих государств в составные элементы антисоветского «санитарного кордона», в одну из ударных сил мировой контрреволюции.

²⁹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 547—548.

³⁰ См. F. T u c h, H. S c h u m a c h e r. Julian Marchlewski. Warszawa, 1966, s. 286.

³¹ См. «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały». t. I—II. Warszawa, 1965—1967; «Problem polsko-niemiecki w traktacie wersalskim». Poznań, 1963; «Zapisnici sa sednica Delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj konferenciji u Parizu 1919—1920». Beograd, 1960.

Политика империалистических держав в отношении зарубежных славянских стран и политика господствующих классов этих стран встречала усиливающийся отпор передовой части рабочего класса, а также некоторых групп крестьянства и прогрессивной интеллигенции. Борьба за Советы в Польше³², кратковременное, но яркое существование Словацкой Советской Республики³³, массовое забастовочное движение чешских рабочих³⁴, революционный кризис 1918—1919 гг. в Болгарии³⁵, народные выступления в Югославии³⁶, деятельность в 1920 г. Временного революционного комитета в Польше³⁷ свидетельствовали о возрастающем влиянии Октябрьской революции на трудящихся зарубежных славянских стран. Движение солидарности с Октябрьской революцией и борьба против антисоветской интервенции принимали в зарубежных славянских странах все более широкие размеры. Весьма значительным вкладом в защиту дела Октября было непосредственное участие выходцев из зарубежных славянских стран в строительстве советского социалистического государства, в борьбе против его внешних и внутренних врагов на фронтах гражданской войны и иностранной интервенции в СССР³⁸. Новый революционный подъем, охвативший капиталистическую Европу в 1923 г., с особой силой проявился в зарубежных славянских странах: мощное народное восстание произошло в Болгарии, крупные выступления рабочих имели место в Польше. Это были одни из последних значительных выступлений европейского пролетариата в период первого штурма капитализма, открытого победой Октября.

Таким образом, в тот период ни одному из зарубежных славянских народов не удалось покончить с буржуазным и помещичьим гнетом. Но это обстоятельство не дает основания недооценивать больших исторических завоеваний, одержанных славянскими народами в результате Октябрьской революции.

Правда, завоеванная ими независимость была шаткой и непрочной. Изнутри ее подрывала проводившаяся господствующими классами политика социального и национального гнета. Уступки, вырванные трудящимися в первую пору существования этих государств, оказались недолговечны — упрочив свои позиции, реакционные классы попытались ликвидировать и 8-часовой рабочий день, и всеобщее избирательное право, и политические свободы, и права профсоюзов. Обострение внутренних противоречий господствующие классы пытались преодолеть установлением диктатуры фашистского типа в Болгарии в 1923 г., пилсудчиковского режима «санации» в Польше в 1926 г., военно-монархической диктатуры в Югославии в 1929 г. То, что эти антинародные режимы сложились

³² W. L. Karwacki. Walka o władzę w Łodzi 1918—1919. Łódź, 1962; A. Kałuża, S. Poprawska. Rady Delegatów Robotniczych w Zagłębiu Dąbrowskim. 1918—1919. Katowice, 1961; Z. Rybicki. Rady Delegatów Robotniczych w Polsce. 1918—1919. Warszawa, 1962; С. Стецкевич. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах. Л., 1966.

³³ M. Vietor. Slovenská sovietská republika v roku 1919. Bratislava, 1955; F. D. Pogr. Maďarska sovietská republika a její ohlas na Slovensku. Praha, 1959.

³⁴ Д. Барта. Декабрьская всеобщая стачка 1920 года в Чехословакии. М., 1955.

³⁵ X. Христов. Революционната криза в България през 1918—1919 г. София, 1957; М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957.

³⁶ М. Егич. Agrarna reforma u Jugoslaviji. Sarajevo, 1958; Б. Бошкович. Крестьянское движение и национальный вопрос в Югославии. М., 1929 и др.

³⁷ «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski». Warszawa, 1955.

³⁸ См. А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965; А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; И. Д. Очак. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921). М., 1966.

либо в конце первого периода послеоктябрьского революционного подъема, либо в условиях неустойчивой стабилизации капитализма и начала мирового экономического кризиса, говорит о глубине внутренних противоречий, свойственных в межвоенный период зарубежным славянским странам.

Путь к разрешению в интересах народа всех этих противоречий показывали только коммунистические партии. Преодолев ошибки первых лет своего существования, пережитки социал-демократизма и «детской болезни „левизны“ в коммунизме», обогащаясь собственным опытом и опытом братских партий, особенно партии большевиков, коммунистические партии Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии превращались во все более действенный фактор политической жизни своих стран. В борьбе с «правыми» и «левыми» они овладевали марксизмом-ленинизмом, превращались в партии подлинно нового, революционного типа. Бесконечные репрессии, непрерывно сыпавшиеся на них, ни на миг не прерывали героической борьбы коммунистов за интересы трудящихся. Эта борьба становилась тем более успешной, что собственный опыт трудящихся масс развеял многие иллюзии и надежды, возникшие у них в конце первой мировой войны и в первые послевоенные годы. Успешное строительство социализма в СССР показывало трудящимся всего мира, чего может добиться народ, ставший подлинным хозяином своей судьбы. Вдохновенный пример Советского Союза и широкая пропаганда коммунистами достижений советского народа привели к тому, что у многих рабочих зарубежных стран сложилось такое отношение к стране победившего социализма, при котором, по образному выражению Георгия Димитрова, «Москва — это своя Москва, Советский Союз — это свое государство»³⁹. Чувство гордости за советскую страну и желание пойти ее путем с особой силой давали себя знать в зарубежных славянских странах.

В годы мирового экономического кризиса, а особенно после захвата гитлеровцами власти в Германии, зарубежные славянские страны оказались перед лицом смертельной опасности. Германский империализм открыто притязал на их земли, раздувая человеконенавистническую, расистскую антиславянскую пропаганду.

Коммунисты зарубежных славянских стран, как и коммунисты всего мира, по справедливости увидели в фашизме самое страшное порождение капиталистической реакции.

Воспринимая и используя бессмертные образцы тактики большевиков, которые смогли в ходе подготовки Октябрьской революции и в защите ее завоеваний добиться соединения в единую политическую армию революции различных потоков народного движения — социалистического движения рабочего класса, общедемократического движения крестьянства и части интеллигенции, освободительного движения угнетенных народов, коммунисты выступили инициаторами борьбы за единый фронт рабочего класса и создания еще более широкого антифашистского народного фронта⁴⁰. На VII конгрессе Коммунистического Интернационала (июль — август 1935 г.), проходившем под знаком творческого поиска средств и способов борьбы против фашизма и опасности новой мировой войны, отмечались успехи коммунистов славянских стран, особенно Коммунистической партии Польши, в сплочении антифашистских, демократических, подлинно патриотических сил.

³⁹ Г. Д и м и т р о в. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи 1935—1937. М.—Л., 1937, стр. 102.

⁴⁰ F. K a l i c k a. Z zagadnień jednolitego frontu KPP i PPS w latach 1933—1934. Warszawa, 1967.

Коммунисты зарубежных славянских стран, оказавшихся под непосредственной угрозой гитлеровской агрессии, все глубже и прочнее увязывали борьбу за социализм с борьбой за демократические права, за национальную независимость. Действуя в чрезвычайно трудных условиях⁴¹, они настоятельно доказывали, что только изменение внешнеполитического курса, проводившегося правящими кругами зарубежных славянских стран, и переход от антисоветской политики к политике сотрудничества с Советским Союзом способны возвести барьер против гитлеровской агрессии.

Неизменно осуществляя внешнеполитическую программу, возведенную Октябрем, Советское правительство предлагало всем странам, заинтересованным в предотвращении и обуздании агрессии, стать на путь организации коллективной безопасности. Учитывая особую остроту опасности, нависшей над зарубежными славянскими странами, советская дипломатия добивалась упрочения их положения. Но лишь правительства Чехословакии и Болгарии сделали шаг навстречу этим стремлениям СССР, установив с ним в 1934 г. нормальные дипломатические отношения; а в 1935 г. между СССР и Чехословакией был подписан договор о взаимопомощи. Однако политике сотрудничества с СССР, которой должна была соответствовать политика опоры на демократические силы внутри страны, буржуазные правители Чехословакии предпочли подчинение диктату западных держав и капитуляцию перед силами внутренней реакции⁴². Правительство Югославии упорно уклонялось от всякого сближения с СССР и только буквально за несколько часов до гитлеровского нападения на Югославию, 5 апреля 1941 г., пошло на подписание с СССР договора о дружбе и ненападении. Что же касается «санационных» правителей Польши, то после нескольких зигзагов в своей внешней политике, они еще в январе 1934 г. пошли на авантюристический сговор с гитлеровской Германией и вместе с ней сделали все возможное для срыва советской политики по организации коллективной безопасности, содействуя тем самым развязыванию гитлеровской агрессии.

Даже после позорной мюнхенской сделки, когда правители Англии и Франции выдали гитлеровцам Чехословакию⁴³, даже после того, как гитлеровцы открыто провозгласили своей ближайшей задачей сведение счетов с Польшей, реакционные правители последней преступно отклоняли предложения СССР о военном и политическом сотрудничестве и, изолировав тем самым Польшу от единственной страны, которая стремилась оказать ей помощь, поставили Польшу под удар гитлеровских полчищ⁴⁴.

Фашизм растоптал государственность Чехословакии, Польши, Югославии, низвел Болгарию до положения гитлеровского сателлита. Пытаясь противопоставить одни народы другим, выискивая в захваченных странах предательские элементы и широко их используя, гитлеровцы в то же время методически проводили свою политику физического уничтожения славян

Фашистский «новый порядок» носил наиболее чудовищный характер именно в славянских странах⁴⁵. Славянские народы стали жертвами самой страшной оргии уничтожения в истории человечества. Залитые кровью югославские и польские земли, чад Освенцима, Майданека и десятков

⁴¹ См. «Dějiny Komunistické strany Československa». Praha, 1961, s. 314—382; J. K o w a l s k i. Trudne lata. Warszawa, 1966.

⁴² В. К о п е ц к и й. Воспоминания. М., 1962, стр. 355—373.

⁴³ «Mnichov v dokumentech». d. I—II. Praha, 1958.

⁴⁴ M. T u r l e j s k a. Rok przed klęską. Warszawa, 1965.

⁴⁵ Cz. M a d a j c z y k. Generalna Gubernia w planach hitlerowskich. Warszawa, 1961; V. K r á l. Prawda o okupaci. Praha, 1962.

других лагерей смерти, пепел Лидице не согнули славянские народы. Они переходили ко все более организованному, стойкому и упорному отпору захватчикам. Порабощенное, преданное, но не покоренное население славянских стран втягивалось в движение Сопротивления. Повсеместно организаторами и активнейшими участниками Сопротивления были коммунисты.

Но сколь героическим и массовым ни стало движение Сопротивления, оно не смогло добиться существенных успехов пока не началась вооруженная борьба Советского Союза против гитлеровской коричневой чумы. Как справедливо отметил ЦК КП Югославии в своем обращении к народам страны, принятом 22 июня 1941 г., Советский Союз — надежда трудящихся всего мира; кровь советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества⁴⁶.

В Великой Отечественной войне Советского Союза против гитлеризма решались судьбы цивилизации, судьбы всего человечества. В смертельной схватке с гитлеровской Германией, Советский Союз отстаивал и развивал дело Октября. Правительство СССР с первого дня войны неизменно указывало, что его целью является не только освобождение советской земли, но и помощь всем народам Европы, помощь полякам, чехам, сербам и другим уничтожавшимся гитлеровцами славянским народам. На состоявшихся в период войны митингах славянской общественности неизменно подчеркивалось, что исторически сложилось такое положение, при котором судьбы всех славянских народов, само их существование зависят от победы Советского Союза над гитлеровской Германией.

С начала Великой Отечественной войны Советского Союза антифашистское движение Сопротивления в зарубежных славянских странах стало принимать все более массовый характер⁴⁷. Преодолевая противодействие отечественной реакции, стремившейся ограничить масштабы и цели антигитлеровской борьбы, движение Сопротивления стало перерастать в вдохновлявшиеся борьбой советского народа и великими идеями Октября народно-демократические, антифашистские, антиимпериалистические революции. Всюду их решающей силой являлся рабочий класс и его марксистско-ленинский авангард⁴⁸.

Весь опыт межвоенного двадцатилетия показал зарубежным славянским народам, что в условиях капитализма они обречены в лучшем случае на роль третируемых пешек в большой игре великих империалистических держав; вторая мировая война к этому опыту прибавила реальную опасность осуществлявшейся гитлеровцами политики уничтожения славянских народов. Практика исторического развития показала зарубежным славянским народам, что в условиях капитализма у них нет будущего, что их свобода и независимость, сохранение и развитие их культуры, их духовный, экономический, демографический, политический прогресс немислимы в условиях капитализма. Война и гитлеровское иго с особой силой раскрыли славянским народам, что у них нет будущего вне демократии и социализма.

⁴⁶ См. «Белградская операция». М., 1964, стр. 29.

⁴⁷ См. В. К л о к о в. Борьба народов славянских стран против фашистских работодателей (1939—1945). Киев, 1961; «Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945». Warszawa, 1966; «История на България», т. III. София, 1964; Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964; «Oslobodilački rat naroda Jugoslavije. 1941—1945», кн. I—II. Beograd, 1957—1958; I. А. П е т е р с. Співдружність чехословацького і радянського народів у боротьбі против фашизму в роки другої світової війни. Київ, 1959.

⁴⁸ И. М а р я н о в и ч. Освободительная война и народная революция в Югославии. М., 1956; А. И. Н е д о р е з о в. Национально-освободительное движение в Чехословакии. 1938—1945. М., 1961.

В борьбе за это будущее, путь к которому в тяжелой войне прокладывал Советский Союз, сплачивались все революционно-освободительные, прогрессивные, патриотические силы во главе с коммунистическими и рабочими партиями. В Болгарии это сплочение привело к образованию Отечественного фронта, в Югославии — Единого народно-освободительного фронта, в Чехословакии — Национального фронта чехов и словаков, в Польше — блока революционно-демократических партий и организаций. На почве этих блоков и фронтов, в кровопролитной борьбе за существование, за правое дело рождались и складывались во всех славянских странах элементы новой революционной власти⁴⁹. Великой борьбе, формы, методы, приемы которой определялись местными условиями и особенностями, существенно помогало то, что коммунистические и рабочие партии всегда обращались к опыту Октябрьской революции, воспринимая из ее неисчерпаемо разнообразной и богатой сокровищницы революционного творчества все то, что имело и могло иметь международное значение.

III

Великая освободительная миссия Советского Союза была прямым продолжением и развитием дела Октябрьской революции. Советский Союз в соответствии со своим интернациональным долгом и интересами дальнейшего строительства социализма и коммунизма оказал прямую, действенную, решающую поддержку всем угнетенным фашизмом народам. Освободив человечество от коричневой чумы гитлеризма, Советский Союз тем самым принес спасение зарубежным славянским народам.

Космарная трагедия гитлеровского ада убедила многие народы — и в их числе все зарубежные славянские народы, — что залогом их свободы и независимости, гарантией их социального и национального освобождения может быть только политика союза и дружбы с СССР. Поэтому завершение второй мировой войны сопровождалось закреплением фактически сложившихся отношений путем заключения между восстановившими свою независимость славянскими странами и СССР договоров о дружбе, союзе и взаимопомощи.

Коренному перелому в отношениях между СССР и зарубежными славянскими странами соответствовали коренные изменения во внутреннем развитии этих стран. Разгром Советским Союзом гитлеровской военной машины благоприятствовал победе народно-демократических революций. Политическим выражением этой победы явилось установление народной власти, направившей развитие своих стран по пути, проложенному Октябрем, — к социализму.

Таким образом, победа СССР сопровождалась не только восстановлением национальной независимости поработанных гитлеровцами народов, но для многих из них, в том числе для всех зарубежных славянских народов, и социальным освобождением от власти реакционных классов. Так, спустя четверть века после Октября получили дальнейшее развитие созданные им предпосылки для поступательного движения человечества.

Как и в других странах, вырвавшихся из пут капитализма, в зарубежных славянских странах решение народно-демократических и социалистических задач столь тесно переплелось, что не во всех случаях можно достаточно четко разграничить народно-демократический и сменивший его социалистический этапы развития. Последний дал себя знать завершением лик-

⁴⁹ Л. Б. Валев. Из истории Отечественного фронта Болгарии. М., 1950; «Polski ruch robotniczy w okresie wojny i okupacji hitlerowskiej». Warszawa. 1964; Р. Чолакoviч. Записки об освободительной войне. М., 1963.

видации класса помещиков и крупных капиталистов, осуществлением перестройки экономики и ее развитием на основе перспективных планов в направлении социалистической индустриализации и социалистической реорганизации сельского хозяйства⁵⁰.

Как и во всех странах, ставших на социалистический путь развития, поступательное движение социалистической революции в зарубежных славянских странах происходило в условиях острой классовой борьбы. Повсеместно существенным элементом развития революции являлось преодоление раскола рабочего класса и повышение роли коммунистических и рабочих партий в блоке демократических сил.

Не только политическое и культурное возрождение ранее поработанных гитлеровцами стран, но и восстановление их экономики происходили при широкой братской помощи СССР. Политическое и экономическое сотрудничество с СССР имело тем большее значение для славянских и других народно-демократических стран, что западные державы непрерывно стремились подорвать их суверенитет, проводили в отношении СССР и всех подлинно свободных стран политику «холодной войны». Исключительно велика была роль СССР в урегулировании различных нерешенных территориальных вопросов, унаследованных европейскими странами от версальской системы договоров и осложненных гитлеровской политикой международного разбоя. Главным в этом отношении явилась полная ликвидация мюнхенских соглашений и установление решением Потсдамской конференции 1945 г. западных границ новой, народной Польши по линии Одра — Западная Ниса.

В общем комплексе изменений свое место заняли новые отношения, утвердившиеся между всеми зарубежными славянскими странами. Антиславянская расистская политика германского империализма показала всем славянским народам жизненную необходимость их солидарности. В ходе освободительной борьбы против гитлеровских захватчиков коммунисты и другие демократы славянских стран указывали на необходимость прочного сотрудничества славянских народов как одного из условий взаимного обеспечения их существования. Практическое осуществление этой солидарности оказалось возможным после того как в славянских странах были отстранены от власти эксплуататорские классы — носители политики социального гнета и национального разобщения.

С победой социалистических революций в славянских странах коренным образом изменились отношения как между ними, так и между славянскими и другими социалистическими странами. Ныне эти отношения базируются на принципах социалистического интернационализма, провозглашенных великим Октябрем, на взаимном признании суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, сочетании национальных и интернациональных интересов, взаимной солидарности, борьбе за мир против всех сил империализма и агрессии.

Успехи великого социалистического содружества, составной частью которого являются и славянские страны, вызывают злобу и ненависть империалистов и в первую очередь США и Западной Германии. Вражда к славянским народам ныне является одной из черт антикоммунизма, взятого на вооружение империалистической пропагандой, в том числе и пропагандой, облакаемой в форму науки.

В этой пропаганде имеют хождение наукообразные измышления о «славяно-советском империализме», «новом панславизме», «угрозе» сла-

⁵⁰ См. «XX lat Polski Ludowej». Warszawa, 1964; «Социалистическата революция в България». София, 1965 и др.

вянского «Drang nach Westen» и т. п.⁵¹ В действительности измышления, направленные на то, чтобы извратить характер отношений, связывающих славянские страны, используются для обоснования притязаний западногерманского империализма на территориальный передел Европы: поглощение социалистического немецкого государства — ГДР, находящейся в прочном и нерушимом союзе с СССР, с зарубежными славянскими и другими социалистическими странами, на захват польских, чехословацких, советских и других земель.

Реакционное крыло «остфоршерев», «научно» обосновывая притязания неонацистов, реакционных землячеств и других реваншистов, за последние годы весьма расширило клеветнические писания об Октябрьской революции, советском «панславизме», «гегемонизме» и т. п.⁵²

Потоку печатной продукции, фальсифицирующей прошлое и настоящее зарубежных славянских народов и их взаимоотношения с СССР, марксистско-ленинская историческая наука противопоставляет все растущий круг исследований, в которых на основе всестороннего изучения фактов и их подлинно объективного анализа устанавливается научно достоверная картина социально-экономического, политического, культурного развития каждого из зарубежных славянских народов, их отношений с СССР и между собой и их роли в международной жизни. При этом, естественно, одно из центральных мест среди этих исследований занимают труды, посвященные Октябрьской революции, ее переломной роли в истории всего человечества, в истории каждого из зарубежных славянских народов. Как и их советские коллеги⁵³, зарубежные историки-марксисты убедительно обосновывают причинную связь, существующую между Октябрьской революцией и воссозданием национальных государств и всем последующим развитием зарубежных славянских стран.

Прошедшие после Октября 50 лет показали, что дело и идеи Октября прочно слились с историей развития трудящихся масс всего мира⁵⁴. В своих обращениях и постановлениях, принятых в связи с 50-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, руководящие органы коммунистических и рабочих партий славянских стран отметили, что революция и все последующее развитие Советского государства явились одним из главных источников национального и социального освобождения славянских и других народов.

Выступая в тесном интернациональном единстве с революционными силами всего мира, зарубежные славянские народы видят в своем союзе с СССР, в своей приверженности идеям Октября решающий залог своего успешного развития по пути мира, прогресса, социализма.

⁵¹ См. Н. К о h n. Geschichte des Panslavismus. Wien, 1956; М. В. P e t r o w i c z. The Emergence of russian Panslavism. New York, 1956.

⁵² W. J a k s c h. Europas Weg nach Potsdam. München, 1959; Н. К о h n. The Mind of Germany. New York, 1960 и др. Об «остфоршунге» см. М. Р. Т у л ь ч и н с к и й. Адвокаты реванша. М., 1963.

⁵³ См. «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957; «История Болгарии», т. II. М., 1955; «История Польши», т. III. М., 1958; «История Чехословакии», т. III. М., 1960; «История Югославии», т. II. М., 1963.

⁵⁴ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС». — «Правда», 1967, 25 июня.

Д. Ф. МАРКОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ 20—30-х ГОДОВ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС¹

1. О некоторых общих вопросах сравнительного изучения литературы XX века

Период после первой мировой войны — время глубоких сдвигов в международном литературном движении. Октябрьская революция в России и последовавшие за нею революционные события в других странах внесли, как известно, существенные изменения в развитие всех художественных направлений в мировой литературе. Динамика каждого из них представляет немалый интерес и, разумеется, может стать предметом специального изучения.

В настоящей статье речь пойдет о социалистических литературах. Их развитие в этот период — явление, характерное для многих стран. Поэтому особое значение в исследовании общих закономерностей этих литератур приобретает историко-сравнительный анализ сходных процессов, развивавшихся в специфических национальных условиях.

Марксистское литературоведение довольно основательно, на наш взгляд, разработало многие методологические вопросы сравнительного изучения литератур. Подвергнута серьезной научной критике методология буржуазных направлений компаративизма², определены различные аспекты сравнительных исследований³.

Как правило, все исследователи подчеркивают и возможность и целесообразность самых различных путей сравнительного изучения литератур. На практике, однако, в центре внимания многих авторов часто оказывается лишь проблема литературных влияний. Вот, например, совсем недавно появившаяся статья Б. Рейзова «Сравнительное изучение литературы»⁴. Статья эта, написанная как общетеоретическая, объективно сужает, на наш взгляд, рамки сравнительных исследований: в ней в сущ-

¹ Сокращенный текст доклада, подготовленного к VI Международному съезду славистов.

² См., например: Р. М. Самарин. Современное состояние сравнительного изучения литератур в зарубежной науке. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1959, т. XVIII, вып. 4; И. Г. Неупокоева. Методология компаративизма США и ее связь с реакционной социологией и эстетикой. В кн.: Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963 и др.

³ О них говорил В. М. Жирмунский на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958). См. его доклад «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960.

⁴ «Вопросы методологии литературоведения». М.—Л., 1966, стр. 170—217.

ности речь идет только о литературных влияниях, которые представлены во многом и содержательно, и интересно, но которыми, конечно же, не исчерпывается предмет сравнительного изучения литератур.

Что касается частных исследований по этой проблеме, можно, пожалуй, сказать, что большинство их посвящено контактным связям национальных литератур или отдельных писателей. Литературоведов, очевидно, более привлекают эти конкретные связи, чем исследование возникавших независимо друг от друга сходных явлений.

Отметим еще одну особенность сравнительных исследований. В них решительно преобладает историко-литературный материал прошлого, до XIX в. включительно. Об этом свидетельствует, например, прошедший в конце августа 1966 г. в Софии Первый международный съезд по балканистике, в сущности почти не касавшийся проблематики сравнительного изучения литератур XX века.

В этой констатации нет ни малейшего упрека в адрес авторов, занимающихся изучением отдаленных периодов литературного развития. По-настоящему, что те периоды дают богатый, далеко еще не изученный материал для обобщений. На этом материале в разных странах созданы значительные исследования, нередко представляющие общетеоретический интерес.

И все же вопрос о сравнительном изучении литератур XX века представляется принципиально важным. Суть здесь не в простом расширении хронологических рамок, а в том, чтобы раскрыть те новые эстетические завоевания, с которыми связаны и новые закономерности мирового художественного процесса в нашу эпоху. Это тем более важно подчеркнуть, что немало литературоведов Запада или обходят процессы, совершающиеся в мировой литературе после Октябрьской революции, или приписывают их значение⁵. Приведем один недавний пример. На упомянутом уже Международном съезде по балканистике проф. А. Мирамбель выступил с докладом «Развитие литератур Юго-Восточной Европы с конца XVIII в. до наших дней в их связи с другими литературами». Говоря о странах Юго-Восточной Европы всего этого периода, автор подчеркивает, что «независимо от различий, история новых литератур в этих странах повторяет историю западных литератур»⁶.

Известна огромная роль, которую играли передовые западноевропейские литературы в развитии литератур многих стран мира, в том числе и стран Юго-Восточной Европы. Но будем следовать логике фактов до конца. Проф. Мирамбель не видит того факта, что в странах, о которых говорится в его докладе, уже не один десяток лет существуют литературы нового типа — социалистические; он вообще проходит мимо глубоких социальных и художественных сдвигов, характерных для современной эпохи. А без этого абсолютно невозможно дать объективную характеристику литературного процесса XX века.

За последние годы в ряде стран, особенно социалистических, все более возрастает число статей и книг, охватывающих и литературы в период после Октябрьской революции. Главный их аспект — литературные связи и влияния, например, связи других литератур с советской литературой. Многие из этих исследований вносят серьезный вклад в науку. Но у нас все еще крайне мало работ, посвященных анализу историко-типологических явлений в литературах XX века (отчасти этот пробел возмещают

⁵ См. об этом: Р. М. Самарин. Концепции современного литературного процесса. В кн.: Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы. М., 1967, стр. 63—80.

⁶ *Le développement des littératures du Sud-Est. Européen en relation avec les autres littératures de l'Est du XVIIIe siècle à nos jours. Rapport pour la séance plénière. Sofia, 1966, p. 9.*

книги: И. Г. Неупокоевой «Проблемы взаимодействия современных литератур», 1963, и Э. Георгиева «Общее и сравнительное славянское литературоведение», 1965).

Нас в первую очередь будут интересовать сходные явления в социалистических литературах славянских стран, возникавшие вне сферы непосредственных литературных контактов, взаимодействий и влияний. Конечно, грань здесь не абсолютная. Национальные литературы — не изолированные островки. Это тем более относится к революционным литературам: важнейшим фактором их развития является усиление интернациональных связей.

Акцент на общее в какой-то степени ослабляет характеристику конкретно-национального. Очевидно, это неизбежно в том смысле, что анализ не охватывает многие национально-специфические детали и различия, идет по линии отвлечения от них. Но и общие, сходные литературные процессы отнюдь не безнациональны. Понятие национального в литературах не сводится лишь к явлениям замкнутого ряда, не имеющим никаких аналогий в других странах. И в анализе сходных явлений национальное постоянно и непременно учитывается, так как эти явления рассматриваются конкретно-исторически — как явления определенного периода определенной страны, а затем и как национальный вклад в мировую литературу.

Каково, однако, содержание понятия «мировая литература»? Чем определяется степень вклада той или иной национальной литературы в общий процесс международного литературного развития?

Одно из самых распространенных представлений о всемирной литературе — это представление о ней как о простой сумме национальных литератур. Несостоятельность такого представления в теоретическом плане очевидна, тем не менее оно нередко дает о себе знать в практике литературоведения. Вполне естественное стремление авторов статей и книг по истории всемирной литературы или отдельных ее регионов к раскрытию национального своеобразия каждой литературы часто выливается, однако, в длинный ряд изолированных характеристик этих литератур, преподносимых одна за другой, не связанных объединяющими концепциями их развития. И объясняется это тем, что нами все еще не выработаны четкие критерии отбора и оценки литературных явлений с точки зрения мирового художественного процесса.

Нередко в качестве такого критерия называется популярность, известность того или иного писателя, того или иного произведения не только в национальном, но и в международном масштабе. Конечно, это важный показатель. Но он не может быть основным и тем более единственным. Ведь популярность имени и произведений писателя не всегда совпадает с его объективным значением. А. И. Белецкий, говоря о поэзии Шевченко, справедливо писал: «Историческое значение того или иного автора, разумеется, нельзя определить какой-либо статистикой его переводов на другие языки или его популярностью в среде мировых читателей. Автор «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» или, скажем, автор «Приключений Шерлока Холмса», т. е. Дюма-отец и Конан Дойль, до сих пор популярны, читаются в переводах чуть ли не на все языки мира. Но эта популярность еще не обозначает объективной ценности. Чтобы определить мировую ценность творчества Шевченко, нужно взвесить ее на весах истории»⁷.

Бывают и совсем кричащие несоответствия. Произведения Флеминга, например, выходят на Западе миллионными тиражами. Вряд ли, однако,

⁷ «Тарас Шевченко». Сб. М., 1962, стр. 19—20.

объективный читатель станет оценивать их как высокие художественные завоевания эпохи. А великий Пушкин при жизни не был широко известен за пределами России.

Конечно, рано или поздно произносит свое слово справедливый суд истории. Тогда все становится на свое место, популярность писателя приходит в соответствие с действительным значением его творчества. Но движение к этому всегда осложнено национальными, классовыми и другими противоречиями.

Существуют ли все же какие-либо объективные критерии при определении понятия «мировая литература» и, следовательно, круга явлений, его составляющих? Речь должна идти, очевидно, о поступательном художественном развитии человечества, об общем прогрессе мировой духовной культуры и о степени участия в нем отдельных национальных литератур. Такое развитие связано с гуманистической миссией искусства — с изображением человека в его отношении к миру, с показом формирования тех духовных и нравственных качеств человеческой личности, которые составляют прекрасное в ней — с показом процесса освобождения человека от предрассудков и заблуждений, процесса роста его исторической сознательности, активности, преобразующей роли. Раскрытие именно этих процессов, степень его полноты и образной силы служат мерой оценки и целых литературных направлений, и индивидуального творчества писателей. Кажется, что при таком подходе к литературным явлениям права национальных литератур равны — каждая входит в мировую литературу прежде всего теми своими наиболее значительными завоеваниями, в которых сравнительно ярко выражены черты поступательного художественного развития. В результате возникает возможность создания истории всемирной литературы не как механического свода литератур отдельных наций и народностей, а как единого процесса.

Мы исходим из того, что однотипные явления в национальных литературах объясняются сходством исторических процессов в разных странах. Применительно к социальной истории В. И. Ленин считал возможным говорить об «общенаучном критерии повторяемости»⁸. И это, как принцип, относится и к истории литературы. Повторяемость понимается отнюдь не как абсолютное тождество явлений, а лишь как близость, аналогичность, подобие общих принципов, которые могут возникать независимо друг от друга и проявляться в самых разнообразных формах. Такие сходные черты возникают в разных национальных литературах и параллельно, одновременно, а иногда и со значительным интервалом во времени. Это зависит от уровня общественного и литературного развития отдельных стран.

В развитии национальных литератур бывают периоды особенно интенсивных типологических схождений. Таким именно был период после Октябрьской революции. И это понятно. Октябрьская революция оказала воздействие на революционное движение многих стран мира. Политическая активизация народов, осознание ими общих задач борьбы рождали чувства взаимной революционной солидарности, способствовали быстрому росту интернациональных связей — общественных и культурных. Повсеместно возникали литературы нового типа — социалистические. В этих литературах, при всем их национальном своеобразии, проявлялись существенные общие тенденции. Их анализ очень важен — в них исторически утверждались новые измерения художественного прогресса, неотделимого от прогресса социального.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

2. Интенсивность развития социалистических литератур в славянских странах

Об общих закономерностях формирования и развития социалистических литератур можно говорить, опираясь на факты литературного процесса самых разных стран. Мы ограничимся материалом южнославянских и западнославянских литератур, соотносимых в том или ином плане с советской литературой.

Опыт южнославянских и западнославянских литератур представляется весьма значительным. Однако он до сих пор недооценивается. Многие литературоведы Запада не видят действительного места этих литератур в мировой литературе. В их работах по истории всемирной литературы славянский материал или вовсе отсутствует, или вводится разрозненно, неорганично⁹. Причин тому много — от простого незнания фактов, от традиционного следования западноевропоцентристской концепции до прямого игнорирования эстетических ценностей, возникновение которых связано с глубочайшими революционными сдвигами в XX веке.

Марксистские литературоведы-слависты недостаточно освещают типологические литературные явления, возникшие после первой мировой войны. Между тем именно в этот период в славянских странах происходил исключительно интенсивный процесс развития социалистических литератур — одного из самых новаторских явлений мировой литературы. Не говоря уже о советских литературах — русской, украинской, белорусской, интенсивность указанного процесса характерна и для других славянских литератур. Это находит себе объяснение в своеобразии истории славянских народов, в том особенно сильном воздействии, какое оказала на них Октябрьская социалистическая революция.

Для поляков, чехов, словаков, хорватов и словенцев с Октябрьской революцией связано прежде всего обретение ими национальной независимости — событие исключительного значения в судьбах этих народов, живших долгие годы в условиях национального гнета: только после победы Октябрьской революции были созданы объективные предпосылки для реализации давних народных чаяний — образования национально-независимых славянских государств.

В силу названных обстоятельств передовая общественность освобожденных земель нередко была в непосредственном контакте с Россией не просто как со славянской страной, а как со страной социалистической революции. Для Болгарии, ранее освобожденной русскими войсками от иноземного ига, эти контакты были не менее тесными. Известна связь болгарского революционного движения с русским, тот небывалый подъем, с каким болгарские революционеры воспринимали идеи Октября.

В период революционного подъема в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии издавались революционные газеты и журналы, вокруг которых объединялась писательская интеллигенция. Многие из писателей были непосредственными участниками революционной борьбы.

Не станем здесь сколько-нибудь подробно излагать факты. Они приведены и проанализированы в ряде исследований по отдельным национальным литературам¹⁰. Попытаемся охарактеризовать значение некоторых из этих фактов лишь в определенном аспекте — с точки зрения их места

⁹ См. об этом: Н. И. Кравцов. Концепции истории славянских литератур в работах зарубежных литературоведов. В кн.: Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы. М., 1967.

¹⁰ См., например, сборник «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян». М., 1963.

в рамках тех общих линий формирования и развития социалистических литератур, с которыми связаны важнейшие закономерности мирового литературного процесса. Каковы же эти линии?

Новая, социалистическая тенденция в литературах разных стран наиболее сильно выражала себя прежде всего в творчестве революционно-пролетарских писателей (если говорить о Западной Европе и Америке, сразу вспоминаются имена Анри Барбюса, М. Андерсена-Нексе, Джона Рида). Но становление социалистических литератур, как литератур нового типа, — это не только линия деятельности пролетарских писателей, хотя она и составляет, несомненно, основную магистраль движения. Известно, что социализм, как идеология, влиял на многих других художников слова, формируя их новое отношение к миру. Много писали о том, что выдающиеся художники XX века (например, Франс, Роллан, Лондон, Шоу и другие) испытывали огромную тягу к социализму. Их реализм приобретал новые черты. Наконец, в 20-х годах революционные настроения выражали (хотя и сложно, противоречиво) представители левых авангардистских течений.

Процессы, связанные с общими закономерностями становления социалистических литератур, наблюдаем также и в южнославянских и западнославянских литературах. Отметим ряд тенденций, характерных для этих процессов (тенденций, о которых нам уже приходилось писать¹¹).

Еще в конце XIX — начале XX в. под влиянием социалистических идей находились многие писатели славянских стран. И это сказалось прежде всего в том, что в их творчестве углубилась критика буржуазных общественных порядков и нравов, усилился обличительный пафос, в центре внимания оказались резко выраженные социальные противоречия. Это — одна из новых черт критического реализма XX в.

В произведениях художников, так или иначе оказавшихся в орбите влияния социалистических идей, возникали и социально-героические мотивы. Не случайно, например, в произведениях выдающегося болгарского прозаика Елина-Пелина появляются яркие образы людей из народа — свободолюбивых, активно отстаивающих свои права. Можно было бы привести и другие аналогичные примеры. В отличие от модернистов, вообще исключавших из сферы эстетического социальные переживания людей, писатели демократического направления искали причины социального бесправия народных масс, приходили к осознанию законности их протеста. Мотив права народа и веры в его безграничные силы звучит в произведениях П. Яворова («Сизиф»), С. Михайловского («Поэма о болгарском народе»), М. Конопницкой («Пан Бальцер в Бразилии»).

А это означало в сущности, что в самом художественном методе критических реалистов происходили серьезные сдвиги: менялся человек — его взгляды и чувства, менялся и его образ в литературе. Вначале его рисовали забитым и безропотным, относились к нему с сентиментальным состраданием, затем видели и изображали его постепенное духовное выпрямление — пусть еще не уверенно, часто стихийно он шел к борьбе против социального зла. Эта эволюция образа трудового человека и есть одна из линий внутренней эволюции метода критического реализма.

Новая особенность демократической литературы — формирование в ней социально-героического пафоса — находила свое конкретное выражение и в том, что отдельные писатели шли к изображению совершенно по-

¹¹ Проблема генезиса социалистического реализма в болгарской литературе. М., 1958; Формирование социалистического реализма в литературах южных и западных славян (к вопросу об общих закономерностях процесса). В кн.: Славянские литературы. М., 1963; О некоторых чертах реализма в литературах зарубежных славянских народов конца XIX—20-х годов XX в.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, и др.

вого для них героя — пролетария и социалиста. О человеке, удивлявшем новизной и силой социалистических убеждений, писал в конце прошлого века Ц. Церковский («Еретик»). В очерке «1 мая 1890 года» Ян Неруда приветствовал демонстрацию чешских рабочих. В конце своей жизни он увидел в пролетариате надежду и будущее нации. Активную поддержку рабочему движению в Словении оказывал и своей общественной деятельностью, и своим творчеством И. Цанкар. Образ рабочего как новой силы, способной социально преобразовать и обновить мир, возникает в стихах С. Краньчевича, О. Жупанчича. Движение к новому с особой, можно сказать, редкой характерностью в рамках не только чешской, но и мировой литературы начала XX в. выражено в поэзии П. Безруча — певца силезских шахтеров. Его поэзия — своеобразный переходный этап от общедемократической поэзии к социалистической.

Новые тенденции в литературе критического реализма были не просто предвестием, а реальным утверждением исторической необходимости возникновения социалистического искусства. После Октябрьской революции они значительно обогатились.

Известна та сложная обстановка, которая создалась после первой мировой войны. Многих писателей объединяло тогда резко отрицательное отношение к войне. Кошмар пережитого отрезвлял, заставлял искать новых путей. Проблема выбора пути была в те годы одной из самых острых. Это была в сущности старая и вечно новая проблема гуманизма — художники искали подлинного места человека в современном мире, реальных путей к человеческому счастью. Показательно, что некоторые писатели из лагеря модернизма поднимались до справедливого возмущения уродливыми явлениями жизни, хотя и не могли их объяснить и склонны были считать источником всех бед и зол природу человеческой личности. С этим, собственно, связана их мрачная философия безнадежного тупика — неверие в человека, утверждение его бессилия.

Критические реалисты не только сохранили, но и углубили в своем послевоенном творчестве традиции широких социальных обобщений, создали произведения непреходящей эстетической ценности. Раскрыв античеловеческий характер войны, многие, однако, не увидели исторической перспективы общественного развития. Одни из них, ощутив пустоту буржуазных идеалов, пережив крах прежних иллюзий и не находя иной духовной опоры, тяжело переживали состояние безвыходности, их произведениям присущи мотивы трагизма (характерно в этом плане творчество писателей так называемого «потерянного поколения»); другим были свойственны абстрактно-гуманистические идеалы; были в то же время и такие художники, которые стремились с большей последовательностью увидеть реальный ход истории и в своих поисках, порою противоречивых, мучительных, в той или иной степени сближались с идеями социальной революции. Эта последняя тенденция, характерная для многих национальных литератур мира, сильно выражена и в творчестве ряда выдающихся славянских писателей.

Назовем в этой связи Стефана Жеромского — писателя обостренного гражданского чувства. Раздумывая о судьбе человека, он приходил к выводу об антигуманистическом характере буржуазной общественной системы, о необходимости ее радикального изменения. «Польше нужна великая идея» — эти слова из романа «Канун весны» (1925) определяют общую направленность поисков Жеромского, который шел к революционной истине отнюдь не прямым путем: ему до конца жизни были свойственны глубокие заблуждения, и все же тяга к революции брала верх — недаром главный герой романа Цезарь Барыка становится участником рабочей демонстрации.

В поисках общественной силы, которая могла бы способствовать реализации лучших гуманистических идеалов, писатели с надеждой обращали взгляд на людей из революционного лагеря, вводили их образы в свои произведения. Это видно, например, в романе А. Страшимирова «Хоро», в рассказе Г. Стаматова «На якоре», в стихах А. Шангича «Подземная песнь» и др. И совсем логично некоторые из писателей сближались с революционно-социалистической литературой. На пути такого сближения была З. Налковская. Особенно показателен путь М. Пуймановой как путь от абстрактно-гуманистических идеалов к социалистическому гуманизму. Ее роман «Люди на перепутье» (первая часть трилогии была создана в 1937 г.) — крупнейшее явление чешской литературы.

Все это было движением к новым эстетическим завоеваниям. Они видны во всей образной системе произведений, в их жанровой и стилевой структуре. В прозе, например, жанр семейной хроники перерастал в масштабное произведение, широко охватывающее общественную жизнь; интимно-бытовой план анализа психики героя все более соединялся с анализом социальной психологии; возникали образы новых людей — формировались новые измерения прекрасного в человеке.

Разрушались ложные представления о несовместимости революции и гуманизма — не что иное, а именно гуманистические стремления художников вели их к революции. Так было и в славянских и в других странах. Можно видеть в этом одну из перспективных тенденций развития всемирной литературы, проявившуюся еще в 20—30-е годы.

В создании эстетической концепции, основанной на революционном восприятии мира, участвовали и так называемые левые или авангардистские течения 20-х годов. Особый интерес в этой связи вызывает чешский авангардизм. Прошло время, когда его значение полностью отрицали. Правда, теперь можно столкнуться с другой крайностью — с непомерно завышенной, иногда просто апологетической оценкой течения. Думается, правы те литературоведы, которые видят противоречивость теории и практики авангардизма и из этого исходят при оценке его места в литературном процессе. Художники-авангардисты внесли немалый вклад в формирование концепции социалистической литературы. Вместе с тем им были присущи заблуждения и ошибки, от которых многие из них впоследствии отходили, что, собственно, в известной мере и определяло эволюцию их творческого пути.

Важнейшей линией формирования социалистических литератур было, как уже говорилось, зарождение и развитие литератур революционно-пролетарских¹². В славянских странах они были представлены еще в 20-х годах не отдельными писателями, а целыми группами, даже течениями. Возникали эти течения не одновременно — ранее всего в чешской и болгарской литературе (в самом начале 20-х годов), затем (с середины 20-х годов) — в польской литературе (группа «Три залпа»), в словацкой (группа «Дав»); в конце 20-х годов произошло фактическое объединение революционных писателей Югославии, выступивших с коллективным сборником «Книга товарищей» (1928 г.), тогда же там началось движение «социальной литературы», получившее широкое развитие в 30-х годах.

В каждой из этих литератур в 20-е годы выдвинулись крупные художники. Это были прежде всего поэты (Смирненский, Броневский, Волькер, Новомеский, Косовел), занявшие значительное место в мировой революционной поэзии. Их значение с этой точки зрения все еще далеко не оценено. Это были и выдающиеся прозаики (Майерова, Гашек, Ольбрахт).

¹² Как видно по ходу изложения, мы различаем понятия «пролетарская литература» и «социалистическая литература» — второе шире первого.

Сравнительно широкое развитие получила в 20-х годах и марксистская критика. В статьях и книгах Бакалова, Неймана, Волькера поставлены существенные проблемы новой эстетики — о герое новой литературы, об ее отношении к модернизму, о коммунистической партийности, о связи с советской литературой.

Мы коснулись общих тенденций становления социалистических литератур; особого же внимания заслуживают явления, которые непосредственно связаны с их поэтикой.

3. Д и н а м и к а с х о д н ы х х у д о ж е с т в е н н ы х с т р у к т у р

Несколько лет назад в Софии, во время одной из дружеских бесед, старая коммунистка Рада Тодорова вдруг спросила меня: «Какой поэт вам больше нравится — Смирненский или Вапцаров?» И не дожидаясь ответа, сказала: «Мне — Смирненский!»

И вопрос, и ответ были такими, что я почувствовал неуместность профессионально-литературоведческих рассуждений насчет того, что оба поэта хороши — каждый по-своему. Речь шла ведь не о вульгарном отрицании одного ради другого, а в сущности о том, что это поэты разных исторических периодов. Рада Тодорова заговорила о 20-х годах — о том пафосе революционного подъема, которым была охвачена тогда вся передовая общественность страны. Она говорила, все более воодушевляясь, вплетая в рассказ строки из стихов Смирненского, — поэтического кумира тех лет.

Разговор этот вспоминается в связи с раздумьями о разных этапах революционной литературы Болгарии. Смирненский и Вапцаров близки по общей идейной направленности и в то же время отличаются друг от друга и своеобразием мотивов, и характером образности. Различия связаны не только с тем, что оба поэта — яркие индивидуальности, но также и с тем, что творчество каждого из них несет в себе волну человеческих настроений определенного исторического периода. В этих различиях видна динамика целого литературного направления, характеризующегося в 20-х годах одними, в 30-х — другими чертами. Это в сущности динамика образа революционной действительности — процесс, характерный в широком типологическом плане и для болгарской, и для социалистических литератур других стран. Попытаемся охарактеризовать некоторые тенденции этого процесса.

Представители социалистических литератур чутко улавливали ход времени после первой мировой войны. Они острее и глубже писателей других направлений почувствовали и выразили величайшее значение того поворотного этапа мировой истории, который ознаменовала победа Октябрьской социалистической революции в России и подъем революционного движения в других странах. И это чувство историзма стало важным фактором их творчества — оно определяло эстетическую целенаправленность образов.

В произведениях этих писателей о войне обличительный пафос достигает огромной силы — в нем заключено бескомпромиссное отрицание всего общественного строя, порождающего войны. Характерно, что именно перу революционного писателя принадлежит такой феномен мировой сатирической литературы XX в., каким является знаменитый роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», высмеивающий полицейско-бюрократический и военный аппарат, всю систему милитаризма. Критика Гашека основана на чувстве революционной перспективы, в романе утверждается торжество правды народного сознания над постулатами несостоятельной официальной идеологии.

Социалистические писатели показали рост революционной сознательности народных масс во время войны. Барбюс, пожалуй, был первым крупным художником Европы, в творчестве которого так ярко отразились эти процессы («Огонь», 1916). И эта барбюсовская линия (нередко вне зависимости от произведений французского писателя, а просто в силу конкретных жизненных обстоятельств) стала важнейшей интернациональной особенностью революционной литературы мира.

В 1918 г. Смирненский выступил со стихотворением «От великого до смешного». Обличая виновников войны, поэт в то же время рисует недовольство и протест народа. Концовка стихотворения — это картина нарастающей революционной бури.

Большой интерес представляет также и поэма Броневского «Последняя война» (1925). Главное в ней — изображение антиимпериалистического протеста народных масс. В поэме нарисована условно-фантастическая картина восстания погибших на войне солдат. Поход восставших из могил — это и кошмарный оскал войны, и зовущий к мести народный гнев, выливающийся в призыв: «Сами заново мир создадим!» В этих словах, близких известным словам международного пролетарского гимна «Интернационал» («Мы наш, мы новый мир построим») выражена вера в революционное изменение общества. Поэтому образ огромного пожара, зарево которого освещает окрестную ширь, воспринимается как символическое изображение революции.

Все это определяло и характер основных стилеобразующих элементов этих произведений — критический пафос сочетался в них с пафосом героико-романтическим, удельный вес которого все более увеличивался. Литература шла к широкому изображению революционной действительности. Дух новой эпохи особенно сильно выразила на первых порах поэзия.

Показательно, что в первые послеоктябрьские годы в русской литературе доминировали поэтические жанры. То же самое наблюдаем в начале 20-х годов в болгарской, польской, словацкой, словенской революционных литературах. Чешская социалистическая литература выдвинула в эти годы и крупнейших прозаиков (Майерова, Гашек), хорватская — прозаиков и драматургов (Крлежа, Цесарец). Но характерность поэтических жанров и для этих двух литератур очевидна. Заметим, что Крлежа и Цесарец выступали и как поэты; общее направление революционной чешской литературы во многом определяли именно поэты — Волькер, Нейман, Незвал, Гора, Библи, Сейферт. Надо, по-видимому, рассматривать это как проявление определенной закономерности. Здесь сыграло свою роль не только то, что в силу своего малого объема поэзия оперативнее прозы; важнее, пожалуй, подчеркнуть иное: революционная борьба пролетариата создала атмосферу приподнятости, даже праздничности; люди жили ощущением колоссальных революционных сдвигов, которые ошеломляли своим величием, вызвали прежде всего эмоциональную реакцию — и поэзия передала эти настроения: присущее ей эмоциональное восприятие мира, несомненно, соответствовало духу исторического момента.

Интересно отметить и жанровую близость в творчестве революционных поэтов. Очень характерными были сатирические или героико-патетические стихотворения, агитационно-злободневные стихи. Можно говорить о подобной близости революционных поэтов и в пределах одной страны, и в разных странах.

Известна широкая деятельность Маяковского в РОСТА. Политическая сатира советского поэта, вообще его агитационная поэзия составили, по его же выражению, «второе собрание сочинений». Известны также агит-

стихи Д. Бедного, особенно его частушки, написанные по конкретному поводу. Главной особенностью творчества польских поэтов Станде и Вандурского в начале 20-х годов была именно агитационная поэзия¹³. Она характерна в немалой степени и для чешского поэта С. К. Неймана¹⁴. В Болгарии очень популярными были в это же время злободневные стихи Полянова («Червенушки»). Агитационная поэзия занимает большое место и в творчестве Смирненского.

Жанровое родство в творчестве поэтов разных стран возникало, как правило, вне литературных влияний. Оно объясняется сходством исторической обстановки и задач, которые ставили перед собой поэты. Все они сотрудничали в революционных газетах и журналах. Агитационная поэзия была формой открытого вторжения в жизнь.

Параллельно развивалась и поэзия иного типа — героико-патетическая. Она воссоздает картину революционного подъема. Одно из наиболее значительных ее завоеваний — собирательный образ народной массы, революционного коллектива. Это было подлинным эстетическим открытием революционной литературы в период после первой мировой войны.

Мы говорили уже о барбюсовской линии изображения народа — о показе того, как под влиянием событий войны постепенно формировалась сознательность и развивался протест солдатских масс. Теперь художники уже опираются на богатый реальный опыт революционного движения. Главное в изображении ими массы — чувство восторженного удивления перед ее силой, преклонение перед ее величием, показ невиданного роста ее сознательности.

В советской поэзии эти мотивы характерны для романтически приподнятого, исполненного «планетарных» образов творчества поэтов «Кузницы». А. Блок в поэме «Двенадцать» (1918) по-своему передал стремительное, словно вихрь, неудержимое движение масс. Образ революционного народа — грозного и великого — нарисован в поэме Д. Бедного «Главная улица» (1922), в патетических стихах Брюсова. Маяковский подчеркнуто назвал свою поэму «150 миллионов» (1920).

Мотивы подобного рода звучат в творчестве многих европейских поэтов и, разумеется, особенно сильно у поэтов тех стран, где революционное движение достигало высокого подъема. Именно в период такого подъема во Франции создавались революционно-героические стихи Вайяна-Кутюрье («Красные поезда», 1922). Героическим пафосом проникнута поэзия Э. Мюзама — непосредственного участника борьбы за советскую республику в Баварии. Революционная борьба в Венгрии, установление там, хотя и ненадолго, Советской власти, стимулировали творчество Дюлы Юхаса, Золтана Шомью — авторов возвышенно-романтических стихов о героическом подвиге народных масс.

Революция — новый источник прекрасного. Красота в том, что человек и народ в целом поднялись до уровня сознательного революционного действия. Так видели жизнь и такую стремились ее изобразить поэты. Революционная масса в их стихах — монолитный коллектив, способный «на подвиг безумно великий» (Смирненский «Толпы»). Характерны эпитеты, к которым прибегает С. К. Нейман: «Железные, светлые, громкозвучные массы» («Проснитесь, массы!»). В стихах часты интонации лозунга, революционного призыва, ритм марша. Восторженной патетикой проник-

¹³ См. об этом: В. А. Х о р е в. Польская пролетарская поэзия 20-х годов. В сб.: «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян», М., 1963.

¹⁴ См. С. А. Ш е р л а и м о в а. Чешская революционная поэзия начала 20-х годов. В сб.: «Формирование социалистического реализма...»

нуты многие строки поэмы Гео Милева «Сентябрь», изображающие восставший народ. И особенно ярко пафос подъема революционных масс выразил Смирненский. Он раскрыл величие пробудившейся народной массы, силу революционного сознания. Поэт видел, как под влиянием идей Октября «дети рабов вырастают в исполинов» («Северное сияние»), улица в его стихах «познала горести толпы и бурю завтрашней борьбы» («Улица»). И именно в показе этого осознанного движения народа заключено новаторство поэта.

Изображение народной массы неотделимо от изображения нового героя. Пролетарские писатели шли постепенно к раскрытию новых отношений человека и истории. Они утверждали неразрывную связь личности и коллектива. Эта связь, исключительно важная как принцип, выступала на первых порах в укрупненных общих линиях, больше как страстно продекларированный, чем изнутри раскрытый факт. В создании образа героя поэты шли не путем индивидуализации, а путем придания личности черт всей массы, в результате чего индивидуальное растворялось в общем. Возникали гиперболические образы человека-великана, обладающего легендарной силой былинных богатырей.

«Россия вся — единый Иван», — писал Маяковский, и в этом была своя концепция образа: личность — символическое воплощение общего, «Я» непременно сливалось с «Мы». Рабочий в ряде стихов Смирненского также не имеет индивидуальных черт. Его титаническая фигура возвышается «наравне с вершинами гор» («Раб»). Черты титанизма присущи рабочему в стихах Броневского, Неймана. Они присущи творчеству и других европейских поэтов, например, Вайяна-Кутюрье, молодого Бехера, Варналиса.

Во всем этом виден определенный тип художественного обобщения, закономерно возникший на начальной стадии развития социалистических литератур мира. В те годы во многом еще неясной оставалась диалектика взаимоотношений народа и героя. За пафосом общего зачастую терялось индивидуальное. Резко отрицая буржуазно-индивидуалистический психологизм, характеризующийся полной изоляцией личности от социально-общественных отношений, пролетарские писатели иногда впадали в другую крайность — отказывались от раскрытия нравственной жизни человека.

Это были именно крайности, и их неправомерно абсолютизировать, как делали некоторые литературоведы еще в 20-х годах — они склонны были объявить пролетарскую литературу малохудожественным, по преимуществу лишь идейным течением, которому якобы вообще недоступен внутренний мир человека. Отрицатели исходили отнюдь не из понимания единства личного и общественного. Они отстранялись от общественных идей и мотивов, выдавая тем самым свое слишком «камерное» понимание внутренней человеческой жизни.

Вопрос об отношении человека и общества, личности и истории — кардинальный вопрос художественной литературы, искусства вообще. Заслуга пролетарских писателей состоит в том, что они увидели героя новой эпохи и стремились показать отношения единства личности и революционного коллектива. Образное воплощение этого единства совершалось не внезапно, оно представляло собой сложный, порою противоречивый процесс.

Нет ничего удивительного в том, что в мировой революционной поэзии тех лет решительно преобладали общественно-политические мотивы. Поэты совершенно сознательно ставили акцент в своем творчестве на революционную борьбу, которой полностью подчиняли личное. С. К. Нейман, резко осуждая индивидуалистическую поэзию, доходил, правда, иногда

до отрицания интимной лирики. Не говоря уже о поэтах советского пролеткульта и «Кузницы», нотки противопоставления личного и общественного слышатся и у Маяковского. Но все это было вовсе не бездумным отрицанием личного, интимного, а лишь подчеркиванием главного — революционной целеустремленности, требующей самоограничения. Христо Смирненский в стихотворении «Весеннее письмо» обращается к любимой: он хотел бы дарить ей первые цветы, радоваться весне, но ...

Но город жив одной мечтой о грозах.
Одною страстью в городе горим:
в его гранитных вазах оросим
восстанья огнедышащие розы.

(Перевод А. Гатова)

Противоречия между личным и общественным с течением времени преодолевались. Они исторически объяснимы. Конечно, имевшая место недооценка нравственной проблематики была проявлением известной узости эстетической платформы пролетарской литературы тех лет. Однако ошибочно полагать, будто ей вообще чуждо изображение внутреннего мира человека. Во-первых, в ней есть и интимные мотивы, хотя они, действительно, были не столь частыми. Во-вторых, нельзя забывать, что сфера социально-общественной жизни, революционной борьбы является важнейшей сферой проявления человеческих переживаний.

Очень характерно для эпохи революционного подъема творчество двух крупнейших пролетарских поэтов — Волькера и Смирненского. У каждого из них свой угол поэтического видения, свой индивидуальный почерк. И в то же время их объединяют и общие принципы.

Иржи Волькер — поэт довольно широкого тематического диапазона. Он автор многих произведений, в центре которых — нравственно-этическая проблематика. И социальные идеи раскрыты в его стихах через призму глубоких душевных переживаний. Его стихи о любви полны драматизма, грустных размышлений, ибо поэт не может отвлечься от социальных условий, омрачающих и самые светлые душевные порывы («Весна», «Баллада о неродившемся ребенке», «Стихи о любви»).

Значительным творческим завоеванием Волькера являются его социальные баллады. Социалистический идеал раскрывается в них не в абстрактных лозунгах, а в совершенно конкретных представлениях героя о человеческом счастье. Таковы мечты и стремления простого рабочего Яна в «Балладе о сне». Читателя до боли волнует судьба кочегара, который «в топке сжигает, чтоб свет не угас, частицу своих человеческих глаз» («Баллада о глазах кочегара»).

Стихи Волькера отличаются выразительной предметной образностью, поэтизацией конкретно-быденного. Отдельные факты вызывают в воображении поэта неожиданные и яркие жизненные ассоциации; стихи передают (чаще всего метафорически) богатейшую гамму человеческих настроений («Почтовый ящик», «Лицо за стеклом» и др.).

Волькер шел к художественному постижению единства нравственно-психологического и социального начал в человеке. Этим во многом определяется значительность его места в чешской литературе 20-х годов. И не только в чешской. Постепенное постижение этого единства было тогда общей тенденцией молодой социалистической литературы мира.

Христо Смирненский — поэт иного склада. Для него характерны патетический стиль, героическая романтика. Он создал внушительные образы революционных борцов. В его творчестве можно уловить симптоматичное движение образа нового героя. Выше мы говорили уже о человеке-титане. А в стихотворении «Иоганн» возникает образ живой индивидуальности:

поэт рисует не только поступки и действия героя, но и его внутренние побуждения, мысли и чувства — его преданность революционному идеалу, отношение к врагу, к семье. Примечателен и образ лирического героя. Поэт взволнован, и его волнение передается нам: он тяжело переживает социальное бесправие народа, революция для него — акт подлинного гуманизма, и потому он жаждет ее прихода, видит в служении ей высший смысл своей жизни («В бурю», «Юноша»).

Итак, начало 20-х годов — это, несомненно, особый этап в развитии социалистических литератур. Он выделяется исторически — рамками огромного революционного подъема народных масс в различных странах, и эстетически — сходным характером проблем и образных структур. Ощущение величия эпохи, грандиозности событий породило у писателей стремление к необычности, «вселенской масштабности». Их поэтику отличает гиперболизм, революционная символика. Можно говорить о героико-романтическом стиле как о характернейшей особенности социалистических литератур тех лет.

И уже в то же время, в самом начале 20-х годов, в социалистических литературах совершалось движение к художественной конкретизации явлений жизни, к психологически углубленному изображению нового героя. Это ясно видно, как мы пытались показать, в творчестве Волькера и Смирненского. В самом этом движении определилась тенденция дальнейшего развития социалистических литератур, которую интересно проследить по нескольким линиям, чтобы яснее представить формирование в революционных литературах нового художественного метода.

Уже говорилось, что в сходные исторические периоды формируются сходные художественные структуры. Переход от одних структур к другим — это историческая динамика поэтики того или иного литературного направления. В нашем конкретном случае важно рассмотреть, например, эволюцию в изображении нового героя, последовательность перехода от одних жанровых и стилевых доминант к другим. Проследившая это на материале славянских литератур, мы видим в их опыте выражение общих закономерностей революционных литератур мира. Некоторые из происходивших тогда процессов имеют не только историко-литературное значение — они проливают свет на ряд актуальных, подчас спорных, проблем современного литературного развития.

В сравнении с периодом начала 20-х годов социалистические литературы в последующие годы шли к значительному расширению тематических границ, проблематики. Это вопрос отнюдь не просто «объемного» характера — шире становилась художественная концепция мира. Раньше сказывались сектантские ошибки, понятие классовости искусства истолковывалось порою узко — как абсолютная ориентированность на проблематику социальной борьбы рабочего класса; борьба против буржуазной идеологии нередко вульгаризировалась — вела к грубому нигилизму по отношению к эстетическим завоеваниям прошлого. Но эти крайности преодолевались, вырабатывалось целостное мироощущение, охватывающее все стороны жизни. Широкие возможности нового искусства глубоко почувствовал и превосходно сказал о них С. К. Нейман. Отказавшись от прежних своих ошибок, он писал в 1937 г.: «Социализм, конечно, требует от социалистического писателя дисциплины. Но зрелый социализм не станет при всем том насилловать личность писателя и его проблематику. В этом нет противоречия. Коротко я сказал бы так: „В каждом творческом произведении социалистического писателя мы хотим видеть сильную волю к созданию образа подлинно социалистического человека“. Вот что основное для нас... Нет такой стороны жизни, тема которой была бы исчерпана в социалистическом творчестве. Даже любовный конфликт, самый

обычный в мире, не был еще разработан в социалистическом духе действительно глубоко и во всем своем многообразии»¹⁵.

Богаче и разнообразнее стали пути и способы изображения нового героя. Он показан не только в сфере социальной жизни. Тенденция к многостороннему раскрытию человека, наметившаяся еще в начале 20-х годов, получила теперь широкое развитие в творчестве революционных писателей.

Поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924) — веха не только в советской, но и во всей мировой революционной поэзии. Для самого Маяковского это был поворотный этап от поэтики «единого Ивана» к изображению революционера во всем богатстве его человеческих черт. Если ранее (в пьесе «Мистерия Буйфф», в поэме «150. 000. 000») основу составляло условно-романтическое изображение, теперь (и в поэме «Ленин» и в поэме «Хорошо») поэт воспроизводит реальный поток конкретно-исторических событий, рисует людей в их развитии, в конкретной жизненной ситуации. В образе Ленина передано в нераздельном единстве великое и простое, героическое и человеческое.

Показательна и художественная эволюция В. Броневского. От поэмы «Последняя война» с ее условно-фантастическими картинками поэт пришел к созданию образов широкого реалистического плана. Таков, например, образ революционера в «Элегии на смерть Людвиг Варецкого» (1928). В центре баллады «Луна Павьей улицы» (1932) — психологически углубленный портрет рабочего человека, его духовное развитие, процесс формирования его революционного сознания.

В той художественной эволюции, о которой мы здесь говорим, сказались и своеобразие разных исторических периодов, и процесс постепенного художественного освоения писателями новой действительности — путь от ее эмоционального, подчас еще внешнего восприятия к всестороннему исследованию. Назовем еще некоторые факты, чтобы подчеркнуть границы разных этапов в движущейся поэтике социалистического реализма.

Динамика к художественной конкретизации явлений жизни в общем характерна и для словацкой поэзии. Ее можно ясно увидеть, если сопоставить, например, сборник стихотворений Я. Поничана «Думаю, чувствую и вижу, все люблю, лишь тьму ненавижу» (1923) и сборник Л. Новомеского «Воскресенье» (1927). Первому сборнику присуща пафосно-романтическая образность, нередко — поэтическая декларация, хотя и искренняя и даже захватывающая читателя, но все же декларация; автор второго сборника обращается к повседневности, к раскрытию разнообразных и тонких нюансов человеческих настроений. В резких и ярких тонах, как это свойственно его дарованию, этот же путь утверждает и С. К. Нейман. В сравнении со сборником «Красные песни» (1923) последующие книги поэта («О единственном», 1927; «Печаль», 1931; «Сердце и тучи», 1935; «Соната горизонтальной жизни» 1936 и др.) отличаются гораздо большим разнообразием мотивов и — что особенно важно — широким изображением внутреннего мира человека, его личной жизни, сильной лирической интонацией.

В югославской поэзии границы между двумя этапами, пожалуй, четче всего выражены в Словении. Характер образности в стихах С. Косовела и других поэтов 20-х годов отличен от поэзии последующего периода. Эта разница видна и в творческом развитии отдельных поэтов. Достаточно сравнить сборник Т. Селишкара «Трбовли» (1923) с его же сборником «Песни ожидания» (1937) или сборник М. Клопчича «Пламенеющие оковы»

¹⁵ С. К. Нейман. Избранное. М., 1953, стр. 302—303.

(1924) с его более поздней книгой «Простые песни» (1934), чтобы убедиться в симптоматичных изменениях системы выразительных средств. В книгах 20-х годов размах революционного движения передан в образах «всемирного масштаба», в аллегориях и символах. Позже поэтами все более завладевает дух историзма, конкретности; человек изображен уже и в общественной, и в личной жизни.

Черты нового этапа в болгарской поэзии могут быть отмечены в творчестве ряда поэтов 30-х годов. М. Исаев, Х. Радевский, Н. Вапцаров чувствовали себя продолжателями традиций Х. Смирненского. Но, разумеется, не оставались в рамках этих традиций. Они вносили свой вклад. Дело не только в том, что в их поэзию входили новые темы, выдвинутые новым этапом общественной жизни (во всех революционных литературах 30-х годов очень широко представлена, например, тема антифашистской борьбы). Суть в углубляющемся поэтическом видении мира, человека и истории. Герою доступны все краски жизни, глубже раскрывается его внутренний мир. Творчество поэтов обогащается интимной и пейзажной лирикой. Идет процесс своеобразной трансформации и героической темы: поэты ищут, так сказать, внутреннего подхода к ней, стремятся показать нравственную основу подвига; героическое все более выступает в своей человеческой сущности. Это особенно ярко выражено у Вапцарова. Его стихи совершенно лишены внешнего пафоса. Их характеризует тон непосредственной беседы, рассказа.

Все возрастающее стремление к анализу, к всестороннему исследованию жизни вело к изменению и жанровых соотношений в революционных литературах. На предшествующем этапе в них, как уже говорилось, преобладали поэтические жанры. Теперь широко развивается и художественная проза. Тенденция движения от поэзии к прозе имеет свои границы, касается определенного круга явлений, связанных часто с изображением героики революции, но все же это — тенденция, закономерность, хотя и лишенная всеохватывающей силы применительно к процессу становления и развития социалистического реализма в целом. Если выйти за рамки славянских стран, можно назвать выступивших сравнительно очень рано выдающихся прозаиков социалистического реализма А. Барбюса, М. А. Нексе, Д. Рида. Да и среди славянских писателей также можно назвать авторов крупных прозаических произведений, написанных еще в начале 20-х годов (Я. Гашек, М. Майерова). Но в развитии многих революционных литератур 20—30-х годов, особенно в процессе освоения ими героической темы революционной борьбы, характерным остается именно движение от поэзии к прозе.

Так это было в советской литературе. Здесь «прозаический этап» наступил сравнительно быстро. Уже в 1923—1928 гг. появились выдающиеся произведения прозы — Горького, Фурманова, Серафимовича, Фадеева, Шолохова и многих других.

В Польше начало развития социалистической прозы приходится на 30-е годы (Л. Кручковский, В. Василевская и др.). Сходная хронологическая последовательность наблюдается и в Болгарии, где первые значительные произведения социалистического реализма в прозе были написаны в 1932—1933 гг. (сб. рассказов «На посту» и повесть «Селькор» Г. Караславова, роман «Село Борово» К. Велкова). Широкое развитие во всех национальных литературах Югославии «социального реализма», самого характерного и самого значительного явления 30-х годов в стране, связано во многом с широким развитием синтетических жанров романа и повести. В Словакии социалистическую прозу в сущности впервые представили в начале 30-х годов П. Илемницкий и Ф. Краль. Даже чешская социалистическая проза, возникшая сравнительно рано — в первой полови-

не 20-х годов, — в 30-е годы переживает резкий подъем. Ее представляли, наряду с продолжавшими свою деятельность первосоздателями, М. Пуйманова, В. Ванчура, Я. Кратохвил, К. Новый, Ю. Фучик, М. Малиржова и др.

О таком соотношении жанров поэзии и прозы в революционных литературах 20—30-х годов говорится в ряде исследований по отдельным национальным литературам. Я здесь лишь сожму воедино уже известные факты, чтобы констатировать наличие определенной общей тенденции. Она связана, надо полагать, с последовательно расширяющимися возможностями новых литератур, с их устремлением к многостороннему охвату жизни, к ее глубокому анализу.

Говоря о развитии социалистических литератур на разных этапах, мы подчеркивали выше их движение от романтических форм к реалистическим. Но как это происходило, каково своеобразие указанного движения?

В истории литератур XIX в. движение от романтизма к реализму совершалось как борьба и смена разных явлений. Объясняется это, очевидно, тем, что и романтизм и реализм были исторически сложившимися литературными направлениями — каждое со своей философской и эстетической системой. В социалистических же литературах наблюдается иное соотношение. И романтизм и реализм проявляются в рамках одной философии, в силу чего они уже теряют черты прежних методов. Движение от одного к другому представляет собой не антагонистический процесс борьбы, а процесс взаимопроникновения разных форм — характернейший процесс складывания и роста рождающегося нового явления. Притом романтические формы, преобладавшие на более раннем этапе ряда национальных литератур, впоследствии не исчезают бесследно: они, во-первых, накладывают свой отпечаток на реалистическое изображение, во-вторых, сохраняют в ряде случаев и свою эстетическую самостоятельность, так сказать, в чистом виде¹⁶.

Напомним некоторые примеры. Мы говорили выше о реалистической основе стихотворения Смирненского «Иоганн». Но стихотворение отличается совершенно очевидной романтической приподнятостью, выраженной и в лексике и в интонации. А такие стихи, как «Бунт Везувия» или «Русский Прометей», целиком построены на условно-романтической образности. Характерно и творческое развитие Броневского. Поэт не чуждался романтического пафоса, вообще романтических форм обобщения, если чутье подсказывало ему эстетическую целесообразность этого.

Подобное «сосуществование» разных форм выступало как особенность формировавшегося художественного метода, все более ясно воспринимаемого не как замкнутый в себе кодекс выразительных средств, а прежде всего как новое мироощущение, в основе которого — социалистический идеал.

Очень плодотворно развивалась идущая еще от XIX в. реалистическая традиция, которая требует и правдивости детали и изображения типических характеров в типических обстоятельствах. В то же время новые литературы шли и другими путями. Им свойственны и гротескные, условно-фантастические формы, основанные на иных принципах художественного обобщения.

Немало было писателей, которые приходили в социалистическую литературу из других направлений. Их предшествующий опыт какими-то сторонами входил в их новое творчество. Христо Ясенов пришел в револю-

¹⁶ Логика такого соотношения реализма и романтизма — как различных форм художественного обобщения явлений жизни в рамках единого мировосприятия — подтверждена и опытом классической литературы прошлого (вспомним, например, творчество Лермонтова).

ционную литературу от символизма, Гео Милев — от экспрессионизма, Бруно Ясенский — от футуризма. Революционное мировоззрение изменило их прежнюю систему взглядов. И символизм, и экспрессионизм, и футуризм перестали быть для них методами художественного видения мира. Но средства выразительности, приемы прежней поэтики во многом сохранились, выполняя, разумеется, иную функцию. С экспрессионистской поэтикой связано творчество многих революционных писателей Югославии (Крлежа, Цесарец, Косовел и др.), с поэтикой сюрреализма — творчество ряда чешских революционных поэтов, например В. Незвала. Это наложило отпечаток на индивидуальный облик художников, в известной степени определило их стилевое своеобразие. Сходный путь развития прошли многие художники Европы. Достаточно вспомнить имена таких выдающихся поэтов, как Бехер и Арагон.

Опыт революционных писателей 20—30-х годов со всей убедительностью говорит, что новое искусство, получившее название «социалистический реализм», с самого начала своего развития имело много истоков, формировалось как искусство разнообразных форм и стилей. Поэтому слово «реализм», содержащееся в названии, неправомерно воспринимать в традиционном значении, абсолютизируя его.

Таким образом, самой своей практикой социалистические литературы заявляли о широте новой эстетической концепции. Все более сознавалось, что философия марксизма — ключ к самому последовательному познанию мира, его художественному освоению. В силу именно этих широких возможностей познания жизни наличие разнообразных форм ее изображения постепенно утверждалось как естественный процесс развития нового искусства. Уже тогда, в 30-х годах, некоторые литераторы-марксисты (например, Б. Вацлавек) выдвигали идею синтеза в этом искусстве прогрессивных традиций прошлого и подлинных эстетических завоеваний современности. Такой путь формирования новой художественной платформы подтверждался всем ходом развития национальных социалистических литератур, живой практикой их виднейших представителей.

* * *

Ни один художник не стремится быть похожим на других. Наоборот, каждый стремится к непохожести. Неповторимость — неперенное свойство подлинных произведений искусства. И шире: каждая национальная литература имеет свой облик, свою специфику. Установление различий между явлениями — ключ к пониманию их своеобразия.

Но различия не исключают общих черт. Диалектика здесь такова, что, как правило, именно наиболее яркие индивидуальности являются в то же время и наиболее яркими выразителями общего. Подобно тому как в рамках одной национальной литературы всегда формируются те или иные общие тенденции литературного процесса, так в сходных исторических условиях возникает и межнациональная литературная общность. Это прежде всего близость методов и направлений, отнюдь не сводимая только к идейно-философской близости.

Выше мы стремились показать, что изображение народной массы, нового человека истории — разное в разных социалистических литературах — несло в себе и сходные черты, обусловленные сходством задач, которые ставили перед собой писатели. В процессе освоения новой действительности на разных этапах проявлялись аналогичные тенденции. Мы говорили о стилевой и жанровой близости, об эволюции форм образного обобщения жизни. Есть основания говорить о сходных художественных структурах, в которых отразилось историческое движение поэтики социалистического реализма.

50 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. Д. КОРОЛЮК

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКО-СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(1917—1967 гг.)

В советской историографии в настоящее время наиболее принято следующее определение славяноведения как общественной науки: славяноведение является комплексом дисциплин, изучающих происхождение, историю, современное общественно-политическое развитие, историю культуры и языки славянских народов. Поэтому в разработке славистических проблем естественно принимают участие как собственно историки, так и археологи, этнографы, историки права, историки культуры и литературы, лингвисты. В науке славянских стран из задач славистических изучений исключается, как правило, вся проблематика, относящаяся к истории, культуре, языку и т. п. своей страны. В круг славистических исследований включаются только работы, посвященные зарубежным славянским странам, межславянская и общеславянская проблематика и частично вопросы, характеризующие отношения и связи между славянскими и неславянскими (по преимуществу соседними) народами. В соответствии с этим строится и вся система славистических научных и педагогических учреждений и их ячеек. Именно так в настоящее время определены задачи славистических исследований и в СССР.

Поэтому в данной статье при характеристике историко-славистических исследований мы остановимся лишь на тех работах, которые освещают историю зарубежных славянских народов, развитие межславянских отношений и связей, связей славянских народов с их соседями.

Правда, такая широкая трактовка историко-славистических исследований встречает в последнее время возражения со стороны некоторых чехословацких исследователей, призывающих к тому, чтобы ограничить рамки историко-славистических исследований вопросами происхождения славян и славянской письменности, межславянскими связями, обращая особое внимание на развитие идеи славянской взаимности. Нам представляется чрезвычайно важным развитие исследований в области сравнительно-исторической проблематики и изучения роли славянских стран в европейском и мировом историческом процессе.

В дореволюционном русском буржуазном славяноведении часто вопреки даже реальному положению вещей, как и до недавнего времени в славяноведении капиталистических стран, господствовало твердое убеждение в том, что это — наука преимущественно филологическая. Только торжество марксистско-ленинской методологии исследования в общественных науках сначала в СССР, а после второй мировой войны и в зарубежных славянских странах позволило расширить рамки общеславистических исследований за счет включения в них огромной исторической проблематики. Вместе с тем были решительно разоблачены и отброшены все

реакционные славянофильские и панславистские идеи и теории, преобладавшие в дореволюционной русской славистике. Советское славяноведение, как и славяноведение в зарубежных славянских странах, проникнуто благородными идеями интернационализма и чувствами революционной солидарности всех народов. История славянских народов изучается на основе познания всеобщих закономерностей мирового исторического процесса. В свою очередь, развитие историко-славистических исследований позволяет уточнять и выявлять локальные особенности этих общих закономерностей на примере истории народов, тесно связанных между собой и происхождением и всем дальнейшим развитием.

В истории советского славяноведения можно выделить три этапа развития. Первый этап открывается 1917 г. и завершается 1938—1939 гг., когда с образованием сектора славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян на Истфаке МГУ были созданы организационные центры для широких историко-славистических исследований и подготовки кадров историков-славистов. Второй этап по времени совпадает с периодом второй мировой войны, в огромной мере способствовавшей росту симпатий к борющимся с фашизмом славянским народам. Третий этап охватывает послевоенный период, причем в рамках этого этапа четко выделяются два периода, рубежом между которыми являются исторические решения XX и XXII съездов КПСС.

Историческая славистика развивалась несколько более замедленными темпами, чем вся наша историческая наука, для которой решающим рубежом явился 1934 г. Для этого были свои причины.

Для первого периода истории славяноведения в СССР, во всяком случае для его начального этапа, характерно сохранение доминирующей роли филологических исследований. В определенной мере это объясняется тем, что именно в то время подводили итоги своим большим дореволюционным исследованиям такие видные слависты, как П. А. Лавров, Е. Ф. Карский¹. Это не значит, конечно, что совсем не появлялось новых историко-славистических исследований. Публиковались и работы, основанные на прежних дореволюционных исследованиях Ф. И. Успенского, М. К. Любавского², А. Н. Ясинского и др.

Для дальнейших судеб историко-славистических исследований в СССР важны, однако, не столько эти работы, сколько многочисленные публикации новых архивных документов по истории балканской политики царизма и первой мировой войны (публикации В. М. Хвостова, А. Л. Попова, Я. Захера, А. С. Ерусалимского и др.), по вопросам русско-славянских (особенно русско-польских) революционных связей XIX в. (публикации М. В. Нечкиной, А. Сергеева, Р. Авербух, Р. Сивер, М. К. Лемке, Ю. В. Стеклова, В. П. Полонского) и др. Большая публикаторская деятельность советских историков и углубленное изучение ими внешней политики царизма на широком международном фоне и истории революционного движения в России (работы М. В. Нечкиной, С. Д. Сказкина, Б. П. Козьмина, П. П. Полетики) создавали научно-методологические и источниковедческие стимулы для организации в СССР широких историко-славистических исследований. Тем же целям служили и первые исследования советских ученых по истории революционного и рабочего движения в славянских странах³.

¹ П. А. Лавров. Кирилл и Мефодий в древнеславянской письменности. Киев, 1928; его же. Материалы по возникновению славянской письменности. Л., 1930; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II. Л., 1927; М. К. Любавский. История западных славян. М., 1917.

³ И. Волковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, ч. I. М.—Л., 1925; Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 г.

Большое значение для выработки современной концепции советского славяноведения как науки имели публикация работ по национальной истории и истории международного рабочего движения и сотрудничество с советскими историками таких выдающихся представителей коммунистического движения славянских стран, как Ю. Мархлевский, Ф. Коц, Ю. Лещинский, Г. Димитров, В. Коларов, К. Готвальд, Б. Шмераль, Я. Шверма, А. Запотоцкий, Б. Бошкович. Активно участвовали в становлении советского славяноведения и эмигрировавшие в СССР историки-марксисты славянских стран (Г. Бакалов, Г. Бич, Х. Кабакчиев, Ю. Красный, Я. Витковский и др.).

Кардинальная ломка советскими историками сложившихся в буржуазной историографии представлений о России, создание марксистско-ленинской концепции российского исторического процесса полностью обнажили всю реакционность и ненаучность питавших буржуазное русское славяноведение славянофильских и панславистских теорий. Самая острая и решительная борьба с последними была непременным условием создания в СССР подлинного марксистско-ленинского славяноведения, организации в соответствующих масштабах историко-славистических исследований. Такой организации в 20—30-х годах еще не произошло. Созданный в 1931 г. в Ленинграде Институт славяноведения не смог стать организационной базой историко-славистических исследований, тем более, что он по существу являлся учреждением чисто филологическим⁴. В известной мере препятствовала поискам правильного решения организационных вопросов и сама острота полемики по истории дореволюционной славистики, отталкивавшая многих от самого термина «славяноведение». Перелом произошел в предгрозовые 1938—1939 гг., когда стало очевидным, какую ужасную участь готовит зарубежным славянским народам германский фашизм и как тесно связана судьба этих народов с судьбой СССР — главной силы, способной противостоять гитлеровской Германии. С организацией в тот период историко-славистических центров в Институте истории и МГУ была решена одна из основных стоявших тогда перед советским славяноведением задач — подготовка квалифицированных кадров историков-славистов. Организаторами историко-славистических исследований в эти годы явились такие видные историки, как Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, М. Н. Тихомиров, Н. С. Державин, Н. П. Грацианский и крупный чехословацкий славист и общественно-политический деятель З. Р. Неedly.

Проблематика осуществлявшихся тогда историко-славистических исследований определялась прежде всего условиями борьбы с фашистской опасностью, и поэтому в центре внимания историков-славистов находились вопросы истории борьбы славянских народов с германской феодальной и империалистической агрессией. Очень много было сделано в эти годы и для разоблачения нацистского извращения истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы⁵.

В годы войны историки-слависты приступили к разработке ряда важных проблем: вопросов образования славянской государственности, истории классовой борьбы крестьянства против феодального гнета, межславянских исторических связей, революционных связей народов СССР с зарубежными славянскими народами. Были предприняты и первые

М., 1929; Г. Г. Писаревский. К истории польской революции 1830 г. Баку, 1930; Г. И. Лурье. Красная Лодзь. Рабочая стачка в 1892 г. М., 1934.

⁴ См. «Труды Института славяноведения», т. I—II. Л., 1932, 1934.

⁵ «Против фашистской фальсификации истории». М., 1939; «Преступления фашистов против исторической науки». М., 1945.

попытки создания сводных обобщающих работ по истории славянских стран⁶.

В 1947 г. в Академии наук СССР было создано центральное славистическое учреждение — Институт славяноведения. Возникли значительные исследовательские центры также в Ленинградском университете, в Институте истории АН УССР и Киевском университете, в университетах Львова, Воронежа и Саратова.

Другой важнейшей чертой, отличающей послевоенное советское славяноведение, было установление тесных научных контактов между советскими и зарубежными исследовательскими центрами, развившихся впоследствии в непосредственное научное сотрудничество по ряду важных работ.

Главной задачей историков-славистов в послевоенный период на первом его этапе было создание крупных синтетических трудов по истории зарубежных славянских стран. Это было тем более сложно, что осуществлялась она в значительной части в годы, когда не только отсутствовали аналогичные марксистские обобщения в самих славянских странах, но и очень многие узловые проблемы еще не исследовались зарубежными историками-марксистами. В основном эта задача, над решением которой трудились большие коллективы специалистов, была решена только к 1963 г.⁷

В эти же годы был создан первый учебник «История южных и западных славян» (1957), а в 1965 г. появился крупный синтетический труд «Очерки истории народной Польши» (дополнительный том к «Истории Польши» в трех томах).

Рассчитанные на советского читателя, эти труды оказали, как отмечала пресса, определенное влияние и на формирование марксистских концепций национальной истории в зарубежных славянских странах. Успехам советских историков-славистов бесспорно содействовало установление прочных связей с историками Польши, Болгарии, Чехословакии и Югославии.

Что касается монографических исследований, то в первые годы послевоенного периода их было немного. Историков-славистов занимало прежде всего изучение некоторых основных социально-экономических процессов на разных этапах исторического развития славянских стран, истории крестьянства и его классовой борьбы, истории национально-освободительной и революционной борьбы, рабочего и коммунистического движения. Появились работы, посвященные революции 1905 г. в Польше и откликам на первую русскую революцию в зарубежных славянских странах. Особенно следует выделить, как одну из основных, проблему — Октябрьская революция и славянские народы. Не менее важным было также изучение строительства социализма в славянских странах.

Наряду с этим продолжалось и исследование межславянских исторических связей (особенно связей народов СССР с зарубежными славянами), главным образом политических и революционных, началось изучение сложной проблематики славяно-германских отношений. Но широкое монографическое изучение всех этих проблем стало особенно характерным для советского славяноведения в основном со второй половины 50-х годов.

Серьезное место в работе историков-славистов особенно на втором послевоенном этапе заняла публикация источников. В 1961 г. был издан важнейший памятник славянского права «Закон судный людем». В серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточ-

⁶ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I—IV. М.—Л., 1945—1948 (В. И. Пичета не успел закончить и издать трехтомный труд по истории Польши).

⁷ «История Болгарии», т. 1—2. М., 1954—1955; «История Польши», т. 1—3. М., 1954—1958; «История Чехословакии», т. 1—3. М., 1956—1960; «История Югославии», т. 1—2. М., 1963.

ной Европы» вышли хроники Галла Анонима (1961), Гельмольда (1963), Козьмы Пражского (1962), Лаврентия из Бржезовой (1962). Издавались сочинения Юрия Крижанича («Политика», 1965). В 1956 г. вышли «Избранные сочинения Светозара Марковича», в 1956—1958 гг. был издан трехтомник произведений прогрессивных польских мыслителей конца XVIII—XIX вв. и др.

Но самыми крупными были советско-болгарская и две советско-польские публикации. Первая посвящена освобождению Болгарии от турецкого ига и роли в освободительной борьбе болгарского народа России и русского общества⁸. Советской стороной полностью завершена работа над советской частью публикации о восстании 1863 г. (изданы записки о польском восстании Авейде, два тома документов о революционном движении на Украине, два тома о восстании в Литве и Белоруссии и два тома о русско-польских революционных связях в 60-х годах XIX в.). Советские слависты активно участвуют в подготовке польской части этой обширной публикации. Вместе с польскими историками осуществляется и капитальное издание, посвященное советско-польским отношениям⁹.

Следует отметить, что на развитии историко-славистических исследований, на их характере сказалась общая обстановка, которая сложилась в советской исторической науке под влиянием культа личности И. В. Сталина. Тормозилось развитие творческой мысли, затруднялся свободный обмен мнениями, исследователям навязывался догматический и схематический подход к исторической действительности, исследования подчас заменялись цитатничеством. Творческое общение и сотрудничество революционных демократов XIX в. сводилось в ряде случаев к упрощенной формуле влияния. Деятельность не только левых, но и социал-демократических партий в довоенной и особенно в межвоенный период оценивалась подчас без учета реальной обстановки в той или иной стране. В большой мере это касается и оценок деятельности коммунистических партий. Упрощенно трактовались условия, сложившиеся в славянских странах в годы второй мировой войны и после нее, что мешало историкам правильно разобраться в сложных вопросах послевоенного социалистического строительства, происходившего в разных странах в неодинаковых и по разному трудных условиях.

Решения XX и XXII съездов КПСС, направленные на решительное преодоление последствий культа личности, создали новые творческие условия для развития исторической мысли, открыли и новые перспективы для развития советских историко-славистических исследований. Постепенный переход от более или менее локальных исследований в области социально-экономической истории зарубежных славянских стран к крупным обобщениям, построенным на большом сравнительно-историческом материале, уже сейчас знаменует собой наступление нового этапа в истории советских славистических исследований.

Наряду с крупными сравнительно-историческими проблемами, важное место в работе историков-славистов постепенно начинают занимать вопросы значения и места славянских народов в европейском и мировом историческом процессе на всех его этапах. Отсюда и сильно возросший интерес к проблематике связей славянских народов с другими народами Центральной и Восточной Европы, Балкан, а также наблюдающиеся уже сейчас попытки сравнительно-исторических исследований, основанных на славянском и неславянском историческом материале. Изучение (в том

⁸ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 1—2. М., 1961—1965. В настоящее время закончена подготовка к печати 3-го тома.

⁹ «Советско-польские отношения», т. 1—5. М., 1963—1966 (предполагается издать еще пять томов).

числе и на локальном материале) межславянских отношений во всем их объеме продолжает оставаться важнейшей областью историко-славистических исследований.

Одной из основных проблем, разрабатывавшихся историками-славистами, является проблема славянского этногенеза. К сожалению, приходится констатировать, что именно в этой области сделано пока еще недостаточно. О проблемах славянского этногенеза писалось, правда, довольно много в 30-е и особенно 40-е годы. Однако упрочившиеся тогда в науке ошибочные взгляды Н. Я. Марра являлись основным препятствием, мешавшим успеху этногенетических исследований.

Поэтому несколько лет назад главной задачей в этой области стала тщательная критика этногенетических построений, основанных на взглядах Н. Я. Марра. Больше других в поисках правильного подхода к решению проблем славянского этногенеза сделали, разумеется, археологи¹⁰. Но активное участие в них приняли и лингвисты¹¹.

Одним из спорных и неясных вопросов славянского этногенеза является вопрос о древней балто-славянской общности. Именно ему, а также вопросам славянской топонимики был посвящен специальный сборник статей о славянском этногенезе и древних балто-славянских связях¹². Но только в 1966 г. вышло первое крупное синтетическое исследование по проблематике славянского этногенеза¹³.

Больших научных успехов достигли советские историки-слависты и византилисты в изучении проблемы славянских передвижений в V—VII вв. н. э. В результате их исследований выяснилась огромная роль раннего славянства в гибели отжившей рабовладельческой формации в Юго-Восточной Европе и переходе ее к передовому тогда феодальному способу производства. Славянская община на Балканах сыграла такую же роль в синтезе, давшем начало феодализму в Европе, как германская на территории Италии, Галлии и Испании. Определенную, хотя и не столь значительную роль, как на юго-востоке, сыграли славянские передвижения и в крушении западного очага рабовладения — Западно-Римской империи¹⁴.

Нельзя, однако, не отметить, что если проблема социально-экономического синтеза в Византии периода становления в ней феодализма исследована довольно подробно, то для истории феодальных отношений у балканских славян эта проблема еще совершенно не разработана. Капитальные исследования Б. Д. Грекова и целой плеяды таких видных советских историков, как М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, С. В. Юшков, П. Н. Третьяков, посвященные Киевской Руси, явились большим стимулом для постановки в нашей славистической литературе проблемы образования феодальной государственности у западных и южных славян. Отметив самобытные истоки славянской цивилизации, вскрыв классовый характер древнеславянских государств, объяснив социально-экономические причины появления у славян государственности, советские историки лишили какой бы

¹⁰ «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.

¹¹ См. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. III. М., 1951.

¹² «Вопросы славянского языкознания», вып. 3. М., 1958; В. Н. Топоров. Очерки изучения древнейших балто-славянских отношений. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XVII. М., 1959.

¹³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.

¹⁴ В. А. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. — «Вестник древней истории», 1939, № 1; Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959; В. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в. М.—Л., 1961; И. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958; «История Византии», т. I. М., 1967.

то ни было почвы всякие теории об иноземном происхождении государства у славян. Вместе с тем была проанализирована раннефеодалная структура возникновения славянских государств, обоснован тезис о том, что в своем историческом развитии славянские народы миновали рабовладельческие как социально-экономическую формацию.

Внимательному анализу в славистической литературе подвергался и вопрос о влиянии иноземной агрессии на степень интенсивности процесса образования государства (см. работы М. Н. Тихомирова, Н. П. Грацианского, Н. С. Державина и др.). Последнее неразрывно связано с проблемой феодализации общества, с историей крестьянства. Эта проблематика исследовалась применительно как к западным, так и к южным славянам¹⁵.

Разрабатывались также важные вопросы классовой борьбы в деревне и городе как в период раннего, так и в эпоху созревшего феодализма (В. Д. Королук, Г. Г. Литаврин, А. Е. Москаленко, А. И. Виноградова и др.).

Трагическая судьба полабо-прибалтийского славянства, павшего под ударами германской феодальной агрессии, являлась предметом многолетнего исследования Н. П. Грацианского и Н. С. Державина¹⁶. В своих трудах по истории германской агрессии на восток судеб полабо-прибалтийского славянства неизменно касались З. Р. Неедлы и В. И. Пичета. Разработка этой проблемы продолжается и до настоящего времени¹⁷.

Главная заслуга в развитии сравнительно-исторического изучения памятников средневекового славянского права принадлежит Б. Д. Грекову. Еще при жизни он успел опубликовать две большие работы о памятниках южнославянского права «Винодол» (1948) и «Полица» (1957). Посмертно была издана его работа о третьем изученном им правовом памятнике — «Польской правде» (XIII в.)¹⁸. Предварительные итоги сравнительно-исторического изучения этих памятников славянского права были суммированы Б. Д. Грековым в известной статье «Русская Правда и ее славянское окружение», в которой убедительно показана плодотворность сравнительно-исторического метода анализа такого рода памятников, позволяющего глубже и полнее изучить параллельные, хотя и не всегда синхронно происходившие процессы социально-экономического развития в отдельных славянских странах. Особенно интересен в этом смысле произведенный автором анализ термина «вервь».

Как уже говорилось, в 1961 г. М. Н. Тихомировым и Л. В. Миловым был издан текст древнейшего памятника славянского права — «Закона судного людем» с учетом всех имеющихся рукописных списков. Первый том этого капитального издания — «Закон судный людем краткой редакцией». Второй том содержит тексты памятников пространной и сводной редакции. Тексту предшествует большое исследование М. Н. Тихомирова.

При характеристике гуситского революционного движения в Чехии историков прежде всего интересовали социально-экономические предпосылки крестьянской войны начала XV в. Специально исследовались взгляды

¹⁵ З. М. Черниловский. Возникновение раннефеодалного государства у прибалтийских славян. М., 1959; В. Д. Королук. Древнепольское государство. М., 1957; Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян с древних времен до XV в. М.—Л., 1958; Ю. В. Бромлей. Образование феодализма в Хорватии. М., 1964; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в X—XII вв. М., 1960.

¹⁶ Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; Н. С. Державин. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943; «Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии». М., 1944.

¹⁷ «Дранг нах Остен и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». М., 1967.

¹⁸ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. I. М., 1957.

революционных вождей чешской реформации — Яна Гуса и Иеронима Пражского, революционная идеология таборитов. Вместе с тем подвергалась анализу и политическая программа правого крыла гуситов¹⁹. В то время как Э. Р. Неедлы в бытность свою в СССР занимался вопросами русско-чешских связей гуситской эпохи, советских историков интересуют главным образом отклики на гуситское движение в Западной Европе (см. работы А. К. Озолина и М. М. Смириня). В советской литературе есть и сводный очерк истории гуситских войн Б. Т. Рубцова.

В связи с характеристикой исследований, посвященных гуситскому революционному движению, можно упомянуть ряд работ о Грюнвальдской битве 1410 г. (Я. Я. Зутис, В. Д. Королук и др.). Историков интересовали главным образом вопросы исторического значения Грюнвальдской битвы, ее места в истории вековой борьбы славянских народов с немецким феодальным натиском на Восток, участия в битве русских воинов.

Отправным пунктом для работ историков-славистов по проблеме перехода к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства в западнославянских странах послужили исследования Б. Д. Грекова по истории русского крестьянства, в которых он подчеркнул значение внутреннего экономического фактора в этом процессе. Судя по недавно переизданной работе В. И. Пичеты об аграрной реформе Сигизмунда-Августа и его незавершенной и оставшейся в рукописи «Истории Польши», такой взгляд им не разделялся. Он подчеркивал решающее значение в процессе перехода к фольварку и барщине внешнего рынка. Точка зрения Б. Д. Грекова была подвергнута критике и С. Д. Сказкиным. Развернувшуюся, таким образом, в советской исторической науке дискуссию нельзя еще считать законченной. Дело в том, что переходу к новой системе феодальной эксплуатации крестьян и в Польше и в Чехии действительно предшествовал подъем городов и расцвет денежной ренты. Роль внешнего рынка стала особенно заметной и в ряде случаев (исключение составляет Россия) даже решающей, когда процесс перехода находился уже в развитии. Вместе с тем на степень и формы процесса перехода к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства определенное влияние оказывали и такие явления, как относительная немногочисленность городов в Восточной Европе, их экономическая и политическая слабость. Само собой разумеется, эти явления были свойственны центрально- и восточноевропейским странам отнюдь не в одинаковой мере. Кроме того, необходимо учитывать, что переход к барщине и ее господство в XVI—XVIII вв. не были простым прямолинейным процессом. В конкретных исторических условиях (военная разруха, изменение рыночной конъюнктуры и т. д.) феодалы были вынуждены отказываться от барщины, переводя крестьян на чинш. В разных районах одной и той же страны в зависимости от конкретной обстановки складывались не одинаковые условия для развития барщинного хозяйства.

Вопросы о переходе к барщине и о так называемом втором закрепощении крестьянства исследовались применительно к Хорватии XVI в., литовской, украинской и собственно польской территории Речи Посполитой и территории Чехии XVII—XVIII вв. (О. Е. Иванова, И. В. Созин, Н. М. Пашаева, Н. Ф. Филоненко-Алексеев). Одновременно велась разработка вопросов крестьянского движения. Исследовались также связи польского

¹⁹ Б. Т. Рубцов. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV—начало XV в.). М., 1958; его же. Исследования по аграрной истории Чехии XIV — начала XV в. М., 1963; М. М. Смириня. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М.—Л., 1947; А. И. Озолин. Социально-политические требования бюргерской оппозиции (чашников) в гуситском движении.— Научн. ежегодн. Саратовского ун-та, 1958.

антифеодалного крестьянского движения середины XVII в. с освободительной войной украинского народа 1648—1654 гг.²⁰

Само собой разумеется, что проблематика исторических отношений и связей России с южными и западными славянами (в эпоху феодализма до конца XVIII в.) должна была найти и нашла отражение в обобщающих коллективных трудах по истории славянских стран. Что касается монографического исследования отдельных самостоятельных тем, то здесь следует особенно подчеркнуть заслуги старшего поколения наших славистов. Теме связей России с южным славянством до XVII в. посвящена работа М. Н. Тихомирова в «Славянском сборнике» (1947). Там же была опубликована и статья С. К. Богоявленского, характеризующая русско-сербские отношения XVII—XVIII вв. Племенным и культурным связям восточного славянства с южным посвятил одну из своих монографий Н. С. Державин²¹. В. И. Пичета много работал в области литовско-русско-польских отношений середины XVI в. В дальнейшем историки-слависты довольно подробно разработали сложную проблематику русско-польских отношений XV—начала XVIII вв. (И. Б. Греков, Л. А. Дербов, И. В. Галактионов, Г. М. Лызлов, В. Д. Королюк), обращая много внимания на исторические события, связанные с русско-польским сотрудничеством²².

Что касается более ранних периодов, то разрабатываются преимущественно вопросы истории польско-русских и русско-болгарских отношений X—XI вв., а также русско-сербских отношений XVI в.

Особую группу работ славистов составляют исследования, посвященные политическим и экономическим взглядам и общественной деятельности Юрия Крижанича (С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, Б. Д. Дацюк, А. Л. Гольдберг, М. А. Алпатов, Л. М. Мордухович). Была, правда, сделана попытка изобразить этого выдающегося сторонника идеи славянской взаимности орудием международной реакции (П. П. Епифанов), но она была решительно отвергнута советской историографией (Л. Н. Пушкирев). Следует отметить, что при разработке польско-русских отношений, исключая эпоху раннего феодализма, в нашей литературе явно преобладала тематика политической истории. Вопросы экономических и культурных связей XVI—XVIII вв. разрабатывались совершенно недостаточно. Практически можно назвать лишь несколько работ.

Изучением проблематики национально-освободительной борьбы южных славян в XIX в. и поддержки, оказываемой им русским образованным обществом и народом, занимается большой коллектив историков-славистов. Наряду с этим ведется серьезная разработка вопросов социально-экономического развития славянских стран Балканского полуострова. Социально-экономическое развитие сербских земель в XVIII в.,

²⁰ И. С. М п л е р. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. II, 1950; е г о ж е. Крестьянское восстание в Великой Польше в 1651 г.— Там же, т. III, 1951; В. И. П и ч е т а. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. М., 1961; Д. Л. П о х и л е в и ч. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. Изд. Львовского ун-та, 1957; А. И. Б а р а н о в и ч. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в. М., 1955; Ю. В. Б р о м л е й. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.

²¹ Н. С. Д е р ж а в и н. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., 1944.

²² В. Д. К о р о л ю к. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964; е г о ж е. Ливонская война. М., 1954; Н. Н. И л ь и н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957; И. Б. Г р е к о в. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963; И. В. Г а л а к т и о н о в. Андрусовское перемирие 1667 г. Саратов, 1960; «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954; А. И. Р о г о в. Польско-русские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.

подготовившее взрыв освободительного движения в Сербии в 1804 г., исследовала И. С. Достян. Она же опубликовала монографию о национально-освободительном движении сербов в XV—XVIII вв. Темы внутреннего развития южнославянских народов в XIX в. поднимают в своих работах В. В. Зеленин, Н. Г. Левинтов, К. Л. Струкова, В. Г. Карасев, В. Н. Кондратьева, В. Д. Конобеев, С. И. Сидельников, В. П. Чорный, В. И. Фрейдзон, Н. И. Хитрова, И. И. Лещиловская и др. Специальные исследования посвятили крестьянской общине в Болгарии и Сербии Л. В. Маркова и М. С. Шихарева. Н. И. Казаков рассматривает вопросы русско-сербских и русско-болгарских отношений начала XIX в. Для понимания политических связей России с южнославянским освободительным движением в 60—80-е годы XIX в. важное значение имеют работы С. А. Никитина, И. В. Козьменко и В. Д. Конобеева. Т. Г. Снытко ввел в научный оборот интересный материал об отношении русского народа к освободительному движению на Балканах в 70-е годы XIX в. Вопросам русско-черногорских отношений в 50-х годах XIX в. посвящена работа Р. И. Рыжовой.

Историки-слависты пристально изучают связи русских революционных демократов и влияние их на революционных и культурных деятелей Болгарии и Сербии (Л. Каравелова, Х. Ботева, Св. Марковича)²³.

Разработка проблемы русско-чешских отношений и связей как до XIX в., так и в XIX в. только еще начинается. Можно назвать лишь работы Н. Д. Ратнер и С. А. Никитина, в которых авторы затрагивают политические связи чешской либеральной буржуазии с Россией в 60-х годах XIX в.²⁴

Следует особо остановиться на группе работ, посвященных участию славянских народов в революционных событиях 1848 г. Результаты монографических исследований по проблематике революции 1848 г. были опубликованы в первом томе «Ученых записок Института славяноведения» (1949), а в более обобщенном виде — в большом коллективном труде «Революция 1848 г.». Монографию о революционном движении в Чехии в 1848—1849 гг. и политической роли Фр. Палацкого издал И. И. Удальцов²⁵. С. А. Никитиным была сделана попытка дать общую картину участия славянских народов в европейском революционном движении в 1848—1849 гг. Проанализировав причины контрреволюционной позиции либеральной буржуазии ряда славянских стран в бурных событиях «весны народов», советские историки-слависты сосредоточили свое основное внимание на изучении революционного, демократического движения славянских народов тех лет.

Одним из первых разработку вопросов национально-освободительного движения польского народа в конце XVIII в. в советской историографии начал В. И. Пичета, написавший работу о восстании под руководством Т. Костюшко. Много занимался он и вопросами истории восстания 1830—1831 гг. на территории Украины, Белоруссии и Литвы, готовил работу

²³ «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953; «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957; «Из истории русско-болгарских отношений». М., 1958; А. В о р о б ь е в. Христо Ботев (1849—1876). М., 1953 и др.

²⁴ Н. Д. Р а т н е р. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XVI, 1956; С. А. Н и к и т и н. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.

²⁵ И. И. У д а л ь ц о в. Очерки истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951.

о «Первом Западном комитете» и о польском вопросе в международных отношениях первой половины XIX в.

Ряд работ посвящен истории развития капиталистических отношений в польских землях в первой половине XIX в. и вопросам формирования польской нации, антифеодальной борьбе польского крестьянства (И. С. Миллер, С. М. Фалькович), аграрной реформе 1864 г.²⁶ Но одной из главных тем работ оставались проблемы национально-освободительного движения и русско-польских революционных связей. Возобновилось изучение восстания Тадеуша Костюшко (В. И. Ивашкевич). Появились работы о революционной и научной деятельности И. Лелевеля (А. М. Басевич, Б. С. Попков).

Проблемы русско-польских революционных связей в 20-х годах XIX в. рассматривает в своей капитальной работе М. В. Нечкина²⁷. Над этой же темой работали И. И. Беккер, А. И. Бортников, П. Н. Ольшанский. Вопросами польско-украинских революционных связей занимался И. И. Костюшко.

Большой коллектив историков-славистов и историков СССР разрабатывает проблемы восстания 1863—1864 гг. М. В. Миско опубликовал сводную работу по этому вопросу²⁸. Монография И. М. Белявской посвящена польско-русскому революционному союзу 60-х годов XIX в. и деятельности А. И. Герцена²⁹. Вопросы польско-русского революционного сотрудничества в 60-х годах XIX в. исследуют И. С. Миллер, В. А. Дьяков, А. Ф. Смирнов³⁰. Польским вопросом в связи с дипломатической игрой великих держав в 1863 г. специально занимался В. Г. Ревуненков³¹.

В Институте славяноведения издано три сборника, посвященных истории восстания 1863—1864 гг. и русско-польскому революционному сотрудничеству в 60-х годах XIX в.³² Наряду с исследовательскими статьями в сборниках публикуются обстоятельные обзоры некоторых важных архивных фондов.

Большое место в работе историков-славистов занимала проблематика истории рабочего движения в славянских странах во второй половине XIX в. — начале XX в. (И. Волковичер, И. А. Хренов, Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич, Н. Н. Пухлов). Исследуя развитие рабочего движения в славянских странах, историки прежде всего стремятся осветить классовую солидарность российского пролетариата с пролетариатом славянских стран, влияние В. И. Ленина на революционное движение в общеславянском масштабе.

Советскими славистами много сделано в области разработки истории польского рабочего движения конца XIX — начала XX вв. Ряд важных

²⁶ И. И. Костюшко. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962.

²⁷ М. В. Нечкина. Движение декабристов. т. I—II. М., 1955.

²⁸ М. В. Миско. Польское восстание 1863 г. М., 1962.

²⁹ И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954.

³⁰ В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1962; В. А. Дьяков. Деятели русского и польского освободительного движения. Библиографический словарь. М., 1967; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши 40—60-х годов XIX в. М., 1962; е го ж е. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963.

³¹ В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

³² «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов». М., 1960; «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.». М., 1962; «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964.

проблем польского рабочего движения подробно освещены в сборнике монографических статей, подготовленном советскими и польскими авторами³³.

Одновременно ведется исследование рабочего движения в Болгарии этого же времени (А. М. Шнитман, В. Дядькин, Н. Курбатова). Специальный сборник статей, изданный Институтом славяноведения, посвящен революционной борьбе пролетариата Чехословакии³⁴.

Международное значение первой русской революции и ее влияние на подъем революционного движения в зарубежных славянских странах также привлекали и продолжают привлекать внимание историков-славистов. В славянских странах, как и в России, в начале XX в. на очереди стояло решение задач буржуазно-демократической революции. Степень и характер влияния революции 1905—1907 гг. на славянские страны могут быть правильно определены лишь при пристальном изучении внутреннего развития Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии.

Ряд работ, посвященных влиянию первой русской революции на развитие революционного и национально-освободительного движения в славянских странах, появился в связи с пятидесятилетием революции, которое широко отмечалось в Советском Союзе и за рубежом. В сборнике статей³⁵, вышедшем к 50-летию этой революции, изучен ход революционных событий в европейских странах, в том числе и славянских, показана их тесная связь с первой русской революцией.

Проблеме влияния первой русской революции на прогрессивное развитие славянских стран был посвящен специальный выпуск «Кратких сообщений» Института славяноведения (1956, № 20), в котором приняли участие и зарубежные историки.

Революционное движение в славянских странах в период 1905—1907 гг. рассматривалось в отдельных монографиях и статьях. В работах, посвященных польскому революционному движению этого периода, особенно в ряде статей У. А. Шустера, С. М. Стецкевича, С. М. Фалькович и монографии И. А. Хренова, исследуются революционные связи польского и русского рабочего класса, их совместная борьба против самодержавия и капиталистического гнета, общероссийское значение революционного движения в Царстве Польском³⁶. В ряде работ историков-славистов (К. П. Гогоиной, Н. И. Хитровой, В. И. Фрейдзона, В. Д. Вознесенского) рассмотрен ход революционных событий в 1905—1907 гг. в Чехии, Болгарии, югославянских землях. В этих работах показывается могучее влияние первой русской революции на подъем революционного и национально-освободительного движения в славянских странах, международные связи русского пролетариата с рабочим классом этих стран.

Группу работ славистов образуют исследования, характеризующие революционное и национально-освободительное движение в славянских странах накануне и в период первой мировой войны³⁷. Под влиянием революционных идей Октября развернулось мощное революционное и национально-освободительное движение в славянских странах. Победа Октябрьской революции создала необходимые предпосылки для восстания и образования самостоятельных славянских государств; поли-

³³ «Из истории польского рабочего движения». М., 1961.

³⁴ «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М., 1959.

³⁵ «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. I. М., 1955.

³⁶ И. А. Х р е н о в. Лодзинское восстание. М., 1958; У. А. Ш у с т е р. Революция 1905—1907 гг. в Польше.— «Исторические записки», 1947, № 22.

³⁷ Ю. А. П и с а р е в. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914 гг. М., 1962; В. А. Ж е б о к р и ц к и й. Болгария накануне Балканских войн. Киев, 1960.

тическая карта Центральной Европы была решительно изменена; под ударами революционных сил пала лоскутная Австро-Венгерская монархия. Проблема влияния Октябрьской революции на славянские страны, на мощный подъем в них революционного движения стала предметом крупных исследований. В связи с пятидесятилетием Советского государства была предпринята широкая разработка вопросов участия трудящихся славянских стран в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Появились и находятся в печати отдельные монографии, сборники статей и публикации документов³⁸.

Специальное внимание историков уделено разработке проблемы влияния Октябрьской революции на восстановление государственной самостоятельности и национальной независимости Польши и Чехословакии и образование Югославии³⁹.

Большое место в работах славистов отводится показу революционного и национально-освободительного движения в славянских странах в 1918—1921 гг.⁴⁰ С исследованием проблем международного значения Великой Октябрьской революции тесно связана попытка проследить влияние ленинских идей на процесс образования коммунистических партий в славянских странах. Сделано в этой области еще немного; тем более актуальной эта задача становится в связи с приближающимся столетием со дня рождения В. И. Ленина.

Исследования, характеризующие межвоенный период в истории развития славянских стран, составляют довольно компактную группу работ. Из этой области больше всего разрабатывались вопросы политического и экономического развития славянских стран в межвоенный период, история рабочего движения в них (И. Н. Мельникова и др.). Меньше внимания было уделено разработке проблем внешнеполитического развития межславянских культурных и экономических связей. В целом приходится все же констатировать определенное отставание советской славистики в разработке межвоенной проблематики.

Значительно более крупных успехов достигли историки в разработке сложной и чрезвычайно важной проблематики подготовки второй мировой войны. Объясняется это в большой мере тем пристальным вниманием к вопросам внешней политики великих держав в канун гитлеровской агрессии в Европе и детальным исследованием миролюбивой политики Советского Союза, его упорной борьбы за создание системы коллективной безопасности в Европе, которые показательны для советских историков, занимающихся как историей СССР, так и всеобщей историей. Историками-славистами были достаточно подробно изучены такие вопросы, как мюнхенский стовор западных держав с фашистской Германией, аншлюс Австрии, политика Германии и Италии на Балканах и развал Малой

³⁸ А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917 г. М., 1965; А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг. М., 1965; «Интернационалисты в боях за власть Советов. Сборник статей». М., 1965; И. Д. Очак. Югославские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1918). М., 1966; «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России» (в печати); «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957.

³⁹ М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957; «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957.

⁴⁰ С. М. Стецкевич. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 гг. Л., 1966; М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957, и др.

Антанты, венгеро-чехословацкие и венгеро-германские отношения. Речь идет о работах В. М. Турока-Попова, С. И. Прасолова, А. А. Язковой, В. К. Волкова, И. И. Поппа и др.⁴¹ Исследовалось нашими славистами и участие трудящихся славянских стран в гражданской войне в республиканской Испании.

Переходя к характеристике славистических исследований по проблемам второй мировой войны, следует с самого начала подчеркнуть, что усилия историков были сконцентрированы прежде всего на изучении национально-освободительной борьбы в оккупированных фашистской Германией странах и роли в организации этой борьбы коммунистических и рабочих партий (работы А. И. Недорезова, Л. Б. Валева, Ф. Г. Зуева, П. М. Калениченко, Г. М. Славина и др.)⁴². При этом большое внимание уделялось выяснению такой кардинальной темы, как значение для развития освободительного антифашистского движения в славянских странах героической борьбы советского народа против гитлеровской агрессии. Изучались формы и методы сотрудничества советских партизан с движением Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах, прямая помощь Советского Союза борющимся славянским народам (работы П. И. Резонова, В. И. Клокова, М. И. Семиряги и др.)⁴³. Очень интересный материал об освободительной миссии Советской Армии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и о совместных боевых действиях с вооруженными силами освобождающихся славянских стран содержится в большой мемуарной литературе, опубликованной в последние годы (воспоминания С. С. Бирюзова, И. С. Конева, С. Г. Поплавского, Р. Я. Малиновского, С. А. Ковпака и др.).

В последнее время историки-слависты приступили к детальному анализу германской оккупационной политики, ее задач и методов не только в политической, но и в экономической и культурной областях (работы Ф. Г. Зуева, А. Ф. Носковой, А. И. Недорезова и др.). Значение этих исследований станет особенно очевидным, если учесть, что в западногерманской литературе правого, а частично и либерального направления распространяется политически и научно несостоятельный тезис о существовавших якобы принципиальных противоречиях между органами гражданской администрации, вермахтом, СС, гестапо и руководством нацистской партии по вопросам оккупационной политики. Западногерманские историки пытаются таким образом обелить гражданскую администрацию и вермахт, приписать им известный «либерализм» и противопоставить вермахт нацизму, снять с него обвинение в военных преступлениях. Исследование источников, в том числе и германского происхождения, опровергает все эти развиваемые в современном «остфоршунге» тезисы, подчеркивая тактический характер указанных противоречий. В связи с критикой современного западногерманского остфоршунга начались в СССР и исследования, посвященные гитлеровскому «остфоршунгу» как органу

⁴¹ В. М. Турока. Очерки по истории Австрии. 1918—1929. М., 1955; е го же. Очерки истории Австрии. 1929—1938. М., 1962; А. А. Язкова. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М., 1960; В. К. Волков. Германо-югославянские отношения и развал малой Антанты. 1933—1938. М., 1966.

⁴² А. И. Недорезов. Национально-освободительное движение в Чехословакии. 1938—1945. М., 1961; Л. Б. Валева. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; П. М. Калениченко. Польша прогрессивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957; Г. М. Славин. Освободительная война в Югославии (1941—1945). М., 1965.

⁴³ «Антифашистское движение сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962; В. И. Клоков. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961; М. И. Семиряга. Антифашистские народные восстания (очерки). М., 1965 и др.

фашистской разведки и как аппарату по разработке планов экономического грабежа и прямого физического уничтожения населения оккупированных славянских стран.

Разработке проблематики возникновения строя народной демократии как особой формы диктатуры пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было уделено большое внимание уже в обобщающих трудах по истории славянских стран, изданных Институтом славяноведения. Ей были посвящены и специальные сборники статей⁴⁴. Нужно сказать, правда, что работам, выполненным до середины 50-х годов, свойствен известный схематизм, обусловленный в большей или меньшей мере узостью источниковедческой базы исследований. А изучение социалистических преобразований в Югославии было вообще заторможено. В монографическом плане над вопросами социально-экономических преобразований в зарубежных славянских странах работал большой коллектив историков-славистов (А. И. Недорезов, П. В. Галенко, Л. Б. Валев, Я. Б. Шмераль, Ф. Т. Константинов, А. А. Янин, И. И. Удальцов, Г. П. Мурашко, В. В. Марьина, Д. Бочаров, В. И. Овчаров, И. С. Яжборовская и др.)⁴⁵. Исследовался широкий круг вопросов национализации промышленности и создания социалистической индустрии, послевоенных аграрных реформ и последующих социалистических преобразований в сельском хозяйстве, миролюбивой политики социалистических славянских стран и их политического сотрудничества с Советским Союзом, проблемы экономического сотрудничества в лагере европейских социалистических стран и социалистической кооперации производства, государственно-правового и партийного строительства. В настоящее время наряду с историками в разработке вопросов социалистического строительства в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии активно участвуют экономисты, издающие по этой проблематике специальные монографии, сборники статей и материалов⁴⁶. Довольно значительная группа историков и экономистов изучает особенности хода кооперирования сельского хозяйства в отдельных славянских странах. Помимо исследовательской велась и большая научно-публикаторская работа. Значительную активность в области публикации источников проявили юристы и историки права, опубликовавшие отдельными сборниками конституции и основные государственные акты зарубежных славянских стран⁴⁷.

⁴⁴ «Болгарский народ в борьбе за социализм». М., 1954; «Борьба польского народа за социализм». М., 1955; «Народы Чехословакии в борьбе за социализм». М., 1957; «15 лет Народной Польши». М., 1959; «Очерки истории Народной Польши». М., 1965.

⁴⁵ А. И. Недорезов. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954; Д. Бочаров. Болгарский народ строит социализм. М., 1954; Ф. Константинов. Болгария на пути к социализму. М., 1953; П. Галенко. Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике. М., 1955.

⁴⁶ В. А. Виноградов. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1965; «Социалистическая индустриализация стран народной демократии». М., 1960; Э. Б. Валев. Болгария. Экономико-географическая характеристика. М., 1957; С. С. Шаренков. Строительство социалистической экономики в Народной Республике Болгарии. М., 1960; Ю. В. Илиннич. Польша. Экономико-географическая характеристика. М., 1966; Р. Н. Евстигнеев. Развитие экономики Чехословацкой республики. М., 1960; И. М. Маергойз. Чехословацкая Социалистическая Республика. Экономическая география. М., 1964; «Экономика Югославии». М., 1966, и др.

⁴⁷ «Основные законодательные акты по аграрным преобразованиям в зарубежных социалистических странах». Вып. I—IV. М., 1956—1958; А. М. Петрушев. Сельское хозяйство европейских стран народной демократии на социалистическом пути. М., 1959; «Социалистические преобразования в сельском хозяйстве стран народной демократии». М., 1963; А. Д. Ступов. Развитие социалистического сельского хозяйства в Болгарии. М., 1960 и др.

К сожалению, чрезвычайно сложная, часто еще не ясная специализация — историкам культуры проблематика культурного строительства в послевоенном периоде не заняла еще соответствующего места в советских исследованиях.

Такой широкий диапазон исследований позволил славистам и в области проблематики новейшей истории обратиться к работам сравнительно-исторического характера и наладить сотрудничество историков, историков государства и права, историков культуры, экономистов и социологов. Такое сотрудничество несомненно поможет создать крупные синтетические труды, обобщающие опыт социалистического строительства в европейских странах с учетом специфики их развития, моментов, облегчавших и затруднявших происходившие в них громадные социально-экономические преобразования.

Внимание к проблематике итогов второй мировой войны и послевоенного внешнеполитического развития славянских стран, а также изучение славяно-германских отношений неизбежно привело к появлению исследований, посвященных восточному курсу ФРГ и укреплению уз сотрудничества и дружбы с ГДР — первым германским государством рабочего класса и трудового крестьянства. Вместе с тем большого размаха достигло изучение западногерманской историографии остфоршунга (работы М. С. Восленского, В. И. Салова, В. Т. Пашуто, М. Р. Тульчинского, Г. Э. Санчука и др.)⁴⁸. Особенно пристальное внимание обращается при этом на изучение новых тенденций в историографии остфоршунга, в той или иной мере отражающих так называемый новый курс восточной политики ФРГ, ставящей своей целью раскол европейский социалистический лагерь. Вместе с тем в поле зрения славистов начинает входить и многочисленная литература, посвященная изучению стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, издающаяся в США, Англии, Франции и других западных странах.

Обзор основной проблематики советских историко-славистических исследований был бы не полон, если не упомянуть работы по вопросам славянской историографии. Инициатором в исследовании этой важной темы выступил коллектив кафедры южных и западных славян Московского университета⁴⁹.

Изложенные выше общие и по необходимости краткие характеристики достижений советских историков-славистов позволяют прийти к выводу, что советская славистика находится сейчас на большом подъеме, о чем свидетельствует развитие в нашей стране крупных исследований не только по периоду феодализма и капитализма, но и в первую очередь по наиболее актуальным проблемам новейшей истории. Постоянное и все более усиливающееся у нас в стране изучение вопросов новейшей истории славянских народов является существеннейшей, важнейшей чертой советского славяноведения вообще. Историко-славистические исследования заняли действительно соответствующие их задачам и значению место не только в общей системе славяноведения в СССР; они представляют собой и крупный вклад в мировое славяноведение, обеспечивая достойное место советской славистике в мировых славистических исследованиях. Успеху советских славистов в большой мере способствовало укрепление творческих контактов и непосредственного сотрудничества с марксистской наукой, развивающейся в славянских странах за рубежом.

⁴⁸ М. С. Восленский. Восточная политика Бонна. М., 1967; М. Р. Тульчинский. Адвокаты реванша. Западногерманский «остфоршунг» на службе боннской реваншистской политики. М., 1963 и др.

⁴⁹ «Славянская историография». Изд. МГУ, 1966. См. также отдельные разделы в кн. «Историография цового времени стран Европы и Америки». Изд. МГУ, 1967.

В. И. ЗЛЫДНЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

(1917—1967 гг.)

Со времени Октябрьской социалистической революции начинается новый этап в изучении зарубежных славянских литератур. Выделяясь из традиционной славянской филологии, а порой и размежевываясь с ней в идеологическом и методологическом отношении, славянское литературоведение постепенно осваивало новые научные принципы и определяло круг своих задач. Марксистско-ленинская методология в работах славистов-литературоведов начала складываться еще в 20—30-е годы, а наиболее значительные достижения на ее основе появились лишь после второй мировой войны. Тогда же определился комплексный характер советского славяноведения как научной дисциплины: изучение зарубежных славянских литератур велось в тесной связи с исследованиями по истории и культуре славянских народов. Значительное место в работах наших славистов занимают проблемы литературных взаимоотношений, особенно связей восточнославянских литератур с литературами западных и южных славян. На современном этапе в результате установления более тесных контактов с зарубежными учеными многие литературоведческие исследования координируются с работами зарубежных славистов, а порой ведутся и совместными усилиями.

В истории изучения славянских литератур со времени Октябрьской революции до наших дней можно выделить два основных периода. Рубежом между ними является окончание второй мировой войны. Для первого из них (с 1917 по 1945 г.) характерно сосуществование старой и новой методологии, характерны также первые опыты объединения славистических сил. Успешному развитию науки в тот период мешало наличие упрощенных представлений о славянском мире, зачастую связанное с вульгарным социологизмом. В годы второй мировой войны, когда немецко-фашистская агрессия провозгласила как одну из своих целей порабощение славянских народов, проблематика развития славянских культур и литератур приобрела остро политический характер. Это вызвало живейший интерес всей нашей общественности к историческим судьбам славян, к их культуре и литературе. Появление новых научных центров, приток молодых сил в славистику и развитие марксистско-ленинской методологии привели к серьезному росту и славянского литературоведения, получившего в настоящее время признание в Советском Союзе и за его пределами.

Настоящий очерк не претендует на исчерпывающую полноту фактического материала, так как главная его цель — не столько собирание и описание различных литературоведческих фактов, сколько выявление

новых тенденций развития научной мысли, динамики самого процесса освоения и изучения зарубежных славянских литератур, как он складывался в течение полувекового пути развития.

* * *

В первые годы после Октябрьской революции лишь в двух университетах страны — Ленинградском и Московском — существовали кафедры славянской филологии. Первую из них возглавлял проф. Н. С. Державин, вторую — проф. А. М. Селищев. Занимаясь главным образом подготовкой молодых славистов, эти кафедры все же не смогли выполнить роли научных центров и создать сколько-нибудь значительные работы по истории славянских литератур. Поэтому в системе Академии наук СССР в Ленинграде был создан Институт славяноведения (1931—1934), выпустивший два тома «Трудов Института славяноведения» (1932 и 1934 гг.). Часть работ по славянским литературам, опубликованная в Трудах института, отличалась методологической новизной и открывала новые пути исследовательской мысли. Однако должного развития эти первые ростки марксистского литературоведения не получили.

Наиболее значительные работы по литературам южных и западных славян были созданы учеными, взгляды которых сложились в предшествующий период. Некоторые из них, например академики П. А. Лавров и М. Н. Сперанский, принадлежали к старой школе славистов, и в их послеоктябрьской деятельности отразились все особенности прежней методологии. Другие же слависты — акад. Н. С. Державин, профессора В. Г. Чернобаев, В. Н. Кораблев, К. А. Пушкаревич — стремились осмыслить историко-литературные процессы в славянских странах уже с марксистских позиций. Так складывались разные направления в литературоведческих исследованиях.

Акад. П. А. Лавров (1856—1929) был одним из крупнейших специалистов в области древнеславянской письменности. Еще в конце прошлого столетия он начал собирание памятников, относящихся к деятельности первых славянских просветителей Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. Публикация различных списков и их филологический комментарий составили главное направление его научной деятельности. Эта работа выдающегося русского слависта-филолога завершилась изданием книги «Кирилл и Мефодий в древнеславянской письменности» (Киев, 1928, на укр. яз.). Посмертно вышло и подготовленное им самое полное у нас собрание славянских памятников — «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности»¹. Этот труд П. А. Лаврова представлял собой своеобразную «кирилло-мефодиевскую энциклопедию», отличающуюся тщательностью филологического анализа.

Научные интересы акад. М. Н. Сперанского (1863—1938) также были сосредоточены на древнем периоде. В 20—30-е годы он публикует ряд таких ценных исследований, как «Тайнопись в южнославянских и русских памятниках», «К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур», «Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV — XVI веков». Работам М. Н. Сперанского присущ тщательный филологический анализ текстов, дающий возможность выявить своеобразие того или иного памятника литературы, проследить его бытование и распространение в разных странах. Ему принадлежит также заслуга рассмотрения литературных связей в сложном процессе взаимного обогащения литератур. На основе уже опубликованных им работ 20—30-х

¹ «Труды славянской комиссии Академии наук», т. I. М.—Л., 1930.

годов, а также сохранившихся рукописных исследований этого слависта был подготовлен сборник «Из истории русско-славянских литературных связей» (М., 1960), который обогащает наше представление об узловых моментах литературных взаимоотношений славянских народов на протяжении XI — XVII вв.

В духе прежней культурно-исторической школы продолжали свою деятельность и другие слависты старшего поколения: П. М. Аристов, А. И. Степович, И. С. Свенцицкий (Львов). Наиболее значительной работой Свенцицкого явилась книга «Очерки из истории болгарской литературы»².

Несмотря на некоторые достижения отдельных ученых в разработке частных вопросов истории зарубежных славянских литератур к концу 20-х годов, наши литературоведы сознавали и отрицательную сторону разобщенности сил славистов и методологическую ограниченность прежних принципов.

В статье «Наши задачи в области славяноведения» Н. С. Державин признавал некоторые положительные стороны филологического анализа, но и отмечал, что старая методология до крайности шаблонизирована, «лишена обычно какого бы то ни было намека на общественность, на живую социальную действительность, из гущи которой вырос данный памятник»³. Наши слависты стремились преодолеть эту методологическую ограниченность, перенести в своих трудах «центр тяжести» на социологический анализ. Примером такого рода исследований явились статьи В. Г. Чернобаева «„Мужики“ В. Реймонта (Опыт социологического анализа)», Н. С. Державина «Социология литературно-художественного образа. „Бай Ганю“ Алеко Константинова», «Стоян Михайловский как сатирик (1856—1927)», а также его монография «Алеко Константинов» (1934).

Литературоведы-слависты стали больше внимания уделять творчеству крупных революционных и прогрессивных писателей XIX в., выступали с обзорами развития зарубежных славянских литератур в послевоенный период. В научных изданиях и литературной периодике публиковались статьи о связи зарубежных писателей с антифашистским движением, о наиболее крупных достижениях современных славянских поэтов и прозаиков. Круг лиц, проявлявших пристальное внимание к новым литературным процессам, значительно расширился. Со статьями о польской литературе выступил М. С. Живов, о чешской и словацкой литературах — М. Скачков, о сербской и хорватской — К. А. Пушкаревич, о болгарской — болгарский критик-коммунист, находившийся в то время в Советском Союзе, Г. Бакалов. Новые методологические принципы, бесспорно, сыграли свою положительную роль. Внимание сосредоточивалось на важных литературных явлениях прошлого и первой трети нынешнего столетия. Однако увлечение литературоведов социологическим анализом привело к недооценке художественной специфики творчества писателей, к упрощенной характеристике литературного процесса. В конечном итоге это вылилось в вульгарную социологию. Этот недостаток проявился в работах многих наших славистов и был преодолен лишь к середине 50-годов.

Важную роль в развитии славянского литературоведения 20—30-х годов сыграла научная и педагогическая деятельность ленинградских славистов Н. С. Державина, В. Г. Чернобаева и К. А. Пушкаревича. Н. С. Державин (1877 — 1953), один из основоположников советского славяноведения, нередко выступал с исследованиями по общим проблемам славяноведения. В области зарубежных славянских литератур уче-

² И. С. С в е н ц и ц к и й. Нариси з історії болгарської літератури. Львів, 1957.

³ «Труды Института славяноведения АН СССР», т. I. Л., 1932, стр. 4.

ного особенно интересовали проблемы развития болгарской литературы с древнейших времен до начала XX в. Ему принадлежат специальные исследования о Клименте Охридском, Паисии Хилендарском и С. Врачанском, писателях-реалистах XIX в. Работам Н. С. Державина 30-х годов был присущ и вульгарный социологизм, который не дал возможности исследователю в должной степени раскрыть художественное своеобразие крупных сатириков-реалистов прошлого столетия (С. Михайловского и А. Константинова). В последующих трудах ученый преодолевает этот недостаток. Наиболее ценными его работами по болгарской литературе явились монографии «Христо Ботев, поэт-революционер» и «Иван Вазов. Жизнь и творчество», изданные в 1948 г. На протяжении длительного творческого пути Н. С. Державин уделял большое внимание проблемам русско-болгарских культурных и литературных связей. В частности, не утратили значения его работы: «Племенные и культурные связи болгарского и русского народов», «Пушкин в Болгарии», «Иван Вазов, Россия и русская литература». За исследование по славяноведению ученый был удостоен Государственной премии, а его труды по истории, культуре и литературе Болгарии получили признание у наших болгарских друзей.

Большая часть работ В. Г. Чернобаева посвящена изучению истории польской литературы и русско-польских литературных связей. Оригинальны его исследования о политической пародии, восточной повести в Чехии и Польше, а также статьи о А. Мицкевиче, Ю. Словацком и З. Красиньском⁴. Определенный вклад в науку представляют и его основательные, тщательно документированные исследования по русско-польским связям первой половины XIX в. Из них особенно следует отметить — «Игнаций Красицкий в русской литературе» (1936), «Мицкевич в России 1820—1830 гг.» (1934), «К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича. Пушкин и поэма Мицкевича „Конрад Валленрод“» (1938).

К. А. Пушкаревич — славист с широкими творческими интересами. Будучи историком, этнографом и литературоведом, он много внимания уделял проблеме русско-славянских литературных связей. Он устанавливает воздействие А. С. Грибоедова на характеры героев «Комедии» А. Налэнч-Коженева, публикует новые материалы о С. Марковиче, Д. Благоеве, В. Караджиче, обогащая наши представления о многогранности межславянских культурных взаимоотношений⁵.

На Украине не существовало каких-либо определенных организационных центров по изучению литератур южных и западных славян. Большинство литературоведов работало на кафедрах зарубежных литератур университетов. Проблемой украинско-чешских литературных связей занимались А. Шамрай и М. Возняк. В книге «Харьковские поэты 30—40-х годов XIX в.» (1930) А. Шамрай показал, как переводы и переработки из Коллара, Челаковского и Ганки содействовали расширению стилиевых возможностей украинской литературы, становлению в ней романтического направления. Проблемой украинско-польских связей, особенно на основе творчества Т. Шевченко, занимались В. Щурат, К. Студинский и В. Гнатюк. О необходимости глубокого освещения наследия А. Мицкевича еще в 20-е годы писал М. Рыльский (статья о «Пане Тадеуше»). Разработкой украинско-болгарских связей был занят Д. Шелудько, а революционную болгарскую литературу в 30-е годы пропагандировали Г. Бакалов, Н. Фуклев и А. Величков.

⁴ См.: «Политические пародии в старой польской литературе и на Западе» (1936), «К вопросу о судьбах восточной повести в Чехии и Польше», «Столетие третьей части „Дзядов“ А. Мицкевича» (1934) и др.

⁵ См. его публикации: «Светозар Маркович в Петербурге», «Д. Н. Благоев — студент Спб. университета», «Автобиографическая заметка Вука Ст. Караджича».

Труды видных наших славистов 30-х годов наглядно свидетельствуют о смещении центра внимания исследователей с древнего периода к важнейшим явлениям литературы прошлого столетия, об их стремлении более глубоко и всесторонне раскрыть взаимодействие литературного и исторического процессов. В этом, несомненно, проявилось поступательное развитие славянского литературоведения. Правда, круг охвата писателей был все еще ограниченным. Многие проблемы, связанные с выявлением противоречивых тенденций в литературном процессе, практически выпадали из поля зрения исследователей. Из польских писателей особое внимание исследователей привлекали А. Мицкевич, С. Жеромский, революционные поэты 20—30-х годов; из чешских — Я. Неруда, А. Ирасек, Я. Гашек, К. Чапек, С. Нейман; из болгарских — Х. Ботев, А. Константинов, И. Вазов, Х. Смирненский. Следует отметить, что в 30-е годы стала намечаться и проблема связей советской литературы с литературами зарубежных славянских народов. Появились первые статьи и публикации о восприятии творчества М. Горького и В. Маяковского в славянских странах.

Освещение современного литературного процесса не заняло должного места в научной литературе. Здесь были лишь самые общие и краткие обзоры о передовых и революционных тенденциях в разных литературах⁶. Они помещались главным образом в общественно-литературных журналах и принадлежали как нашим, так и зарубежным критикам и писателям (З. Неудлы, Г. Бакалов, В. Клементис, Я. Гемпель, С. Станде и др.). Объяснялось это и нашими слабыми научными связями и отсутствием опыта в разработке современных проблем.

* * *

После второй мировой войны у нас сложились новые научные центры, значительно расширился круг специалистов по зарубежным славянским литературам и существенно изменились принципы исследования литературных процессов. Появилось большое число коллективных и индивидуальных монографий, серийных изданий и научных сборников, дающих широкое представление о литературах западных и южных славян в разные исторические периоды и особенно в XIX — XX вв.

Еще в конце войны возобновила свою деятельность (после перерыва с 1932 г.) кафедра славянской филологии в Московском университете, расширилась научная и педагогическая деятельность славистов Ленинградского и Львовского университетов, была образована новая кафедра славянской филологии в Киевском университете. Факультативно читались курсы по славянским литературам в ряде высших учебных заведений страны. С середины 50-х годов в учебные пособия по зарубежным литературам вводились главы о творчестве крупнейших поэтов и прозаиков литератур западных и южных славян.

Научная деятельность университетских кафедр развивалась неодинаково. В первые послевоенные годы наибольшую активность проявили ленинградские слависты. Особенно интенсивно работали проф. К. А. Копержинский, занимавшийся преимущественно связями южных славян с русской литературой, К. Н. Державин (1903—1956), опубликовавший ряд работ по болгарской литературе и искусству, по польской литературе, а также С. С. Советов (1902—1958), сосредоточивший основное

⁶ К. А. Пупкэрович — «Современная болгарская и сербо-хорватская литература» (Л., 1929), М. Живов — «Польская литература о крестьянстве в панской Польше» (1939), М. Скачков — «Современная литература в Чехословакии» (1930), «Словацкая литература» (1930).

внимание на проблемах развития польской литературы и русско-польских литературных связей. В последующие годы уже силами молодых славистов (В. Д. Андреев, П. А. Дмитриев, В. Б. Оболевич, И. М. Порочкина, Г. И. Сафронов и др.) в Ленинградском университете были подготовлены коллективные сборники — «Славянские литературы» (1958), «Развитие реализма в славянских литературах» (1962), «Славянская филология» (1964) и «Взаимосвязи славянских литератур» (1966).

Литературоведы-слависты Московского университета (А. М. Балакин, Р. Р. Кузнецова, Е. З. Цыбенко и др.) участвовали в написании глав о славянских литературах для общих курсов по зарубежным литературам и занимались разработкой отдельных проблем из истории славянских литератур (см. «Славянская филология», вып. 1—5, 1951—1963 гг.). Значительное число работ по литературе зарубежных славянских народов было опубликовано в Трудах и Ученых записках университетов и педагогических институтов различных городов Советского Союза⁷. Эти издания показывают, как постепенно расширялся круг лиц, занимающихся проблемами славянских литератур, и рос интерес к научным славистическим проблемам.

Важным научным центром в развитии славянского литературоведения в послевоенный период стал Институт славяноведения АН СССР, в котором сложились целые творческие коллективы по изучению каждой славянской литературы. Главные усилия здесь были направлены на создание обобщающих работ по истории литератур западных и южных славян, на подготовку проблемно-теоретических коллективных трудов и на углубленное изучение литературных течений и направлений. В институте были подготовлены «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (1959), «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.» (1963). В настоящее время завершается работа по написанию истории польской литературы, словацкой литературы XIX—XX вв. и литератур народов Югославии XX в. Кроме того, подготовлены труды: «Из истории критического реализма в литературе народов Югославии» (1958), «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (1963), «Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке» (1964), «Критический реализм в литературах западных и южных славян» (1965) и др. В ряде индивидуальных монографий содержится более развернутая характеристика творчества отдельных писателей и литературного процесса в каждой из славянских литератур.

Наряду с этими изданиями сотрудниками сектора славянских литератур были подготовлены специальные разделы по истории культуры и литературы в обобщающих коллективных трудах по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. В настоящее время литературоведы института участвуют в написании разделов по славянским литературам в многомном коллективном труде «История всемирной литературы», подготавливаемом рядом институтов АН СССР.

Помимо коллективных и индивидуальных исследований опубликовано значительное число работ по более частным проблемам в серийных изданиях института — Ученых записках и Кратких сообщениях, в «Литературе славянских народов» (вып. 1—8, 1955—1963) и «Славянском ар-

⁷ В Ученых записках Тамбовского пединститута появились «Статьи о болгарской литературе» (1951 и 1957 гг.), подготовленные молодыми литературоведами под руководством проф. Н. И. Кравцова. В Ученых записках Волгоградского пединститута опубликована монография Е. А. Слободской «Проблема реализма в творчестве Адама Мицкевича» (1960), отдельные статьи печатались также в «Трудах кафедры славянской филологии» Львовского университета, в Ученых записках Горьковского, Саратовского, Минского, Черновицкого, Фрунзенского университетов, Гомельского пединститута и др.

хиве» (1959—1964), а с 1965 г. и в журнале «Советское славяноведение». Во всех этих изданиях принимали участие и слависты других городов Советского Союза.

С середины 50-х годов складываются новые творческие группы и коллективы славистов в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, в Институте литературы им. Я. Купалы АН БССР. В каждом из названных коллективов разрабатывается своя проблематика, которая в целом расширяет границы славянского литературоведения и обогащает его в научном и методологическом отношении.

Слависты Института мировой литературы в своих сборниках и коллективных трудах рассматривают славянские литературы или творчество крупнейших писателей в связи с общими процессами, происходящими в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. К числу характерных изданий этого творческого коллектива следует отнести сборники «Писатели стран народной демократии» (вып. 1—4, 1955—1960), в которых наряду с литературно-критическими очерками о писателях польской, чешской, словацкой и болгарской литератур, помещены очерки о румынских и венгерских писателях, а также о некоторых поэтах и прозаиках восточных литератур. В последнее время изданы и коллективные исследования — «Национальные традиции и генезис социалистического реализма (в литературах стран народной демократии)», 1965; «Пути реализма в литературах стран народной демократии (20—30-е годы)», 1963.

В Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) интерес научных работников к зарубежным славянским литературам продиктован стремлением полнее выявить роль и место русской литературы в развитии других литератур. Отсюда — повышенное внимание к проблемам русско-славянских литературных взаимоотношений в разные исторические периоды. Итогом изучения конкретных вопросов историко-литературного характера явились коллективные труды: «Русская литература XI — XVII веков среди славянских литератур», «Русская литература XVIII века и славянские литературы», «Из истории русско-славянских литературных связей XIX века» (1963). В них приняли участие и литературоведы зарубежных славянских университетов и академий.

С середины 50-х годов окрепли научные контакты наших славистов с учеными европейских социалистических стран. Отдельные исследования наших славистов публикуются в научных изданиях социалистических стран, а работы зарубежных ученых у нас. Складывается практика и совместной подготовки научных изданий⁸. Такого рода творческие контакты содействуют более успешному решению научных проблем и взаимно плодотворны для ученых разных стран.

Отличительной особенностью работ украинских славистов является углубленный интерес к проблемам украинско-славянских литературных связей. Начало их разработки было положено еще многосторонней деятельностью И. Франко. На современном этапе эти традиции обогащали и развивали — М. Ф. Рыльский, П. Г. Тычина, Н. П. Бажан, А. И. Белецкий. Большая часть работ литературоведов-славистов посвящена

⁸ Сборник «Чехословацко-советские литературные связи» (1964) подготовлен коллективом сотрудников ИМЛИ и ЧСАН и САН; украинские слависты совместно с чехословацкими и польскими литературоведами издали — «Чешско-украинские литературные связи», «Франко и Польша» (1957). Проведено и несколько чехословацко-советских симпозиумов по актуальным проблемам современного литературоведения.

исследованию взаимоотношений украинских писателей с поэтами и прозаиками западных славян.

С конца 50-х годов на Украине периодически проводятся в разных городах республиканские научные конференции, на которых проблемам истории литератур зарубежных славянских народов и межславянских связей отводится важное место. К настоящему времени проведено уже семь таких конференций. Значительная часть материалов этих конференций опубликована в серийных изданиях украинской Академии наук — «Межславянские литературные взаимоотношения» (вып. 1—3, 1958—1963), «Славянское литературоведение и фольклористика» (1965). Стремясь познакомить широкие круги украинской общественности с наиболее значительными достижениями современных поэтов и прозаиков, литературоведы подготовили сборники «Современные польские писатели» (1960), «Современные болгарские писатели» (1962 г., в нем приняли участие Д. Ф. Марков, И. М. Шедтунов, В. И. Антоненко и др.) и «Современные писатели Чехословакии» (1963).

Белорусские слависты лишь в последние годы активизировали свою деятельность. Большая часть их работ, подготовленных в Минском университете и в секторе литературных связей Института литературы им. Я. Купалы АН БССР, посвящена творчеству крупнейших славянских писателей и межславянским связям. Наибольшее внимание белорусские литературоведы уделяют белорусско-польским связям: работы А. Лойко «А. Мицкевич и белорусская литература» (1959), М. Р. Ларченко «Славянская общность» (1963), А. Лойко и Н. Перкин «Белорусско-польская взаимность в XIX в.» (1963), А. И. Мальдис «Творческое побратимство» (1966). Русско-польским и белорусско-польским связям посвятила ряд статей В. И. Гапова. Проблемами связей белорусских писателей с чехословацкими занимается А. В. Можейко, а творчеству болгарских писателей и белорусско-болгарским связям посвящены работы В. М. Тимофеевой и Л. Е. Тимошковой⁹.

Благодаря широкому хронологическому охвату и разностороннему подходу к изучению зарубежных славянских литератур, нашими славистами достигнуты весьма ощутимые успехи в освещении историко-литературных процессов в отдельных национальных литературах, в исследовании творчества крупнейших писателей, определявших характер развития литератур своих народов, а также в изучении литературных связей¹⁰.

На протяжении всего послевоенного периода советские слависты уделяли большое внимание изучению межславянских литературных связей. Как правило, рассматривались взаимоотношения русской, украинской или белорусской литератур с какой-либо одной из зарубежных славянских литератур¹¹. В отличие от предшествующего периода, и в частности от дореволюционной славистики, теперь наибольшее внимание было привлечено к периоду XIX — XX веков. Появились статьи и специальные исследования о воздействии крупнейших наших писателей на поэтов и прозаиков зарубежных стран, об их роли и значении для литературного процесса тех народов. В центре внимания находились классики русской литературы — А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, а также ук-

⁹ См. библиографический указатель «Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі зарубешных славянскіх народаў. 1906—1962», Укладальнікі: А. Мажэйка і Л. Самасейка. Мінск, 1963.

¹⁰ См. библиографический указатель «Советское литературоведение о литературе зарубежных славян (1955—1960)». Вып. 1—2. М., 1963.

¹¹ Кроме того, разрабатываются связи армяно-болгарские, грузинско-болгарские, чувашско-болгарские и др.

раинской — Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко¹². Объясняется это тем, что именно они оказали наибольшее влияние на реалистическую литературу западных и южных славян. К тому же, в освещении путей проникновения произведений этих писателей и выявлении разных форм их воздействия на творчество отдельных зарубежных авторов в нашей славистике уже был немалый опыт. Новые работы отличались большей полнотой привлекаемого фактического материала и строились уже на новой методологической основе. Теперь основное внимание исследователей сосредоточивалось не на заимствовании или формальном подражании, а на творческом усвоении основных эстетических принципов, художественных приемов, которые стимулировали развитие внутреннего национального процесса.

Другой формой раскрытия литературных взаимоотношений явилось обращение к творчеству славянских писателей, которые жили в России и имели непосредственные контакты с нашей литературной общественностью или испытывали на себе воздействие русских авторов и были их активными пропагандистами в своих странах. Это изучение позволило полнее представить процесс взаимодействия национальных традиций с опытом наших литератур. Так у полонистов возникли работы о связях А. Мицкевича с русской общественностью и о значении русской литературы для творчества ряда выдающихся польских писателей¹³, наши богемисты посвятили ряд исследований связям Ф. Челаковского, Я. Коллара, Я. Неруды с русской литературой и фольклором¹⁴; литературоведы, занимающиеся южными славянами, изучали в этом плане творчество Л. Каравелова, Х. Ботева, И. Вазова, А. Ашкерца, С. Марковича¹⁵.

Широкое распространение произведений зарубежных славянских авторов в нашей стране с середины прошлого столетия побудило славистов специально осветить вопрос об их восприятии, распространении на русской и украинской почве. Анализ этой обратной стороны связей обогащает наше представление о двустороннем процессе взаимоотношений литератур и позволяет полнее представить отечественную литературно-крити-

¹² Характерны в этом отношении статьи: К. А. Копержинского «Значение Пушкина в формировании болгарской поэзии (50—70-е годы)» (1950), С. В. Никольского и А. П. Соловьевой «Гоголь и становление реализма в чешской литературе» (1952), П. Г. Богатырева «Пушкин у западных и южных славян» (1958), Н. И. Кравцова «Гоголь и болгарская литература» (1952), «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ в славянских литературах» (1961), Т. Л. Мотылевой «Л. Н. Толстой в славянских литературах» (1955) и др. К этому же типу работ относятся монографии Г. Д. Вервеса «И. Франко и вопросы украинско-польских общественно-литературных взаимоотношений» (1957), «Т. Шевченко и Польша» (1964), Е. В. Шпилевой «Т. Шевченко и болгарская литература» (1963), статьи Н. И. Кравцова «Шевченко в литературе и критике Югославии», В. И. Злыднева «Шевченко и болгарская литература» в сб. «Тарас Шевченко» (1962).

¹³ И. И. Беккер — «Мицкевич в Петербурге» (1955), Б. Ф. Стахеев — «Мицкевич и прогрессивная русская общественность» (1955), М. Я. Поляков — «Адам Мицкевич и русская литература» (1955), монографии Г. Д. Вервеса о связях А. Мицкевича, Ю. Словацкого и В. Оркана с украинской литературой; статьи В. И. Гаповой «Э. Ожешко и украинская литература» (1955), А. Г. Пиотровской «М. Конопницкая и русская литература» (1959) и др.

¹⁴ С. В. Никольский — «„Отзвук русских песен“ Ф. Л. Челаковского» (1959), А. П. Соловьева — «Ян Неруда о русской культуре» (1952), А. А. Зайцева — «Я. Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в.» (1963).

¹⁵ Статьи: К. А. Копержинского «Журнально-публицистическая деятельность Л. Каравелова в России» (1956); Н. С. Державина и В. И. Злыднева об И. Вазове; М. И. Рыжковой об А. Ашкерце; книга Л. С. Ерихонова «Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в.» (1950); статьи Н. И. Кравцова «Русско-югославские литературные связи» (1957), М. Я. Гольберга об украинско-сербских связях.

ческую мысль, гуманистический пафос наших крупных писателей и критиков¹⁶.

В конце 40-х годов советские слависты обратились к изучению роли А. М. Горького и В. В. Маяковского в развитии зарубежных славянских литератур. Это уже новая страница межславянских связей, относящаяся к проблеме пролетарского интернационализма и становления социалистического реализма у западных и южных славян. Из многих работ по данной проблематике назовем специальные выпуски «Кратких сообщений Института славяноведения АН СССР» — «В. Маяковский в славянских странах народной демократии» (1951) и «М. Горький в славянских странах народной демократии» (1951), а также книги Л. С. Фейгельман «Маяковский в странах народной демократии» (1952)¹⁷.

Если в первое послевоенное десятилетие советские слависты изучали литературные связи на сравнительно частном материале и порой недооценивали национальные традиции в зарубежных славянских литературах, то с конца 50-х годов резко возрос интерес к широкому охвату литературных явлений со стремлением раскрыть сложные процессы и закономерности литератур на протяжении значительных периодов. Характерны в этом отношении исследования И. Н. Голенищева-Кутузова «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV — XVI веков» (1963), В. И. Злыднева «Русско-болгарские литературные связи XX в.» (1964), В. П. Вединой «Литературно-общественные связи пролетарских писателей Западной Украины и Польши» (1960), Ю. Л. Булаховской «Прогрессивная польская поэзия в ее связях с русской и украинской литературами, 1940—1955» (1964), В. И. Шевчук «Современные украинско-чехословацкие связи, 1945—1960» (1963), В. Т. Дмитрук «Страницы вековой дружбы» (1958) и др. Для этих работ характерны историко-сравнительные сопоставления, дающие богатый материал для уяснения закономерностей художественного познания действительности в рамках национальных культур. Несомненный интерес в этом плане представляют работы А. И. Белецкого, Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева, Н. И. Кравцова, А. Н. Робинсона¹⁸.

В последние годы пробудился также интерес к поискам новых форм изучения связей, к новым методологическим и теоретическим решениям¹⁹. Все это позволяет ожидать дальнейшего развития научных исследований по важной и остающейся неизменно актуальной проблематике славянско-го литературоведения.

Изучению внутренних литературных процессов в славянских странах предшествовала большая подготовительная работа по исследованию творчества отдельных писателей, по популяризации крупнейших достижений зарубежных славянских литератур. Возросший интерес советской общест-

¹⁶ См. статьи: И. А. Бернштейн — «Чешская литература в русской критике второй половины XIX в.» (1959), Е. З. Цыбенко — «Э. Ожешко и Б. Прус в современной им русской критике» (1960), Л. С. Ерихонов — «Каравелов в России» (1959), «Жинзифов в русской печати» (1963), «Г. Бакалов в Советском Союзе» (1959).

¹⁷ Позднее по этим же вопросам появились статьи: Р. Н. Крендель — «М. Горький в Болгарии» (1959), П. И. Збандуто — «Горький и советско-чешские литературные связи» (1958).

¹⁸ См.: А. И. Белецкий — «Украинская литература среди других славянских литератур» (1958), Н. К. Гудзий — «Литература Киевской Руси и древнейшие южнославянские литературы» (1958), Д. С. Лихачев — «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (1958), Н. И. Кравцов — «Славянские литературы и мировой литературный процесс» (1963), А. Н. Робинсон — «Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский» (1963).

¹⁹ См. сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», М., 1961; статья А. Р. Волкова — «Формы литературных взаимосвязей и взаимодействий» (1962), Л. С. Кипкина — «Заметки об изучении русско-чешских и русско-словацких литературных связей» (1963); сб. «Вопросы методологии литературоведения», М.—Л., 1966.

венности к писателям зарубежных славянских народов повлек за собой издание значительного числа не только отдельных книг славянских поэтов и прозаиков, но и выпуск собраний сочинений крупнейших писателей — А. Мицкевича, Б. Пруса, Э. Ожешко, С. Жеромского, А. Ирасека, К. Чапека, И. Вазова, а также поэтических антологий, сборников поэзии и прозы. К этим изданиям, равно как и к другим книгам, нашими славистами были написаны десятки статей — предисловий или послесловий. Большую роль в популяризации культуры и литературы зарубежных славянских народов сыграл журнал «Славяне» (1942—1957) — орган Славянского комитета СССР. В этом издании активно сотрудничали многие наши слависты. Популяризаторская работа имела не только общественный резонанс, но и содействовала пробуждению научных интересов у славистов.

В первые послевоенные годы (конец 40-х и начало 50-х годов) усилия литературоведов были сосредоточены прежде всего на освещении революционного наследия прошлого, а также изучении антифашистской и пролетарской литературы. Большое внимание уделялось мировоззренческой стороне писателей, раскрытию их прямых и косвенных связей с исторической действительностью. Но недостатки этих исследований нередко заключались в том, что вопросы художественного своеобразия, метода и стиля в лучшем случае отходили на второй план, а то и просто опускались. Неслучайно многие противоречивые явления в литературах прошлого столетия или начала XX века выпадали из поля зрения исследователей или трактовались упрощенно лишь в социологическом плане. С середины пятидесятых годов фронт литературоведческих работ расширяется, научная мысль теперь направлена на выявление специфики литературного процесса и своеобразия творчества отдельных писателей, на раскрытие сложных явлений во всей их противоречивой сущности.

Новаторскими в этом плане явились обобщающие коллективные труды — «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» и «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.», в которых впервые в нашем литературоведении раскрывался с марксистских позиций литературный процесс.

Разработка проблем истории литератур древнего периода и средневековья ведется пока в крайне ограниченных размерах. В последние годы появились статьи о болгарском писателе X века Козме Пресвитере (Ю. К. Бегунов), о польских писателях Я. Кохановском, М. Рее (Л. В. Волкова, Л. В. Кремницкая, В. Б. Оболевич), о чешских просветителях XV—XVI веков (И. Н. Голенищев-Кутузов), а также исследования о дубровницкой литературе. Здесь следует отметить ряд статей В. К. Зайцева об Иване Гундуличе и его поэме «Осман», статьи И. Н. Голенищева-Кутузова о поэтах Далмации, комедиографе М. Држиче и просветителе Б. Котрульевиче. Обобщение процессов отдельных литератур этого периода остается делом будущего нашей славистики.

Литературы XIX века изучены несравненно глубже. О крупнейших поэтах и прозаиках созданы монографии и серьезные исследовательские статьи, раскрывающие место писателей в литературе и их вклад в национальную культуру. При этом чаще всего разрабатывались вопросы становления и развития реализма в каждой из славянских литератур и значительно меньше освещены проблемы романтизма. Последних касались лишь в связи с творчеством отдельных польских или чешских писателей первой половины XIX в. В более обобщенном плане эти проблемы нашли освещение на IV съезде славистов в докладе «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах» (авторы: С. В. Никольский, А. Н. Соколов, Б. Ф. Стахеев).

Из польской литературы прошлого столетия наши слависты чаще всего обращались к литературному наследию А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича и М. Конопницкой. Им были посвящены специальные статьи в научных изданиях и монографии. Особое внимание исследователей привлек А. Мицкевич²⁰. Обобщающая характеристика одного из литературных жанров содержится в монографиях И. К. Горского «Польский исторический роман» (1963) и «Исторический роман Сенкевича» (1966).

Из чешских писателей XIX в. более других у нас освещалось творчество К. Гавличека-Боровского, Б. Немцовой, Й. Тыла, Я. Неруды, А. Ирасека и С. Чеха²¹. Важнейшие процессы чешской литературы рассматриваются в коллективном труде «Очерки чешской литературы» и в докладах V съезда славистов²². Словацкая литература в наших научных изданиях представлена статьями о творчестве Я. Коллара, Я. Краля и П. Гвездослава²³. Интересным исследованием словацкого фольклора является книга П. Г. Богатырева «Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни» (1963).

В области болгарской литературы наибольшее число работ относится ко времени национально-освободительной борьбы и периода 80—90-х годов. Исключение здесь составляет лишь монография Г. Д. Гачева «Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы XIX в.)», 1964 г., в которой автор прослеживает становление художественного сознания и возникновение разных жанров в литературе Болгарии первой половины прошлого столетия. Общая же характеристика литературного процесса второй половины XIX в. содержится в «Очерках истории болгарской литературы», а более детальное освещение творчества крупнейших писателей дается в монографиях и исследовательских статьях.

Творчеству Г. Раковского посвящены статьи И. М. Шептунова. Участию Х. Ботева в национально-освободительном движении и его творчеству, кроме упоминавшихся работ Н. С. Державина, посвящены книги Л. В. Воробьева, П. Шестакова, К. Н. Державина²⁴. Общественно-литературная деятельность Л. Каравелова рассматривалась в специальных статьях К. А. Копержинского, Л. С. Ерихонова, в книгах Л. В. Воробьева²⁵. Ряд исследовательских работ посвящен творчеству И. Вазова²⁶. Своеобразие сатиры А. Константинова, и в частности его фельетоны, исследуются в статьях Г. Я. Ильиной.

В отличие от дореволюционных работ, посвященных преимущественно сербской литературе, теперь наши литературоведы уделяют большое внимание также проблемам истории хорватской и словенской литератур,

²⁰ «Адам Мицкевич и славянская филология». Уч. записки ЛГУ, 1957; С. С. Советов — «Адам Мицкевич» (1957); И. К. Горский — «Адам Мицкевич» (1955); М. С. Живов — «Адам Мицкевич. Жизнь и творчество» (1959). Кроме того, следует отметить исследовательские статьи С. С. Ланды «У истоков „Оды к юности“» (1956) и «Мицкевич накануне восстания декабристов» (1959).

²¹ Из научных исследований следует назвать статьи А. П. Соловьевой о Я. Неруде, Р. Л. Филипчиковой об А. Ирасеке и книгу Л. С. Кипкина «Сватоплук Чех. Очерк жизни и творчества» (1959). Более подробная библиография дана в книге «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.» М., 1963, стр. 687—697.

²² «Утверждение реализма в чешской литературе» (А. П. Соловьева) и «Нерудовский этап в истории критического реализма» (А. В. Чичерин).

²³ Их литературным наследием у нас занимаются А. А. Зайцева, И. А. Богданова, Л. С. Кипкин.

²⁴ Л. В. Воробьев — «Х. Ботев» (1953); П. Шестаков — «Х. Ботев — великий болгарский революционер и мыслитель» (1959); К. Н. Державин — «Х. Ботев» (1962).

²⁵ Л. В. Воробьев — «Философские и социологические воззрения Л. Каравелова» (1962), «Любен Каравелов. Мироззрение и творчество» (1963).

²⁶ Полная библиография работ по Вазову содержится в кн.: «Иван Вазов». Библиографический указатель. Составитель Л. П. Лихачева. М., 1962.

а на современном этапе — и литературе македонской. Внимание советских славистов, занимавшихся XIX веком, было привлечено в первую очередь к литературно-критической деятельности С. Марковича, прозе А. Шеноа, поэзии Й. Йовановича-Змая и А. Ашкерца, сатире Р. Домановича²⁷. Сложные вопросы, связанные с творчеством ряда славянских писателей конца XIX — начала XX в., требующие теоретического осмысления литературного процесса, стали серьезно освещаться в науке лишь с конца 50-х годов. На материале болгарской литературы эти проблемы рассмотрены в монографии Д. Ф. Маркова «Болгарская поэзия первой четверти XX века» (1959) и в его докладе на IV конгрессе славистов «Проблема генезиса социалистического реализма в болгарской литературе»; на материале польской литературы — в книге В. В. Витт «Стефан Жеромский» (1961) и в ее докладе к V съезду славистов «О некоторых тенденциях развития реализма в польской литературе конца XIX — начала XX в.». Новые явления в сербской литературе получили освещение в книге М. Б. Богданова «Сербская сатирическая проза конца XIX — начала XX века и некоторые вопросы теории сатиры» (1962), а также в статьях Р. Ф. Дорониной²⁸; в чешской литературе — в исследовательских статьях А. П. Соловьевой и Р. Л. Филипчиковой, посвященных анализу творчества П. Безруча и А. Ирасека.

С середины 50-х годов у нас началась интенсивная разработка проблем развития славянских литератур межвоенного периода (1918—1945 гг.) Здесь особое внимание уделялось революционной литературе и утверждению метода социалистического реализма, участию различных писателей в антифашистском движении и судьбам критического реализма²⁹. Наиболее ощутимы результаты в исследовании творчества крупнейших чешских писателей и сложных литературных явлений в литературе Чехословакии. Появилось значительное число научных статей, литературно-критических очерков и монографий о творчестве И. Волькера, С. К. Неймана, Я. Гашека, М. Майеровой, И. Ольбрахта, М. Пуymanовой, К. Чапека, В. Незвала и Ю. Фучика³⁰. По словацкой литературе — работы о П. Илемницком³¹. В области польской литературы внимание наших литературоведов было привлечено к идейно-эстетическим достижениям таких крупных писателей, как В. Броневский, В. Василевская, Л. Крочковский, Ю. Тувим, М. Домбровская³². Обобщенная характе-

²⁷ Сборники: «Из истории критического реализма в литературе народов Югославии» (1958), «Развитие реализма в славянских литературах» (Л., 1962), а также статьи Ю. Д. Беляевой о С. Марковиче, Й. Скерлице.

²⁸ О модернизме и демократической поэзии конца XIX — начала XX в. и о реалистической прозе того времени см.: «Литература славянских народов» (1962, 1963) и в сб. «Критический реализм в литературах западных и южных славян» (1965).

²⁹ См. коллективные труды: «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (1963), «Развитие зарубежных славянских литератур в XX в.» (1964), «Пути реализма в литературах стран народной демократии» (1965).

³⁰ Итоги исследований содержатся в статьях С. В. Никольского, А. Р. Волкова, Р. Р. Кузнецовой, П. А. Кляйнер, И. М. Порочкиной, Л. Н. Будаговой, О. М. Малевича, а также в отдельных изданиях — А. М. Маляренко «И. Волькер — пламенный певец пролетариата» (Харьков, 1960); С. А. Шерлаимова «И. Волькер и чешская революционная поэзия» (1965); ее же: «С. К. Нейман» (1959); Н. П. Еланский «Я. Гашек в революционной России (1915—1920)» (1960); С. Антонов «Я. Гашек в Башкирии» (Уфа, 1960); Б. Савицеев «Я. Гашек в Восточной Сибири» (Иркутск, 1961); С. Востокова «Я. Гашек» (1964); В. И. Шевчук «Я. Гашек» (Киев, 1965); его же: «К. Чапек. «Антифашистские произведения»» (Киев, 1958); И. А. Берштейн «Творческий путь М. Пуymanовой» (1961); Т. В. Вановская «Юлиус Фучик» (Л., 1960) и др.

³¹ Критико-биографический очерк В. Д. Савицкого «П. Илемницкий» (1964), статьи Ю. В. Богданова в трудах Института славяноведения АН СССР.

³² М. С. Живов — «Ю. Тувим. Жизнь и творчество» (1963); Ю. Л. Булаховская — «Ю. Тувим» (Киев, 1960); Л. Венгерова — «В. Василевская» (1955); В. А. Хорев — «В. Броневский» (1965), статьи о М. Домбровской Я. В. Станюкович.

ристика развития революционной литературы содержится в книге В. П. Вединой «Польская пролетарская проза. 1918—1945» (Киев, 1965). Болгаристы занимались творчеством Л. Стоянова, Х. Смирненского, Н. Вапцарова, Г. Караславова, С. Загорчинова, а также литературно-критической деятельностью Г. Бакалова и Т. Павлова³³, югослависты изучали художественное наследие Б. Нушича, О. Жупанчича, И. Цанкара, М. Крлежи и И. Андрича³⁴.

В изучении современного (после второй мировой войны) этапа развития литератур западных и южных славян успехи нашего литературоведения более скромны. В первые послевоенные годы были написаны лишь обзорные статьи о литературной жизни в славянских странах, дана общая характеристика наиболее крупных писателей. Существенным недостатком ряда работ на раннем этапе был односторонний идейно-тематический анализ художественных произведений и упрощенное толкование проблем социалистического реализма (сборник статей «Современная польская литература». М., 1953).

Целостное представление о процессах и в особенности о методе социалистического реализма стремились дать авторы глав, вошедших в очерки истории болгарской и чешской литератур. Творчеству наиболее значительных современных писателей Болгарии и выявлению основных закономерностей в развитии болгарской литературы посвящена книга Д. Ф. Маркова, вышедшая на болгарском языке, «О социалистическом реализме. История и современность» (София, 1964). Некоторым проблемам развития послевоенной драматургии посвящен отдельный очерк С. М. Савова «Героико-революционная драма в Болгарии» (1964), а также статьи Н. Н. Пономаревой в изданиях Института славяноведения.

Успехи чешских и словацких прозаиков получили освещение в книге И. А. Бернштейн, Э. М. Олоновой «Современный чешский и словацкий роман» (1962). О поисках новых путей в современной литературе, о спорах и дискуссиях по острым проблемам художественного творчества рассказывает И. А. Бернштейн в книге «Литература социалистической Чехословакии» (1965). Проблемы развития разных жанров в современных славянских литературах получили освещение в коллективных трудах «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе» (1966) и «Художественный опыт литератур социалистических стран» (1967).

Появившиеся в последнее десятилетие работы о современном состоянии славянских литератур — это начало широкого обобщения историко-литературного процесса.

При нерешенности еще многих сложных вопросов все же следует сказать, что имеющиеся достижения — существенный фактор развития советского славяноведения. Теперь уже нельзя изучать зарубежные литературы, мировой литературный процесс без учета тех ощутимых научных результатов, которые достигнуты советскими учеными. Подводя итоги, следует также сказать, что работы наших славистов познакомили широкие круги нашей общественности с духовной жизнью народов, вступивших на путь социализма, и содействовали укреплению идей интернационализма и дружбы.

³³ Библиография работ о Л. Стоянове содержится в книге «Людмил Стоянов». Библиографический указатель. Составитель Л. П. Лихачева. М., 1964, Творчеством Х. Смирненского занимались Г. Д. Гачев, Е. А. Goverдовская, Д. Ф. Марков, Н. Н. Пономарева; творчеству Г. Караславова посвящены статьи В. Д. Андреева, В. И. Антоенко, Н. И. Кравцова; историческим романом Загорчинова занимался О. И. Минин; о Г. Бакалове и Т. Павлове писали В. Д. Андреев, Л. С. Ерихонов, В. И. Злыднев, Д. Ф. Марков, Ф. И. Калопин.

³⁴ А. И. Хватов — «Б. Нушич. 1864—1938» (Л. — М., 1964); статьи о Жупанчиче — М. И. Рыжовой; Крлеже и Андриче — Н. Б. Яковлевой; Цанкаре — Е. П. Рябовой.

И. И. СВИРИДА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Значительный вклад славянских народов в мировую культуру и необычайно возросшая роль зарубежных славянских стран в современном историческом процессе являются теми объективными предпосылками, которые делают изучение истории славянской культуры одной из важных проблем современной науки.

Исследования в области славянской художественной культуры были начаты советскими учеными в 20 — 30-е годы. Однако они не имели в то время систематического характера. Отсутствие достаточно прочной научно-организационной основы, сложные политические отношения между славянскими странами были теми объективными причинами, которые тормозили развитие наших знаний в области славянской художественной культуры. Тем не менее в этот период был опубликован ряд ценных работ по истории отдельных видов славянского искусства, что было важно для развития дальнейших исследований в этой области.

В годы второй мировой войны совместная борьба славянских народов против фашизма сделала чрезвычайно актуальными вопросы славянской взаимности, повысила интерес к истории и культуре славянских народов. Именно во время войны и в первые послевоенные годы появился ряд работ крупнейших советских ученых Н. С. Державина, В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова, хотя и не посвященных непосредственно вопросам художественной культуры, однако вскрывающих ее генетические корни, характеризующих те исторические условия, в которых шло ее формирование.

Установление народно-демократического строя в славянских странах и образование мировой системы социализма коренным образом изменили отношения между славянскими странами. В частности, были установлены тесные научные и культурные контакты, открывшие нашим исследователям новые возможности для изучения памятников и явлений художественной культуры в славянских странах, что значительно расширило источниковедческую базу их работ. Все это создало условия для интенсивного изучения истории художественной культуры зарубежных славянских стран.

Благоприятные перспективы в этой области открылись перед исследователями после XX и XXII съездов октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г.

Важным научно-организационным фактором было создание в 1947 г. Института славяноведения АН СССР. С первых лет существования институт уделял внимание этой области знаний, группируя вокруг себя специалистов по истории культуры, предоставляя место для работ о

художественной культуре славянских стран на страницах своих изданий. Именно в обобщающих трудах Института славяноведения по истории Болгарии, Чехословакии, Польши, Югославии¹ впервые даны сводные очерки развития науки, литературы и художественного творчества славянских народов. Очерк по болгарской культуре написан К. Н. Державиным, В. И. Злыдневым, И. М. Шентуновым, чешской и словацкой культуре — С. В. Никольским, О. С. Острой, А. П. Соловьевой, польской культуре — И. Ф. Бэлзой, Б. И. Росточким, Л. В. Разумовской, Л. И. Тананаевой, югославской — Н. И. Кравцовым, Л. П. Солнцева, П. М. Ямпольским, Л. С. Алещиной, М. Б. Богдановым.

В послевоенные годы вопросам славянской художественной культуры начали уделять серьезное внимание и другие научные центры: сектор искусства европейских социалистических стран Института истории искусств Министерства культуры СССР², сектор истории зарубежного искусства Института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР. История славянского театра изучается в Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского, вопросы киноискусства — во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Ряд работ по славянской музыке подготовлен преподавателями и профессорами Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

Выросли научные кадры, непосредственно специализирующиеся в области славянской художественной культуры. В 50—60-е годы были защищены докторские и кандидатские диссертации, посвященные различным видам славянского искусства³.

* * *

Широко известен тот интерес, который проявляли передовые деятели русской культуры к искусству славянских народов. Достаточно вспомнить оценку произведений Матейко, данную В. В. Стасовым, или высказывания А. Н. Серова о славянской музыке. Взгляды представителей русской демократической художественной критики учитывались советскими учеными, занимавшимися художественной культурой зарубежных славянских народов.

Вместе с тем советские ученые, приступая к изучению культурного наследия славянских стран, должны были преодолеть традицию, сложившуюся в буржуазной историографии, которая в большинстве случаев толковала славянское искусство как «провинциальный вариант» западноевропейских художественных школ, а наиболее крупных представителей

¹ «История Болгарии», т. I—II. М., 1954—1955; «История Польши», т. I—III. М., 1954—1958; «Очерки Народной Польши». М., 1965; «История Чехословакии», т. I—III. М., 1956—1960; «История Югославии», т. I—II. М., 1963.

² До 1961 г. институт входил в систему Академии наук СССР.

³ Докторские диссертации: И. Б э л з а. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.—Л., 1951; О. А. Ш в и д к о в с к и й. Градостроительная культура социалистической Чехословакии. М., 1963. Кандидатские диссертации: Л. П. С о л н ц е в а. Индржих Мошна и его роль в утверждении демократических традиций в чешском театре. 1954; Л. А. Ж а д о в а. Развитие реализма в чешской живописи 50—60-х годов XIX века. 1954; Е. П. Л ь в о в а. Становление национальной реалистической живописи в Болгарии эпохи подъема национально-освободительного движения 40—70-х годов XIX века. 1955; С. В. К о м а р о в. Становление художественной кинематографии в Чехословацкой народно-демократической республике. 1956; Л. Н. Т и т о в а, И. К. Тыл и демократические традиции чешской культуры. 1963; И. И. Р у б а н о в а. Польское кино 1946—1965. Фильмы о войне. 1966; И. И. С в и р и д а. Изобразительное искусство Народной Польши. 1944—1955 гг. 1966.

славянского художественного творчества считала счастливыми исключениями, обязанными своими достижениями западноевропейским влияниям.

Не случайно у истоков советского шопеноведения стоит работа В. Пасхалова «Шопен и польская народная музыка»⁴, которая впервые показала органическую связь Шопена с польским музыкальным фольклором.

Работы советских ученых вскрывали общность славянских культур и их роль в общем процессе культурного развития. Особое значение для этого имела правильная оценка классического наследия.

Наиболее изученной в нашей научной литературе областью славянской художественной культуры является, очевидно, музыка. Лишь по истории польской музыки список основных работ превышает 300 названий⁵.

Особенно значителен вклад советских ученых в исследование истории чешской и польской музыки.

Анализ становления и расцвета чешской классической музыки дан в работе И. Бэлзы «Очерки развития чешской музыкальной классики» (М.—Л., 1951). Автор, основываясь на советских и чешских архивных источниках, рассмотрел творчество выдающихся чешских композиторов на широком культурно-историческом фоне.

На протяжении 50—60-х годов в советской литературе появились монографии и сборники, посвященные композиторам Бедржиху Сметане⁶, Антонию Дворжаку⁷, Витезславу Новаку⁸, Вацлаву Добиашу⁹, Йозефу Славика, Ганушу Вигану¹⁰. И. Бэлзой начат обобщающий труд «История чешской музыкальной культуры». Первый том исследования, вышедший в 1959 г., охватывает период от зарождения чешской музыки до начала будительского движения. В основу книги положен тезис о самобытности искусства, творимого славянским народом.

Эта же идея пронизывает работу И. Бэлзы «История польской музыкальной культуры» (М., т. I, 1954; т. II, 1957. Польский перевод: Варшава—Краков, 1964). Это — обобщающий труд по истории польской музыки, основанный на исследовании богатых архивных и нотных материалов, которые еще не были введены в научный обиход. И как бы продолжением двухтомника, охватывающего период с древнейших времен до начала XIX в., явилась монография И. Бэлзы «Фридерик Францишек Шопен» (М., 1960). Отметим попутно, что много работ о творчестве Шопена появилось в оба шопеновских года: 1949 год — столетие со дня смерти и 1960 год — стопятидесятилетие со дня рождения композитора. Так в 1949 г. увидели свет две монографии о Шопене — Ю. Кремлева¹¹ и А. Соловцова¹², вышедшие в 1960 г. во втором переработанном издании; здесь же следует назвать сборник «Фридерик Шопен. Статьи и исследования», вышедший под редакцией Г. Эдельмана (М., 1960).

⁴ В. В. П а с х а л о в. Шопен и польская народная музыка. 1-е изд., 1946; 2-е — 1941; 3-е — 1949; Польское издание, 1951; чешское издание, 1955.

⁵ См. Б. Я. Я г о л и м. Советская литература о польской музыке. В сб.: «Русско-польские музыкальные связи». М., 1963. Библиография составлена в 1962 г. В настоящее время число работ значительно возросло.

⁶ И. М а р т ы н о в. Бедржих Сметана. М., 1963; В. Г а м р а т - К у р е к. «Моя Родина» Б. Сметаны. М., 1962.

⁷ И. Б э л з а. Антонин Дворжак. М.—Л., 1949; «Дворжак в письмах и воспоминаниях». Сборник под ред. И. Бэлзы. М., 1964; М. С м и р н о в. Фортепианное творчество Дворжака. М., 1960. (Работа Смирнова явилась первым в советском и чешском музыковедении исследованием, посвященным фортепианным сочинениям Дворжака.)

⁸ И. Б э л з а. Витезслав Новак. М., 1957.

⁹ В. Н. Е г о р о в а. Вацлав Добиаш. М., 1966.

¹⁰ Л. С. Г и н з б у р г. Йозеф Славик. М., 1957; е г о ж е. Гануш Виган и чешский квартет. М., 1955.

¹¹ Ю. К р е м л е в. Фридерик Шопен. Жизнь и творчество. М.—Л., 1949.

¹² А. С о л о в ц о в. Шопен. Очерк жизни и творчества. М., 1949.

Советские музыковеды ведут большую работу над источниками для изучения славянской музыки. Это — обращение к малоизвестным и публикации неизвестных произведений старых композиторов¹³, издания эпистолярного наследия¹⁴, критических статей наиболее крупных деятелей славянской музыкальной культуры.

Характерно, что истории польской музыки начали уделять все большее внимание и авторы, пишущие о музыкально-историческом процессе Европы в целом. В ряде работ¹⁵ сделан важный шаг к правильному решению вопроса о том, какую роль сыграла польская музыка в общеевропейском культурном развитии.

Внимание исследователей привлекает не только чешская и польская музыка. Развитию югославской музыки посвящена обзорная работа И. М. Ямпольского «Музыка в Югославии»¹⁶. Это первый на русском языке очерк истории югославской музыки, охватывающий период от зарождения профессиональной музыкальной культуры Хорватии, Словении и Сербии до наших дней. Кратко характеризует автор и народное музыкальное творчество. И. М. Ямпольский, как и большинство советских авторов, пишущих о славянской музыке, остановился и на вопросе югославо-русских музыкальных связей, очень важном для понимания общности славянских культур.

Одновременно с указанной работой вышла книга И. И. Мартынова об основоположнике сербской музыки Стеване Мокраянце¹⁷, в которой речь идет о народной сербской музыке и о том, как С. Мокраянец создавал свои знаменитые руковеты — хоровые рапсодии на темы народных песен.

Что касается изучения болгарской музыки, то здесь наша славистика опирается прежде всего на труды болгарских ученых. Некоторые из этих исследований переведены на русский язык.

Вопросы культурных связей славянских народов получили освещение в целом ряде работ советских исследователей, а также в коллективных трудах, созданных в сотрудничестве с зарубежными учеными¹⁸. Наряду с изучением истории непосредственных контактов между представителями культуры славянских народов в научной литературе получают освещение и проблемы типологической общности славянских культур.

Важное значение в развитии межславянских связей имела Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее влияние на искусство социалистических, в том числе славянских стран, на конкретном материале различных видов художественной культуры рассматривается в статьях сборника, подготовленного сотрудниками сектора искусства европейских социалистических стран Института истории искусств Министерства культуры СССР.

¹³ В СССР, например, впервые опубликованы И. Балзой 24 мазурки М. Шимановской, произведения Ф. Островского, Ю. Зарембского. См. его кн. «Мария Шимановская», М., 1956; очерк «Забитые польские музыканты», М., 1963, в котором речь идет, в частности, и об Огиньском. Последнему посвящена монография И. Балзы «Михал Клефас Огиньский» М., 1965.

¹⁴ Ф. Шопен. Письма. М., 1929; Ф. Шопен. Письма. М., 1964; Кароль Шимановский. Избранные статьи и письма. Л., 1963.

¹⁵ Р. И. Грубер. История музыкальной культуры, т. II, ч. I—II. М., 1953—1958; Р. И. Грубер. Всеобщая история музыки. Изд. 1-е, М., 1956; Изд. 2-е, М., 1960; «История зарубежной музыки». Вып. I—V. Авторы К. Розеншильд, Б. Левик, В. Конен, М. Друскин. М., 1963. Об освещении вопросов славянской музыки в общих работах советских музыковедов см. также рецензию: Л. А. Софронова. «Советское славяноведение», 1966, № 2.

¹⁶ И. М. Ямпольский. Музыка в Югославии. М., 1958.

¹⁷ И. И. Мартынов. Стеван Мокраянец и сербская музыка. М., 1958.

¹⁸ «Русско-польские музыкальные связи». М., 1963; «Из истории русско-чешских музыкальных связей». Вып. I—II. М., 1954—1956; И. Балза. Русские классики и музыкальная культура западного славянства. М.—Л., 1950.

Наряду с музыковедением прочную традицию в советской науке имеет изучение истории славянского театра. Одним из первых исследователей, обратившихся к этой области, был П. Богатырев. В 1923 г. вышла его работа «Чешский кукольный и русский народный театр», в которой речь шла о традициях чешского кукольного театра, течениях, существовавших в нем, а также был дан сравнительный анализ стилистических приемов чешского и русского кукольного театра. В другой книге П. Богатырева «Чешский и словацкий народный театр» рассматривается история развития народного театра как составная часть духовной жизни чешского и словацкого народов, показано большое значение народного творчества для формирования национальной культуры.

Широким историко-культурным подходом к вопросам развития театра отличается книга К. Державина «Болгарский театр»¹⁹, которая охватывает период от истоков болгарского театра до второй мировой войны.

Серьезный вклад в изучение истории славянского театра внес С. С. Игнатов, которым помимо целого ряда статей²⁰ написаны многие разделы о театре славянских стран в многотомной «Истории западноевропейского театра»²¹.

Впервые в истории нашего театроведения в это издание, вышедшее под редакцией С. С. Мокульского, были включены очерки, освещающие историю театра славянских народов. Этот многотомник, издаваемый как учебное пособие, играет очень значительную роль в ознакомлении с традициями театра славянских стран, в утверждении объективно научного отношения к этим традициям, правильного понимания их места в общеевропейском процессе развития театрального искусства. В четырехтомник включен раздел о зарождении славянского театра на Балканах, где рассматривается развитие театра и драматургии Дубровника, творчество наиболее яркого представителя Возрождения М. Држича (1508—1567). В этом разделе, как и в других, С. С. Игнатов подчеркивает связь театральной культуры с жизнью общества, рассматривая развитие театра на широком историко-культурном фоне. Специальный раздел «Истории западноевропейского театра» посвящен истории становления и развития чешского, словацкого, польского театров. Вышедшие до сих пор четыре тома охватывают период до середины XIX в.

История развития польского театра XIX—XX вв. явилась предметом исследования в ряде статей Б. И. Ростоцкого, под редакцией которого на русском языке изданы драматические произведения Габриэли Запольской, Станислава Высяньского, пьесы современных польских писателей, воспоминания одного из крупнейших польских артистов Людвика Сольского.

В серии «Библиотека драматурга» вышли многие произведения славянских авторов, снабженные обстоятельными предисловиями и научными комментариями. Эта серия продолжила публикации, начатые двухтомником «Классическая драматургия стран народной демократии» (М., 1955—1956), который содержал также статьи о театрах этих стран, в том числе славянских.

¹⁹ К. Державин. Болгарский театр. М., 1950. Хронологически продолжает работу К. Державина С. М. Савов в очерке «Героико-революционная драма Болгарии 1944—1960», М., 1964.

²⁰ С. С. Игнатов. Вклад славян в театральную культуру Европы.— «Театр», 1947, № 6; е го же. Принципы построения истории театра западных и южных славян. В кн.: Ежегодник Института истории искусств, т. II. М., 1948.

²¹ «История западноевропейского театра», т. I—IV. М., 1956—1964. В написании разделов о чешском и словацком театре принимала участие Л. Солнцева, являющаяся также автором книги «Чехословацкий театр сегодня» (М., 1967).

Работы по истории кино славянских стран появились в нашей литературе лишь в послевоенные годы. До установления в славянских странах народно-демократического строя киноискусство этих стран почти не было известно в Европе, даже наиболее интересные фильмы не выходили на экраны других стран. Ни Польша, ни Чехословакия, ни Болгария не могли конкурировать в этом отношении с более развитыми капиталистическими странами. Фильмы зарубежных славянских режиссеров в межвоенное двадцатилетие были мало известны и в СССР. Поэтому естественно, что и в научной литературе не было работ, посвященных киноискусству славянских стран.

С образованием мировой социалистической системы ситуация изменилась. Польские, чешские, болгарские, югославские фильмы стали широко доступны советскому зрителю. Бурное развитие славянских кинематографий вызвало потребность в работах, исследующих или популяризирующих историю развития национальной кинематографии в славянских странах, а также ее современное состояние.

В 1952 г. появился сборник статей «Киноискусство стран народной демократии»²². Он был довольно скромен по своим задачам, знакомил советского читателя в общих чертах с теми большими сдвигами, которые произошли в области киноискусства в послевоенный период. Опубликован ряд популярных очерков и брошюр о киноискусстве отдельных славянских стран²³.

В 60-е годы появляются работы исследовательского характера. Это «Очерк развития чехословацкой художественной кинематографии» С. В. Комарова (М., 1960) и «Польское кино 1945—1965» И. И. Рубановой (М., 1966). Ограничив себя военной тематикой, занимающей исключительное место в польском кино, И. И. Рубанова смогла глубоко и серьезно осветить целый ряд проблем, важных для развития современной польской кинематографии.

Исследования в области киноискусства отдельных славянских стран и принципиально новый подход к освещению их культуры в целом позволили отнести этим странам надлежащее место во всеобщей истории кино. Так, С. В. Комаров в своей работе «История зарубежного кино» (М., 1965, т. I. Немое кино), наряду с такими признанными национальными кинематографическими школами, как, например, французская, уделяет внимание становлению национальных школ в Чехословакии, Польше, Болгарии.

Советскими исследователями опубликован ряд очерков и статей, посвященных творчеству наиболее крупных актеров, режиссеров²⁴. Пополняет наши знания о киноискусстве зарубежных славянских стран и публикация в СССР сценариев фильмов, выпущенных в этих странах²⁵.

Изобразительное искусство, как и кинематография, принадлежит к тем видам искусства, произведения которых нужно видеть, прежде чем о них писать. Именно отсутствием такой возможности в значительной мере объясняется тот факт, что работы по изобразительному искусству начали появляться в нашей славистической литературе лишь в послевоенные годы.

Первые систематические очерки на русском языке по изобразительному искусству (исключение составляет Болгария, которой посвящены работы

²² «Киноискусство стран народной демократии». Госкиноиздат, 1952, стр. 7.

²³ С. К о м а р о в. Чехословацкое кино. Популярные очерки. М., 1961; Л. П о г о ж е в а. Художественные фильмы Болгарии. М., 1963.

²⁴ См., например, П. В. М о с к о в с к и й. Кинорежиссер Отакар Вавра. М., 1964; Р. С о б о л е в. Ежи Кавалерович. М., 1965.

²⁵ «Сценарии польского кино». М., 1956; «Сценарии чехословацкого кино». М., 1957.

И. И. Цырлина и М. П. Цапенко 1953 г.) были опубликованы в разделах по культуре в уже названных обобщающих трудах Института славяноведения. Они дали советскому читателю представление об этапах развития изобразительного искусства, его отдельных видов в период от зарождения художественного творчества до наших дней. Вслед за этими очерками появились разделы об искусстве славянских стран во «Всеобщей истории искусств» — шеститомном труде Института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР. Хотя на содержании некоторых разделов об искусстве славянских стран отрицательно сказалось недостаточно глубокое знание авторами истории культуры данной страны, что привело к неточности ряда характеристик, а порой и фактическим ошибкам, в целом важно отметить безусловно позитивное значение этого издания в утверждении правильного понимания роли славянских художников в истории мировой культуры.

Во второй половине 50—60-х годов появился ряд очерков популярного характера о некоторых наиболее крупных славянских мастерах — представителях реализма XIX века, сыгравших значительную роль в формировании национальных художественных школ: о творческой деятельности чешских художников Я. Чермака, Й. Манеса, А. Славичка²⁶, болгарских художников И. Мырkvички и Павловича²⁷, польских художников А. Герымского, А. Котсиса, Я. Матейко²⁸.

Вместе с тем внимание советских авторов привлекают и современные художники. Это прежде всего мастера, являющиеся как бы связующим звеном между традициями реализма XIX века и современностью. В 1957 г. был опубликован очерк о старейшем чешском мастере М. Швабинском, в 1966 г. о Ксаверии Дуниковском — одном из крупнейших скульпторов XX в., хорошо известном в СССР благодаря ряду персональных выставок (1949, 1958, 1966 гг.).

Говоря о проблематике советских работ по изобразительному искусству славянских стран, нужно отметить, что большое внимание авторы уделяют исследованию проблем реализма в творчестве отдельных мастеров и целых художественных школ.

Однако проблемы реализма в нашей искусствоведческой литературе не всегда получали достаточно глубокое и объективно научное толкование. Особенно это относится к истории искусства XX века, в котором целые художественные школы и направления в результате очень упрощенного понимания сути реализма порой незаслуженно объявлялись упадочными и реакционными.

Характерной чертой ряда работ 50-х годов была отрицательная оценка периода межвоенного 20-летия в развитии искусства славянских стран. Она прямолинейно выводилась из общественно-политического положения, которое все больше приобретало фашистский характер в этих странах. «1923, 1935, 1941 годы — этапы на пути ко все большей фашизации Болгарии, — пишет И. Цырлин, — прямым результатом этого была деградация болгарской культуры и искусства»²⁹. Аналогична оценка, даваемая Бродским искусству Польши этого времени в «Истории искусства зарубежных стран», подготовленной ленинградским Институтом живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина³⁰.

²⁶ И. И. Сапег о. Чермак. М., 1957; А. С. Гривнина. Манес. Л. — М., 1960; А. С. Гривнина. Славичек. М. — Л., 1962.

²⁷ Е. П. Львова. Иван Мырkvичка. М., 1955; И. Цырлин. Павлович. М., 1958.

²⁸ Л. И. Тананаева. Герымский. М., 1962; Г. С. Островский. Котсис. М., 1964; «Ян Матейко». Альбом репродукций. Вступ. ст. А. Тихомирова. М., 1959.

²⁹ И. Цырлин. Изобразительное искусство Болгарии. М., 1953, стр. 94.

³⁰ «История искусства зарубежных стран», т. I—III. Л., 1963.

Преодоление узости критериев, как и более глубокое и всестороннее изучение конкретного материала искусства, идейно-эстетических воззрений отдельных мастеров и истории культуры славянских стран в целом, помогает лучше понять смысл и национальные особенности путей развития изобразительного искусства в славянских странах. Как пример здесь можно указать работу Л. И. Тананаевой о Тадеуше Кулисевице³¹, в которой автор тонко анализирует творческий путь этого интересного и сложного мастера.

Книга Л. С. Алешиной и Н. В. Яворской «Искусство Югославии» (М., 1966) является первым в нашей литературе очерком, посвященным истории изобразительного искусства народов, которые образовали в 1918 г. Югославское государство. Богато иллюстрированная, эта книга рассказывает в основном об искусстве Сербии, Хорватии, Словении с привлечением материалов об искусстве других югославских народов. Рассматривая готические, ренессансные памятники югославского искусства, авторы сравнивают их с произведениями западноевропейских мастеров тех же эпох, чтобы подчеркнуть национальные особенности югославского зодчества, скульптуры.

К сожалению, авторы в своей работе доводят изложение истории югославского искусства лишь до 1945 г.

Многие работы об искусстве славянских стран имеют информационный характер, они ставят целью популяризацию творчества отдельных мастеров или искусства какой-либо страны. Более глубокие исследовательские задачи часто решаются в скромных по размеру статьях. Так, чрезвычайно интересный аспект русско-южнославянских связей анализирует в своей статье «Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века» один из крупнейших знатоков древнерусского и византийского искусства В. Н. Лазарев³².

Рассмотренные нами работы, посвященные отдельным видам художественной культуры славянских стран, являются в своей основе искусствоведческими. Они написаны историками театра, изобразительного искусства, музыковедами, киноведами. Для ряда из них характерен широкий показ общеисторического и культурного фона страны, эпохи — в соответствии с выбранной темой. Тем самым эти исследования приобретают историко-культурный характер, раскрывая особенности развития одного из искусств в тесной связи с историческими условиями, как часть процессов, совершающихся в области художественной культуры в целом.

Однако мы пока не можем назвать советских работ, характеризующих все виды художественного творчества данной страны как единый историко-культурный комплекс. Очевидно, создание таких обобщающих работ — задача будущего. Здесь необходимо учитывать, что с дифференциацией науки расширяются наши знания об отдельных мастерах, направлениях, художественных школах, знания, которые непрерывно обогащаются в результате работы искусствоведов и представителей смежных наук — археологов, этнографов, историков и т. д. Однако история культуры не может быть энциклопедическим сводом знаний об отдельных видах художественного творчества. Она должна в результате сравнительного анализа идейно-художественных особенностей отдельных видов искусств показать те общие закономерности, которые определяют развитие различных видов культуры, неповторимые особенности отдельных этапов ее развития, место творческой индивидуальности в историко-культурном процессе. Именно тогда можно показать духовные сдвиги, происходящие в развитии общества.

³¹ Л. И. Тананаева. Тадеуш Кулисевиц. М., 1966.

³² См. «Ежегодник Института истории искусств Академии наук СССР, 1957». М., 1958

Примечательным явлением последних лет в изучении славянской художественной культуры становится создание коллективных работ, рассматривающих какую-либо важную проблему на примере различных видов искусства. Такой характер имеет сборник «Из истории освободительной борьбы и культуры славянских народов» (М., 1965), раскрывающий на материале различных видов художественной культуры роль национально-освободительных идей в ее формировании и одновременно показывающий роль художественной культуры в утверждении национального самосознания славянских народов.

Для уяснения места славянских стран в истории мировой культуры чрезвычайно важно исследовать развитие искусства славянских стран в связи с общеевропейскими процессами. Интересный шаг в этом направлении сделан авторами статей, опубликованных в сборнике «Данте и славяне» (М., 1965), в работе над которым приняли участие ученые не только СССР, но и зарубежных славянских стран.

Современная наука выдвигает перед учеными множество новых проблем: раньше предметом исследования было лишь само художественное творчество, сейчас большое значение приобретает вопрос о механизме усвоения обществом культурных ценностей, ибо не только творчество само в себе, но и восприятие его эстетически-познавательных ценностей является одним из условий духовного и социального прогресса человечества.

В настоящее время вопросы искусства привлекают все большее внимание историков, социологов, философов. Это способствует тому, что искусствоведение все более становится неотъемлемой частью истории культуры, и это, в частности, доказывают основные работы в области истории славянской художественной культуры.

Подводя итоги пятидесятилетнего развития советской науки о художественной культуре славянских стран, мы можем констатировать значительно возросший интерес наших ученых к этой области знаний. В исследованиях советских ученых разрабатываются научные проблемы, касающиеся истории славянской художественной культуры.

В работах общего характера дается изложение (хотя порой и очень сжатое) истории искусства славянских народов. В многотомниках по истории Польши, Югославии, Чехословакии, Болгарии, изданных Институтом славяноведения АН СССР, весь этот материал собран вместе, во всеобщей истории театра, музыки, изобразительного искусства, архитектуры, кино он дан соответственно этой классификации. Значительное внимание славянской художественной культуре уделяется в советских энциклопедических изданиях³³.

Созданы серьезные научные исследования, посвященные отдельным видам искусства (хотя далеко не всем и не всех стран). В этих книгах и статьях намечена важная проблематика, касающаяся как внутренних вопросов развития отдельных видов искусства, так и более общих аспектов его развития.

Вскрывая национальные особенности, а тем самым неповторимое своеобразие славянских культур, а также их органическую общность, исследования советских ученых утверждают также объективное понимание исторической роли славянских народов в мировой цивилизации.

Работы советских ученых, посвященные современной художественной культуре славянских стран, освещают особенности социалистической эпохи в развитии культуры. Показывая лучшие достижения современных мас-

³³ Особенно показательна в этом отношении «Театральная энциклопедия».

героическое искусство на международной арене.

Начав с небольших работ, посвященных отдельным частным вопросам культуры, советское славяноведение за пятьдесят лет прошло большой путь, приведший к постановке и разработке серьезных научных проблем развития славянской культуры. И хотя далеко не все они решены, однако труды, созданные нашими учеными за годы Советской власти, позволяют говорить о качественно новом этапе в развитии наших знаний в области художественной культуры славянских народов.

С. Б. БЕРНШТЕЙН

СОВЕТСКОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ 50 ЛЕТ

Славянская филология в дореволюционной России не только была тесно связана со смежными и близкими ей научными дисциплинами (языкознанием, литературоведением, фольклористикой, историей, археологией, этнографией), но всегда очень чутко и непосредственно отражала идейную борьбу различных общественных течений и партий. Менялась основная проблематика, эпохи подъема сменялись периодами застоя и кризиса — и все это определялось не только эволюцией методов и задач данной научной дисциплины, но и историей идеологической борьбы в русском обществе, многими фактами внутренней и внешней политики государства.

Случилось так, что славянская филология в России в конце XVIII и в первые десятилетия XIX вв. развивалась за пределами университетов. Попытки руководителей Московского университета (организация специальной кафедры в 1811 г., привлечение к преподаванию славистических дисциплин Ю. И. Венелина) оказались неудачными. В Москве и Петербурге все тогдашние слависты группировались вокруг государственного деятеля и дипломата графа Н. П. Румянцева, который приобретал древние памятники славянской письменности, организовывал экспедиции за ними по отдаленным монастырям и скитам, давал большие средства на издание наиболее ценных и значительных памятников. Из «кружка Румянцева» в Москве вышли крупные слависты, палеографы и издатели древних текстов К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. В Петербурге аналогичной работой по собиранию и изданию памятников славянской письменности руководил выдающийся славист акад. А. Х. Востоков. В обнаружении неизвестных древних памятников письменности, в их издании слависты того времени видели главную задачу науки. Эта деятельность встретила одобрение и поддержку со стороны образованных людей; их привлекала в ней прежде всего патриотическая сторона: памятники свидетельствовали о высоком уровне древней славянской культуры, литературы и искусства. Во многих литературных журналах широко обсуждались специальные вопросы славянской филологии, палеографии, языка¹.

Серьезного интереса к зарубежным славянским народам, их культуре и языкам в этот период обнаружить еще нельзя. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. не оставило заметного следа в истории славянской филологии. Иной результат дала поездка в славянские страны акад. П. И. Кеппена², но она была осуществ-

¹ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 708.

² С. Г. Потепалов. О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20—30-х годах XIX в.— «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962, стр. 180.

влена уже в конце первой четверти XIX в. (в 1821—1824 гг.). П. И. Кеппен также интересовался главным образом стариной. Современным славянским языкам были посвящены лишь мелкие журнальные статьи³.

Существенно расширяется проблематика славянской филологии во второй четверти XIX в. В это время продолжается прежняя издательская деятельность славистов, они уделяют много внимания филологическому, палеографическому и лингвистическому изучению памятников древней славянской письменности. Достаточно указать на издание А. Х. Востоковым Остромирова евангелия, на его известный словарь церковнославянского языка, на его «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» и др. Однако приходит новое поколение славистов, которое проявляет живой интерес к современным славянским народам, к их быту, культуре, словесности, языкам. И это не было случайным. Наступила эпоха романтизма с его широкой постановкой проблем народности, с интересом к народному устному творчеству, языку, особенностям быта. Поэты нового направления широко используют народные темы и приемы фольклора в своем творчестве, обогащая их и совершенствуя. Под влиянием новых идей молодые слависты начинают изучать устное творчество славянских народов, их языки и литературу.

Университетский устав 1835 г. открыл новую страницу в истории русского славяноведения. В четырех университетах России были открыты кафедры «истории и литературы славянских наречий». С этого времени славяноведение входит в число предметов высшей школы, становится частью академической науки. Первые слависты этого поколения О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский и В. И. Григорович получили серьезную научную подготовку в России, а затем за границей. Они закладывают прочные основы славянской филологии в России. О. М. Бодянскому и И. И. Срезневскому посчастливилось создать первые в России школы славистов. Их ученики в дальнейшем с успехом представляли науку во всех русских университетах. Велики заслуги акад. И. И. Срезневского в организации славяноведческих исследований в Академии наук.

Представители новой академической науки получили широкую поддержку в среде самой передовой общественности России. Слависты отнюдь не ассоциировались со славянофилами. Об этом убедительно свидетельствует отзыв А. И. Герцена о В. И. Григоровиче, относящийся к январю 1843 г. «Вчера явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович, — отраднo уже самое юношески благородное желание изъявить свою симпатию людям — так сказать — людям движенья. Но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения современной науки. Мне дорого было и его внимание, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманизма»⁴.

Славяноведение пользуется в это время большой популярностью среди учащейся молодежи. Среди учеников И. И. Срезневского находим Н. Г. Чернышевского, который с увлечением работает над изучением языка летописей, знакомится со славянскими языками. Как известно, он опубликовал «Опыт словаря к Ипатьевской летописи», который получил благожелательный отзыв И. И. Срезневского, написал рецензию на исследование А. Ф. Гильфердинга «О сродстве языка славянского с санскритским» и др.⁵

³ С. К. Булич. Там же, стр. 742.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. II, М., 1954, стр. 259.

⁵ Подробнее см. В. Т. Дитякин. Первые выступления Н. Г. Чернышевского в печати. — «Доклады и сообщения Филологического факультета», вып. 3. Изд. МГУ, 1947, стр. 56—58.

Положение коренным образом меняется в 60-е годы. Если для А. И. Герцена в 40-х годах славист В. И. Григорович был «благородным представителем гуманизма», то теперь для Д. И. Писарева, проходившего курс на историко-филологическом факультете Петербургского университета, славист И. И. Срезневский — вздорный старик Сварожич, научная деятельность которого не имеет никакого значения⁶. О себе Д. И. Писарев не без гордости писал, что он не был «влюблен в русские древности и в славянское корнесловие»⁷.

Отчуждение славяноведения от передовых слоев русского общества объяснялось разными причинами. В этом сыграли большую роль увлечение естествознанием, которое охватило молодежь, поведение многих профессоров во время студенческих волнений осенью 1861 г. (в это время И. И. Срезневский был ректором Петербургского университета), активное участие многих славистов в формировании реакционной идеологии панславизма (В. И. Ламанский, А. Ф. Гильфердинг и др.). В 60-е годы враждебное отношение к славянской филологии и ее представителям можно обнаружить не только в революционно-демократической среде, но даже в либеральной. Резко сокращается число студентов, проходящих подготовку по славяноведению.

Новый подъем общественного интереса к славяноведению был связан с событиями на Балканах во второй половине 70-х годов, но он продолжался недолго. Официальное академическое славяноведение активно пропагандировало панславизм, к которому отрицательно относились все передовые люди России. В конце XIX в. многие крупнейшие представители русского славяноведения широко были известны своими консервативными и реакционными взглядами (акад. А. И. Соболевский, А. С. Будилевич, Т. Д. Флоринский и др.), своими выступлениями против украинской культуры и украинского языка, антипольской деятельностью. Были среди русских славистов этого периода люди либеральных взглядов, но они менее активно вмешивались в общественную жизнь страны. Панславизм нанес огромный ущерб русскому славяноведению, его общественному признанию и авторитету. С горечью о панславизме писал акад. И. В. Ягич⁸.

Несмотря на изоляцию от передовой России, русское славяноведение во второй половине XIX в. и в начале XX в. в решении многих специальных вопросов достигло больших успехов. Очень высок был уровень филологической критики текста, палеографии, техники издания древних рукописей. Велики были достижения в изучении ряда вопросов кирилло-мефодиевской проблематики, славянских древностей, сравнительной грамматики славянских языков. Наиболее авторитетным славистом России в предреволюционные годы был акад. А. А. Шахматов.

Многие реакционные представители русского славяноведения отрицательно отнеслись к Февральской революции, так как они были убежденными монархистами. Октябрьскую революцию враждебно встретили и представители либерального славяноведения, которые прежде выступали против реакционного панславизма, но теперь вместе со сторонниками последнего объединились против нового строя. Отдельные слависты (например, Т. Д. Флоринский) приняли активное участие в борьбе с Советской властью. Часть ученых разных поколений покинула родину (С. М. Кульбакин, А. Л. Погодин, М. Г. Попруженко, В. А. Погорелов, В. А. Фран-

⁶ Д. И. Писарев. Сочинения, т. 2. М., 1955, стр. 170.

⁷ Там же, стр. 169.

⁸ И. В. Ягич. О сочинении проф. А. А. Кочубинского: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888.— В кн.: «Отчет о присуждении в 1889 году премии Макария, митрополита Московского». СПб., 1890, 116—117.

цев и др.); И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. К. Поржезинский уехали в Польшу, М. Р. Фасмер возглавил кафедру славяноведения в Лейпцигском университете.

Большие потери понесла славянская филология в годы гражданской войны. Голод и болезни унесли в могилу А. А. Шахматова, С. К. Булича, В. Н. Щепкина, Р. Ф. Брандта, Н. М. Петровского и других ученых, жизненный путь которых закончился слишком рано.

Многие молодые слависты после окончания гражданской войны оставили свою специальность и стали работать в других областях филологии и языкознания. Объяснялось это не только непопулярностью славяноведения в те годы. После окончания гражданской войны в стране началось интенсивное национальное строительство. Перед советскими языковедами были поставлены задачи изучения языков Кавказа, Поволжья, Средней Азии, создания новых литературных языков, алфавитов. Специалистов в этих областях языкознания было мало. Многие слависты молодого поколения с энтузиазмом принялись за изучение кавказских, тюркских, финно-угорских языков и приняли в дальнейшем активное участие в языковом строительстве. Достаточно указать на Д. В. Бубриха — лучшего ученика акад. А. А. Шахматова. Его исследования в области славянской акцентологии давали основание надеяться, что в науку пришел выдающийся ученый. Эти надежды оправдались, но только не для славистики. Д. В. Бубрих оставил капитальные труды, посвященные многим языкам финно-угорской группы.

С переходом к мирному строительству новой жизни постепенно создавались условия для развития науки. Академия наук начинает получать материальные средства. В области филологии интенсивно развиваются кавказоведение, семитология, тюркология, монголистика, синология и другие области востоковедения. Объяснялось это, как уже было сказано выше, потребностями жизни. Но блестящий период в истории советского востоковедения в 20-е годы объяснялся прежде всего тем, что в это время в составе Академии наук были выдающиеся ученые. Достаточно назвать имена академиков В. М. Алексеева, В. В. Бартольда, Б. В. Владимирцова, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Самойловича, Б. А. Тураева и др. После смерти акад. А. А. Шахматова славяно-русская филология не имела в составе Академии наук ученого такого масштаба.

Официально славянскую филологию в 20-е годы в Академии наук возглавлял акад. П. А. Лавров. Он был председателем Славянской комиссии, в работе которой принимали участие академики Б. М. Ляпунов, В. М. Истрин, М. Н. Сперанский и др. Однако эта комиссия не имела никакого плана, она не была связана с университетами и не готовила аспирантов. Были слабые попытки организации коллективных трудов. Об одной из них пишет акад. Б. М. Ляпунов: «Но особенно много времени стал уделять П. А. Лавров словарной работе за последние годы, когда он в качестве председателя Славянской комиссии был руководителем и вдохновителем словарных исследований среди ленинградских ученых»⁹ Однако никаких реальных результатов эта деятельность не дала. Во всяком случае не было никаких публикаций.

Крупный специалист в области старославянской письменности, акад. П. А. Лавров уже в советское время завершил несколько серьезных трудов. Он опубликовал «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности», которые содержат тексты «всех славянских

⁹ Б. М. Л я п у н о в. Краткий обзор жизни и научной деятельности П. А. Лаврова. — «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 8, стр. 554.

памятников, относящихся к жизни и деятельности Кирилла и Мефодия»¹⁰. Этим образцовым изданием широко пользуются специалисты и в настоящее время. В издании Украинской Академии наук П. А. Лавров опубликовал монографию «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві» (Киев, 1928), которая не только содержит исследования основных источников, но и воспроизводит их в оригинале и в переводе на украинский язык. В 1926 г. П. А. Лавров в издании парижского Института славяноведения «Revue des études slaves» опубликовал найденные им старославянские Зографские листки. В том же издании была напечатана статья М. Г. Долобко о языке памятника.

В 1928 г. в издании Академии наук выходит капитальный труд акад. Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография» — итог многолетних изучений кирилловского письма всех славянских народов. Это подлинная энциклопедия сведений, связанных с внешним оформлением рукописи, почерками, материалом, переплетом, орнаментом. Автор дает ценные сведения о надстрочных знаках, о знаках препинания, о тайнописи, о писцах рукописей, о первых шагах славянского кирилловского книгопечатания. Специальный раздел монографии посвящен проблеме изводов и редакций. Автор знакомит читателей с техникой описания древних рукописей. Книга богато иллюстрирована.

Собственно славянское языкознание (сравнительную грамматику славянских языков, зарубежные славянские языки) в эти годы в Академии наук представляет акад. Б. М. Ляпунов. Его интересовали вопросы диалектного членения праславянского языка и взаимоотношения отдельных славянских языков («Родственные связи словенцев с сербами и хорватами», 1924), сравнительного словообразования («Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*», 1929 и др.), истории славянской филологии («Добровский и восточнославянские языки», 1929 и др.)¹¹.

До 1927 г. продолжали выходить «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук. С 1896 г. всего вышло 32 тома. В этом издании публиковались труды П. А. Лаврова, Б. М. Ляпунова и других известных славистов. Из наиболее значительных публикаций советского периода следует указать: статьи П. А. Бузука «К вопросу о месте написания Марииинского евангелия» (т. XXIII), «Замечания о Марииинском евангелии» (т. XXIII), монографию Д. В. Бубриха «Севернокашубская система ударения» (т. XXVII), статьи Л. А. Булаховского «Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке» (т. XXXI), Н. Н. Дурново «К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов. Супрасльская рукопись» (т. XXX), Б. М. Ляпунова «Вацлав Вондрак и его научная деятельность» (т. XXXII), Ю. В. Петровской «К вопросу о мене глухих в старославянских памятниках. Мена глухих в Синайской псалтыри» (т. XXI), А. И. Соболевского «Заметки по славянским древностям» (т. XXXI) и др. После закрытия этого издания начала выходить новая серия «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», а после нее серия «Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук (позднее: Отделение общественных наук)». В этой последней серии по славянской филологии публикаций было мало. Могу указать, например, на полемическую статью Н. С. Державина «Наука на службе империализма» по поводу работ проф. С. М. Кульбакина о языковой принадлежности македонцев (1932, № 2).

¹⁰ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности.— «Труды славянской комиссии», т. I. Л., 1930, стр. III.

¹¹ Подробнее см.: С. Б. Бернштейн. Борис Михайлович Ляпунов.— «Вопросы языкознания», 1958, № 2, стр. 67—75.

Из наиболее значительных славяноведческих публикаций Академии наук за 20-е годы следует назвать еще издание П. А. Лаврова народных песен македонских болгар из собрания Верковича (1920), первый том нижнелужицкого словаря Э. Муки (1921), издание Синайской псалтыри (1922) и др.

Еще до революции Академия наук по инициативе акад. И. В. Ягича начала издавать «Энциклопедию славянской филологии», в создании которой принимали участие не только русские, но и зарубежные слависты (И. В. Ягич, А. А. Шахматов, П. А. Лавров, Э. Калужняцкий, Е. Ф. Будде, Олаф Брок, Л. Нидерле). В этой серии после революции вышла только одна монография акад. М. Н. Сперанского «Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма» (1929); должна была выйти «Праславянская грамматика» Г. А. Ильинского, но по решению акад. Н. Я. Марра набор книги был рассыпан¹².

Положение славянской филологии в эти годы было бы бесперспективным, если бы среди славистов среднего и младшего поколения не было подлинных энтузиастов, преданных своему делу ученых, глубоко верящих в то, что их наука может успешно развиваться в новых социальных условиях. Они горячо и убежденно доказывали, что не было никакой органической связи между славяноведением и реакционным панславизмом, что, наоборот, деятельность панславистов тормозила развитие науки, изолировала прогрессивные круги общества от важнейшей области знания, что связи с зарубежными славянами прерваны временно. Эти ученые верили, что наступит время, когда установятся самые тесные политические и культурные связи между всеми славянами. Они считали, что слависты должны исподволь готовить кадры для этого периода. Одним из наиболее ярких представителей этой группы советских славистов был проф. А. М. Селищев.

Воспитанник Казанского университета, А. М. Селищев свои первые труды по славянской филологии опубликовал еще в предреволюционные годы. В 1918 г. в Казани вышли из печати его «Очерки по македонской диалектологии», которые содержали детальную и всестороннюю характеристику всех македонских говоров. Труд получил очень высокую оценку. Совет Казанского университета присудил А. М. Селищеву ученую степень магистра славянской филологии. А. М. Селищев был одним из основателей Иркутского университета (1918 г.) В течение двух лет он руководил здесь кафедрой русского языка и читал лекции по русскому и славянскому языкознанию. В издании Иркутского университета вышли в свет две его монографии: «Забайкальские старообрядцы» и «Диалектологический очерк Сибири», которые заложили основу сибирской диалектологии.

В 1920 г. по рекомендации П. Н. Сакулина и Д. Н. Ушакова Совет Московского университета избрал А. М. Селищева профессором и руководителем кафедры славянской филологии. Вся его дальнейшая жизнь была связана уже с Москвой. Он скончался в Москве 6 декабря 1942 г.

Человек необыкновенной работоспособности, большой силы воли, наделенный незаурядными способностями организатора, А. М. Селищев был глубоко предан избранной им науке. Он был убежден, что славяноведение имеет большое значение для развития всех общественных наук. Он часто повторял, что нельзя глубоко изучить проблемы формирования русского народа, его языка, древней культуры без всестороннего учета данных древнейшей истории родственных славянских народов, их языков и культур.

¹² Этот драматический эпизод освещен В. К. Журавлевым в его книге «Г. А. Ильинский». Изд. МГУ, 1962, стр. 36—37.

А. М. Селищев скоро стал заметной фигурой на факультете общественных наук МГУ. Его лекции по старославянскому языку, по сравнительной грамматике славянских языков, по введению в славяноведение привлекали много студентов. Их покоряла страстность профессора, его глубокая вера в необыкновенную важность той науки, которой он служил.

Большое влияние оказал А. М. Селищев и на своих коллег по факультету. Под его непосредственным влиянием романист М. В. Сергиевский занялся балканистикой, начал интенсивно изучать молдавские и греческие говоры на территории СССР, славянское влияние на романские языки Балканского полуострова. Тюрколог Н. К. Дмитриев по совету А. М. Селищева изучил тюркскую параллель известного словаря Хаджи Даниила, а затем опубликовал ряд ценных трудов, посвященных влиянию турецкого языка на болгарский и сербохорватский языки.

А. М. Селищев принимал активное участие в работе Московской диалектологической комиссии, в деятельности РАНИИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук).

В связи с решением СНК РСФСР от 17 мая 1925 г. факультет общественных наук МГУ был реорганизован. На его основе были созданы два факультета: этнологический и советского права. Этнологический факультет включал в себя четыре отделения: историческое, этнографическое, литературное и изобразительных искусств. Отделения в свою очередь делились на циклы. По инициативе А. М. Селищева на этнографическом отделении был создан цикл западных и южных славян.

Организация цикла на этнографическом отделении объяснялась прежде всего характером подготовки славистов.

Здесь студент получал одновременно лингвистическую и собственно историческую подготовку. В зависимости от выбора специальных курсов и семинариев будущий славист становился лингвистом, историком или этнографом.

Основные лингвистические курсы на цикле читал А. М. Селищев. В 1927 г. начал работать в МГУ профессор Г. А. Ильинский. Он читал небольшие семестровые курсы разных славянских языков (чаще западнославянских), различные специальные курсы (славянские древности, палеографию, историю славянской филологии). Членами кафедры славянской филологии были проф. П. А. Расторгуев и проф. Н. Л. Туницкий. Первый читал курс белорусского языка, второй — украинского. Лингвистические курсы носили историко-диалектологический характер. Все внимание было направлено на изучение древних памятников письменности и диалектов. Систематических сведений о современных литературных славянских языках лингвистические курсы не давали. В этом отношении подготовка славистов не отличалась от дореволюционной. Однако были и существенные нововведения. А. М. Селищев впервые ввел в университете лектуры, где под руководством приглашенных со стороны преподавателей студенты овладевали практически славянскими языками. Именно здесь студент и изучал литературные языки. Конечно, ни количество часов, ни подготовка преподавателей не могли обеспечить высокого уровня знаний в этой области.

Историю западнославянских народов читал проф. М. К. Любавский, южнославянских — проф. Ю. В. Готье. Они же вели и семинарии по этим предметам. Очень популярным среди студентов был семинарий по истории Австро-Венгрии, которым отлично руководил доц. С. Д. Сказкин. Все этнографические курсы по западным и южным славянам вел П. П. Швешиков. Он же руководил летними экспедициями, которые в большинстве случаев были диалектологическими.

На кафедре славянской филологии часто ставились научные доклады.

Большую роль в научной жизни Москвы в это время играла Московская диалектологическая комиссия. На ее заседаниях обсуждались самые разнообразные вопросы общего языкознания, русистики, славистики, германистики, романистики и даже ориенталистики. Часто выступали с докладами А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсон, М. В. Сергиевский, Е. Д. Поливанов, Р. О. Шор, молодые ученые.

Научно-исследовательская деятельность А. М. Селищева в 20-е годы была очень напряженной и разносторонней. В центре его внимания были македонские говоры и их история. В 1929 г. в Софии был опубликован большой труд А. М. Селищева «Полог и его болгарское население», который содержал исторические, этнографические и диалектологические очерки северно-западной Македонии. Эта монография явилась продолжением его «Очерков по македонской диалектологии».

Постепенно расширялся объект исследования. А. М. Селищев обнаружил, что богатейшие данные для истории македонских говоров содержит албанский язык и албанская топонимика. Итогом нескольких лет упорного труда явилась большая монография «Славянское население в Албании» (София, 1931), в которой он всесторонне осветил историю славянских говоров в Албании и судьбу славянского этнического элемента в этой стране. Работа оказалась весьма ценной и для изучения исторической лексикологии албанского языка, что было отмечено крупнейшими албанооведами того времени. Завершен весь цикл исследований Македонии монографией «Македонские кодексы XVI—XVIII веков» (София, 1933). Я здесь не упоминаю многие ценные публикации по македонским говорам, по македонской топонимике и другим проблемам балканистики.

Большое внимание уделял А. М. Селищев некоторым вопросам сравнительной грамматики славянских языков. Ему принадлежит ценная во многих отношениях работа «Соканье и шоканье в славянских языках» (1931). С большим темпераментом он полемизировал с Н. С. Трубецким, Н. Н. Дурново и другими по вопросу о диалектном членении праславянского языка, о хронологии ряда фонетических явлений.

Много сил отдал А. М. Селищев подготовке учебников, но в то время опубликовать их он не смог. Они были изданы значительно позже (двухтомный учебник старославянского языка вышел уже посмертно). Вообще положение с публикацией трудов в те годы было трудным. Университет имел маленькую типографию, которая не могла обеспечить издание монографий. Очень мало издавала и Академия наук. Неакадемические издательства отказывались публиковать специальные монографии, так как они требовали сложного набора и могли быть изданы небольшими тиражами. Издательство «Работник просвещения» охотно двумя изданиями в 1928 и 1929 гг. опубликовало монографию А. М. Селищева «Язык революционной эпохи», так как она представляла широкий общественный интерес. Монография содержала много ценных наблюдений над изменениями в русском языке, которые произошли в первое десятилетие после Октябрьской революции. Специальные работы по славистике А. М. Селищев и другие советские филологи широко публиковали в зарубежных славянских изданиях.

Проф. Г. А. Ильинский принадлежал к другому поколению славистов. Большая часть его трудов была опубликована еще в дореволюционное время. Трудно указать раздел славяноведения, который бы не привлекал внимания ученого. Однако большинство его многочисленных публикаций посвящено славянской этимологии, праславянскому языку, древней славянской письменности, славянским древностям, истории славянской филологии. Последние годы своей жизни Г. А. Ильинский был занят

подготовкой к печати второго издания «Праславянской грамматики», завершением славянского этимологического словаря и составлением полной библиографии по кирилло-мефодиевскому вопросу. Увидела свет лишь последняя работа.

В 1931 г. была осуществлена коренная реорганизация МГУ. Университет был оставлен без гуманитарных наук. Этнологический факультет был выделен в самостоятельный институт, который после ряда превращений стал Институтом истории, философии и литературы им. Чернышевского. «В ходе реорганизации университета были допущены серьезные ошибки», — отмечается в «Истории Московского университета»¹³. Эти ошибки особенно чувствительно сказались на подготовке славистов, так как в новом институте уже не было ни самостоятельной кафедры славянской филологии, ни отделения славянской филологии. На длительный срок в Москве прекратилась подготовка славистов.

Велики заслуги в истории советского славяноведения профессора Ленинградского университета Н. С. Державина. Ученый широкого профиля (историк литературы, фольклорист, историк, этнограф, языковед, историк науки, библиограф, методист), Н. С. Державин работал в различных областях славяноведения. До революции он много сил и времени отдал изучению языка и быта болгарских переселенцев в России, оставил в этой области ряд капитальных публикаций. После революции он много писал по различным вопросам истории славянских литератур (главным образом болгарской), славянской политики России (например, «Русский абсолютизм и южное славянство», 1928), истории славяноведения. Продолжал работать в области языкознания, но уже на основе тех принципов, которые были выработаны акад. Н. Я. Марром (на основе так называемой яфетической теории). Он опубликовал ряд статей («Албановедение и албанцы», 1926; «Яфетические переживания в прометеидской славянской традиции», 1929 и др.), в которых широко применял элементный анализ Н. Я. Марра. К счастью, эта деятельность не нашла в среде славистов продолжателей и сторонников. Были лишь кратковременные увлечения и заблуждения.

В Ленинградском университете подготовка славистов была тесно связана с подготовкой словесников-русистов и носила ярко выраженный литературоведческий характер. Сам Н. С. Державин читал историю болгарской литературы, введение в славяноведение, вел занятия по болгарскому языку. Лекции по польской литературе читал проф. В. Г. Чернобаев, по чешской и сербохорватской — доц. К. А. Пушкаревич. Эти же преподаватели вели практические занятия по славянским языкам.

Лингвистическая подготовка студентов осуществлялась в университете не членами кафедры славянской филологии. Общетеоретическую подготовку они получали на лекциях проф. Л. В. Щербы, славистическую — на лекциях проф. М. Г. Долобко. Последний читал студентам старославянский язык, сравнительную грамматику славянских языков, различные специальные курсы и семинарии.

Ученик А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М. Г. Долобко пришел в науку как историк сербохорватского языка. Его исследование «Язык боснийских грамот XIV в.» (1914—1915) получило высокую оценку специалистов. Однако позже он оставил свои занятия сербистикой и стал разрабатывать акцентологические проблемы. В этой области он опубликовал всего две статьи: «Ночь — ночесь, осень — осенесь, зима — зимусь, лето — летось» («Slavia», 1927) и «Der sekundäre v- Vorschlag im Russischen» («Zeitschrift für slavische Philologie», 1926). Однако глубина и ори-

¹³ «История Московского университета», т. II. М., 1955, стр. 119.

гинальность трактовки ряда важных для славянской акцентологии вопросов выдвинули М. Г. Долобко в ряды наиболее известных у нас специалистов по славянской акцентологии. «Идея Л. Л. Васильева о переносе нисходящего ударения на проклитики и энклитики была подтверждена на более обширном славянском материале М. Г. Долобко (1927), сформулировавшим соответствующее правило для праславянского»¹⁴. В славянской акцентологии оно носит название «правила Васильева — Долобко». Пережил М. Г. Долобко кратковременное увлечение и яфетической теорией акад. Н. Я. Марра. Однако уже в своей интересной теоретической работе «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии» (1935) он убедительно показал, что основные положения яфетической теории о развитии языков в доклассовом обществе противоречат этногенетическим и лингвистическим воззрениям Ф. Энгельса. Аналогичную эволюцию во взглядах на язык пережил другой ленинградский языковед Л. П. Якубинский. В течение ряда лет он пытался применять некоторые принципы теории Н. Я. Марра (см., например, его статью «К палеонтологии названия для 'половины'», 1927), однако, позже коренным образом пересмотрел свое отношение к яфетической теории, что нашло отражение в посмертно изданном труде «История древнерусского языка» (1953).

С большим успехом М. Г. Долобко читал сравнительную грамматику славянских языков, уделяя особое внимание акцентологии. Из его аудитории вышли молодые специалисты Э. А. Лемберг (Якубинская) и Л. В. Матвеева-Исаева. В 1927 г. Э. А. Лемберг опубликовала работу «К вопросу об отражении праязыковых конечных дифтонгов **oǫ* и **aǫ* на славянской почве» («Язык и литература», т. 2), в которой убедительно показала, что различие в судьбе конечных дифтонгов не связано с интонационными условиями. Более значительной была монография Л. В. Матвеевой-Исаевой «Закон Фортунатова — де Соссюра» («Исследования по русскому языку», т. III, 1930). Автор обнаружил, что многие явления в области именных консонантных основ не укладываются в рамки «закона Фортунатова — де Соссюра». Однако вскоре Л. В. Матвеева-Исаева резко порывает с принципами сравнительного языкознания и начинает пропагандировать принципы Н. Я. Марра. Печальным итогом этого увлечения явилась ее статья «Различные отложения глоттогонического процесса в славянской акцентологической системе» («Язык и литература», т. 7, 1931), в которой она обнаруживает древние «отложения» в славянских языках с помощью данных китайского языка. Позже, уже после лингвистической дискуссии 1950 г., Л. В. Матвеева-Исаева пыталась вновь вернуться к прежним методам работы, но это не дало положительных результатов.

Велик вклад в развитие советского славянского языкознания профессора Харьковского университета Л. А. Булаховского. Первые публикации Л. А. Булаховского относятся еще к 1910 г. В центре научных интересов ученого в течение всей его жизни находились проблемы акцентологии. Его многочисленные акцентологические исследования (книги, статьи, заметки и рецензии) оставили глубокий след в истории изучения славянского ударения и связанных с ним явлений. Наиболее плодотворным в методологическом отношении был период 20-х годов. Именно в эти годы Л. А. Булаховскому удалось не только сделать много частных наблюдений, но и открыть важные закономерности в истории праславянской акцентологической системы (главным образом в области новоакутовой и новоциркумфлексной интонаций) в различных славянских языках (главным образом в словенском, болгарском и украинском). Он детально

¹⁴ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Сравнительная грамматика славянских языков. — В кн.: «Советское языкознание за 50 лет». М., 1967, стр. 80.

исследовал явления метатонии в различных глагольных категориях. Крупным открытием Л. А. Булаховского в истории акцентологии является установление им различия судеб акутированных и новоаккутированных полногласных сочетаний в украинском языке. «Его работы отличает пристальное внимание к проблемам акцентуации производных имен, к условиям распределения праславянских долгот, условиям возникновения новоциркумфлексовой и новоаккутовой интонаций. Вместе с А. Беличем, Я. Розвадовским, Н. Ван-Вейком и другими выдающимися акцентологами Л. А. Булаховский завершил построение традиционной славянской акцентологической концепции — концепции, фонетической по преимуществу»¹⁵. Не так велико для науки значение его акцентологических трудов 40—50-х годов, ибо они шли в русле уже завершенной фонетической концепции. Л. А. Булаховский был далек в это время от тех новых принципов, которые успешно начал разрабатывать Х. Станг, а в советском языкознании — В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо.

Большое внимание уделял Л. А. Булаховский изучению грамматической аналогии и омонимии в славянских языках, истории и диалектологии болгарского языка, общим вопросам языкознания. Значительное место в списке его научных работ в эти годы занимают книги и статьи по русскому и украинскому языкам.

Педагогическая деятельность проф. Л. А. Булаховского, к сожалению, не была связана с подготовкой славистов. Он читал лекции русистам и украинистам, общеславистической подготовке которых уделялось очень мало внимания. Его литографированный курс «Вступ до порівняльної граматики слов'янських мов» (1927) свидетельствует, что он читал студентам сравнительную грамматику славянских языков. Однако в довоенные годы из его аудитории не вышло ни одного слависта.

В Киевском университете славянскую филологию представлял известный специалист по старославянской письменности и славянскому синтаксису проф. Н. К. Грунский. Из наиболее значительных его публикаций в 20-е годы укажу «Київські листки та Фрейзінгенські уривки (з факсимільними знімками)». Книга вышла в издании Украинской академии наук в 1928 г.

В 30-е годы прекратилась подготовка славистов в нашей стране, резко сократился объем общеславистической подготовки русистов и других специалистов по восточнославянским языкам, прекратилась публикация трудов. За все 30-е годы не вышло ни одной книги, посвященной сравнительной грамматике славянских языков или зарубежным славянским языкам. В печати участились резкие нападки на славистику, как на реакционную «лженауку».

Благодаря энергичным действиям Н. С. Державина в начале 1931 г. в Академии наук СССР был организован Институт славяноведения, в котором было учреждено три сектора: истории и экономики, языков и литературы, этнографии и фольклора. Институт не успел еще окрепнуть, как в 1934 г. был неожиданно закрыт.

Не мало помех развитию славянского (и не только славянского) языкознания в эти годы создавали ученики и последователи акад. Н. Я. Марра. В 20-е годы их деятельность ограничивалась несколькими учреждениями. Даже в Академии наук, благодаря энергичному сопротивлению акад. Е. Ф. Карского, яфетическая теория не получила распространения среди русистов и славистов. С начала 30-х годов началось энергичное наступление марристов на сравнительное языкознание, на индоевропеистику, на теорию праязыка. Им, однако, пришлось бороться не только с представи-

¹⁵ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Там же, стр. 79.

телями старшего поколения лингвистов, но и с молодежью, объединенной в «Языкфронт». Нельзя сказать, что марристы одержали полную победу, но на сравнительно-историческое языкознание был наложен длительный запрет. Теория праязыка стала жупелом.

Уже в конце 30-х годов стали реально ощущаться все отрицательные последствия ликвидации подготовки славистов в нашей стране. Все чаще и чаще начали раздаваться голоса о необходимости возрождения славяноведения. Постепенно возникла потребность в людях, практически владеющих славянскими языками. Эту потребность в какой-то степени удовлетворяли представители славянской политической эмиграции, но в большинстве случаев они плохо владели русским языком. Летом 1939 г. Всесоюзный комитет высшей школы (ВКВШ) принял решение об усилении преподавания славянских языков в Московском Институте истории, философии и литературы им. Чернышевского. Было дано указание Учпедгизу издать большим тиражом двухтомный учебник А. М. Селищева «Славянское языкознание». В 1941 г. вышел из печати первый том, посвященный западнославянским языкам. Второй том, посвященный южнославянским языкам, московский славист не успел завершить.

Великая Отечественная война с немецким фашизмом сразу же поставила перед народом и государством множество больших и малых задач. Иногда сам по себе незначительный факт в эти годы мог приобрести большое и общегосударственное значение. Так, летом 1941 г. широко обсуждался вопрос о создании книги, которая содержала бы краткую историю всех славянских литератур. Предполагалось, что книга будет издана 100 000 тиражом. Впервые после Октябрьской революции слова «славяне», «славянская солидарность» наполнились живым содержанием, стали близкими не только маленькой группе специалистов, но и всему народу. В озверелом фашизме советский народ видел не только врага своего государства, своей культуры, но и врага всех славян, всей славянской культуры. По стране проходили митинги солидарности со славянскими народами. Был создан Славянский комитет, начал выходить журнал «Славяне». Как остро в этот период ощущалась нехватка людей, владеющих славянскими языками, знакомых с культурой зарубежных славян! Первые советские слависты (но как их было мало в это время!) остро осознали и почувствовали огромную важность их науки. Они принимали активное и горячее участие в борьбе советского народа с врагом. Люди в прошлом академического склада, далекие от публицистики, оставляли теперь свои специальные занятия и писали острые и злободневные статьи. Проф. М. Н. Петерсон так вспоминает А. М. Селищева в первый год войны: «Война с немецкими фашистами его страшно волновала. Он выступал на антифашистских конференциях, писал статьи. Основываясь на истории славяно-германских отношений, он разъяснял, какая страшная опасность на нас надвинулась»¹⁶. Во главе Антифашистского комитета ученых стал славист Н. С. Державин. Общественная деятельность Н. С. Державина в эти годы была необыкновенно напряженной и разносторонней.

Летом 1943 г. по решению Всесоюзного комитета высшей школы на филологическом факультете Московского университета было создано славянское отделение и открыта кафедра славянской филологии. Позже аналогичные отделения и кафедры были созданы в Ленинградском, Киевском и Львовском университетах. Значительно расширилась славистическая подготовка русистов. Были установлены необычные для славистов контингенты приема. Ощущалась острая нужда в преподавателях. Нередко

¹⁶ М. Н. Петерсон. А. М. Селищев — деятель высшей школы. — «Доклады и сообщения Филологического факультета», вып. 4. Изд. МГУ, 1947, стр. 84.

преподаватель сам знал чуть больше студентов. Приходилось учиться всем и учиться напряженно.

Большую помощь в подготовке кадров славистов в те годы нам оказали многие зарубежные слависты: А. Белич, В. Велчев, Г. Вольше, Б. Гавранек, М. Димитров, Т. Лер-Сплавинский и многие другие.

Контакты с зарубежными славистами были прерваны задолго до войны. Они существовали в 20-е годы. Делегация советских славистов во главе с акад. П. Н. Сакулиным участвовала в первом съезде славистов в Праге в 1929 г. Однако уже на втором съезде славистов в Польше в 1934 г. советской делегации не было. Не предполагалось участие советских славистов и в третьем съезде, который должен был открыться 1 сентября 1939 г. в Белграде. Сразу же после завершения Великой Отечественной войны наступил период тесного контакта советских ученых со славистами зарубежных славянских стран. Они оказали нам большую помощь в организации учебной и научной работы. В 1946 г. в Ленинградском университете была проведена первая после войны славистическая конференция с участием многих известных зарубежных славистов. В дальнейшем таких конференций в Советском Союзе было проведено много.

Еще в годы войны (1942) в Академии наук была восстановлена Славянская комиссия под председательством акад. Н. С. Державина. Однако она не имела ни штатов, ни планов работы. В Институте русского языка АН СССР существовал малочисленный сектор славяно-балтийского языкознания. В Институте истории АН СССР был более многочисленный сектор истории западных и южных славян, руководителем которого был акад. В. И. Пичета. Такая организация славяноведческих исследований уже не соответствовала тем новым задачам, которые были поставлены перед Академией наук СССР. В связи с этим в конце 1946 г. было принято решение о создании в Отделении исторических наук АН СССР Института славяноведения. Институт начал функционировать в начале 1947 г.

Первые годы своего существования Институт славяноведения был занят главным образом подготовкой молодых специалистов через аспирантуру. Публикаций в эти годы было очень мало. Подъем наступает в начале 50-х годов, когда молодые сотрудники Института завершают свои первые самостоятельные исследования. Первые годы в Институте все филологи были объединены в одном секторе славянской филологии. В 1951 г. он был поделен на два сектора: славянского языкознания и славянского литературоведения. В 1960 г. в Институте был открыт второй лингвистический сектор: сектор структурной типологии славянских языков. Секторы славянского языкознания были открыты и в институтах Академий наук УССР и БССР.

Впервые в истории русской и советской славистики подготовка молодых специалистов приняла массовый характер. Многим учреждениям и организациям теперь требовались специалисты, практически владеющие зарубежными славянскими языками, хорошо знающие культуру современных славянских народов. Издательства художественной литературы должны были открыть советскому читателю мир, отраженный в лучших образцах славянских литератур прошлого и настоящего. В довоенные годы особенно плохо обстояло дело с переводами южнославянских писателей. Переводы польских и чешских писателей и поэтов время от времени публиковались.

Новыми требованиями диктовались и новые формы подготовки молодых специалистов. Прежде основное внимание уделялось подготовке слависта-филолога, хорошо знающего историю языка, диалекты, сравнительную грамматику славянских языков, древние тексты, палеографию, старославянскую письменность. Жизнь поставила новые задачи. Молодой

славист теперь должен свободно владеть хотя бы одним зарубежным славянским языком, хорошо разбираться в явлениях современной литературной жизни.

В области языковой подготовки новые требования привели к тому, что на первое место было поставлено обучение современным литературным языкам. Это была новая и очень трудная задача. Практическое обучение языкам было организовать проще. Трудно было поднять теоретический уровень лекций, посвященных фонологии и грамматике литературных языков. Это требовало переориентации научных интересов славистов, формировавшихся еще в довоенный период. Конечно, нужно было сохранить в учебных планах весь прежний цикл лингвистических дисциплин, так как славянские отделения призваны были готовить не только практических работников, но и научную смену. Большие и ответственные задачи были поставлены перед историками славянских литератур: центр тяжести был перенесен на те периоды истории этих литератур, которыми прежде не занимались (вторая половина XIX — первая половина XX в.).

Вскоре возникла острая необходимость в коллективном обсуждении многих теоретических, практических и методических вопросов преподавания. В 1948 г. в Киеве было созвано всесоюзное совещание кафедр славянской филологии, в котором приняли активное участие А. И. Белецкий, С. В. Бернштейн, Л. А. Булаховский, Н. К. Грунский, Н. С. Державин, В. Т. Дитякин, Н. И. Кравцов, М. Я. Немировский, В. П. Петрусь, И. С. Свенцицкий, Э. А. Якубинская и др. Это совещание помогло решить много трудных проблем и выработать единые принципы преподавания. Были и нерешенные вопросы. Это касалось прежде всего курса сравнительной грамматики славянских языков. Некоторые участники совещания резко выступали против самих принципов сравнительно-исторического языкознания, против теории праязыка и даже против признания генетического родства языков. Было принято решение, что данная дисциплина может читаться на уровне специального курса небольшой группе студентов.

Большую роль в истории советского языкознания сыграла дискуссия 1950 г. Особенно велика ее роль в дальнейшем развитии славянского языкознания, так как основные принципы «нового учения» о языке совершенно очевидно противоречили славянскому языковому материалу. После длительного перерыва в нашей стране вновь начало интенсивно развиваться сравнительное языкознание.

За последние два десятилетия в Советском Союзе достигнуты большие успехи в изучении славянских языков. Можно говорить о подлинном расцвете этой области языкознания. В последние годы выходит из печати такое количество славистических публикаций, какого не знала вся история русского и советского славяноведения. Возникли новые центры славяноведения. Почти ежегодно в разных городах страны проходят всесоюзные славистические конференции, в которых широкое участие принимают представители молодого поколения. Защищено много докторских и кандидатских диссертаций.

Окрепил контакты между советскими и зарубежными славистами. Теперь уже не ограничиваются взаимной информацией, чтением лекций, публикацией трудов. Некоторые сложные проблемы решаются коллективно (например, «Общеславянский лингвистический атлас», «Старославянский словарь»). Планируется ряд новых коллективных тем.

Созданы широкие возможности для кратковременного и длительного посещения славянских стран советскими славистами. Многие молодые слависты прошли серьезную школу в университетах Праги, Братиславы, Кракова, Варшавы, Белграда, Загреба, Софии и других научных центров,

были на длительной специализации, имели возможность работать в библиотеках, принимать участие в диалектологических экспедициях.

В 1958 г. в Москве был проведен IV Международный съезд славистов. Он показал, что за короткий срок советское славяноведение достигло больших успехов.

Исследование научных проблем в области языкознания шло в послевоенные годы в разных направлениях¹⁷. Новой и очень важной областью явилась грамматика, грамматический строй современных литературных языков. Велась интенсивная разработка многих проблем болгарского, чешского, словацкого и польского литературных языков (падежей, предлогов, словообразования, времен, вида глаголов, залога, наклонений, синтаксиса). Отстает изучение сербохорватского литературного языка. Сделаны первые шаги в изучении македонского литературного языка. Опубликованы грамматические очерки, учебники, учебные пособия, словари, переведены на русский язык некоторые известные грамматические труды зарубежных славистов. Значительно меньше сделано в области фонетики и фонологии современных литературных языков. Нет серьезных достижений в изучении лексикологии и семасиологии.

Продолжая традиции русского и советского болгароведения, слависты много в эти годы занимались всесторонним изучением болгарских говоров. Был составлен атлас болгарских говоров на территории СССР, написан ряд монографий. В издании первого тома «Болгарского диалектологического атласа» (София, 1964) советские болгаристы принимали активное участие. В последние годы советские полонисты начали изучать польские говоры на территории Белоруссии и Литвы. Выполнен ряд работ по изучению сербо-лужицких говоров. Советские слависты принимают активное участие в разработке теории лингвистической географии.

Рукописные собрания научных библиотек Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и ряда других городов содержат огромное количество древних славянских памятников письменности. В прошлом, как уже было сказано выше, в их издании и изучении русские слависты видели свою главную задачу. Эта работа давно прервалась и теперь возрождается медленно. Она требует от исследователя высокой техники филологического анализа, отличного знания палеографии (не только славянской, но и греческой), древнегреческого языка, истории древнеславянской и византийской письменности, истории церкви. В последнее время завершено несколько работ в этой области. Отрадно отметить, что интерес к этому трудному разделу славянской филологии растет.

Растет интерес и к изучению старославянского языка. Было опубликовано несколько монографий, посвященных падежам, предлогам, виду, времени, именным и местоименным прилагательным, числительным, союзам, лексике, фразеологии, проблемам лексикографии. Однако в этой области наша наука пока еще существенно отстает. За последние годы было опубликовано несколько университетских учебников старославянского языка. К сожалению, некоторые из них были не удовлетворительными. Они написаны без учета новейших достижений науки о старославянском языке.

Скромное место в советском славяноведении занимают труды по исторической грамматике славянских языков. Особенно мало работ по исторической фонетике. Основное внимание последние годы уделялось исторической морфологии: истории падежей, местоимений, времен и видов. Почти нет работ по исторической лексикологии.

¹⁷ Подробнее см. в тематических обзорах Н. И. Толстого, В. М. Иллич-Свитыча и Г. К. Венедиктова в кн.: «Советское языкознание за 50 лет».

В прошлом слависты сравнительно мало уделяли внимания истории славянских литературных языков. До революции эти вопросы разрабатывал П. А. Кулаковский (работы о Вуке Караджиче, об иллиризме), в советское время (до войны) ряд работ по истории болгарского литературного языка написали А. М. Селищев и Л. А. Булаховский. В послевоенный период возрос интерес к проблемам формирования и развития литературных языков. В последние годы было опубликовано много исследований, в которых рассматриваются общие или частные вопросы истории чешского, словацкого, польского, сербо-лужицких, болгарского, македонского и сербохорватского литературных языков. Широко поставлено изучение роли старославянского языка в формировании восточно- и южнославянских литературных языков, изучение взаимодействия литературных языков различных славянских народов.

Как уже было указано выше, до лингвистической дискуссии 1950 г. работа в области сравнительной грамматики славянских языков почти не велась. После дискуссии были созданы благоприятные условия для развития этого важнейшего раздела нашей науки. Однако первые серьезные результаты были достигнуты лишь в конце 50-х годов, так как только после 1950 г. началась подготовка молодых специалистов. В эту область славянского языкознания пошла самая талантливая молодежь. И нужно сказать, что за сравнительно короткий срок (10—15 лет) славянская компаративистика достигла бесспорных успехов.

Много сделано для изучения праславянского языка: истории фонологической системы, грамматических особенностей, лексики, праславянских диалектов и их взаимоотношений. Широко обсуждался вопрос о характере взаимоотношений славянских и балтийских языков. Большинство советских славистов отрицательно относится к теории «балто-славянского праязыка». Несколько продвинулось исследование мало изученного в прошлом вопроса о древнейших славяно-иранских языковых отношениях. В ряде работ было хорошо показано, что историку праславянского языка не следует пренебрегать данными хеттского и тохарских языков.

Особо следует выделить работы по акцентологии. В этой традиционной для славянского языкознания области молодые исследователи в последние годы добились выдающихся успехов.

После смерти Г. А. Ильинского в советской науке прекратились работы по этимологии. Теперь они ведутся широким фронтом. Их результатами пользуются не только лингвисты, но историки и археологи.

Сравнительно мало сделано в области топонимики. Лишь всестороннее изучение поднепровской гидронимики помогло осветить некоторые важные стороны истории взаимоотношений славянского, балтийского и иранского этнических элементов в данном районе.

Немало за эти годы появилось публикаций, в которых слависты пытаются решать этногенетические проблемы: вопросы славянской прародины, древнейших миграций и под. К сожалению, здесь наши ученые не получили надежных и достоверных результатов. Видимо, эти вопросы требуют разработки новых методических приемов исследования. Об этом говорит опыт как советской, так и зарубежной славистики. До сих пор не найдены формы контакта лингвистов и археологов.

Естественно, что компаративисты не ограничились изучением только праславянского языка. Много сделано для сравнительного изучения отдельных славянских языков: категории твердости — мягкости согласных, падежей, времен и пр. Следует положительно оценить коллективный труд киевских славистов «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов» (Киев, 1966), в котором дана сравнительно-историческая характеристика всех сторон языка. Особенно высокими научными достоинствами отличается раздел, посвященный синтаксису.

С каждым годом растет число публикаций, посвященных истории славянской филологии. Наши архивы хранят ценнейшие материалы, относящиеся к истории нашей науки, к истории научных и культурных взаимоотношений славянских народов.

Давно уже установилась традиция выделять из славянской филологии изучение родного славянского языка и родной письменности. У нас славистом считается тот ученый, который занимается исследованием зарубежных славянских языков, литератур, фольклора, а также тот, кто изучает общеславянскую проблематику. Аналогичное положение наблюдаем во всех славянских странах. С каждым годом все больше и больше обнаруживается, что данное противопоставление лишено серьезных оснований. В последние годы решение ряда важнейших вопросов, связанных с изучением крупных общеславянских проблем, поставило перед советскими славистами задачу изучения многих белорусских, украинских и русских говоров. Нет сомнений, что работа в этом направлении с годами будет расширяться.

С конца 50-х годов в Советском Союзе начало интенсивно развиваться структурно-типологическое изучение славянских языков. Это новая область уже имеет теперь своих крупных представителей, которые успешно разрабатывают многие проблемы славянских языков, применяя принципы и методику структурной лингвистики.

Большие и ответственные задачи стоят теперь перед славистами-филологами, работающими в области языкознания, текстологии, палеографии, эпиграфики. За последнее десятилетие было опубликовано немало серьезных исследований, посвященных важным, но в большинстве случаев частным проблемам науки. Без подобных исследований наука двигаться вперед не может. Однако в настоящее время уже остро ощущается потребность в синтетических трудах, которые должны не только подвести итоги, обобщить весь изученный материал, но и предложить новые решения больших проблем и определить направление будущих исследований.

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ

К 50-ЛЕТИЮ

ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КРАСИМИРА МИТОВСКА

БОЛГАРСКИЕ ИСТОРИКИ И ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ ЮБИЛЕЙ

22 февраля 1967 г. в болгарской печати было опубликовано постановление ЦК БКП, в котором выражалась уверенность, что «коммунисты и все трудящиеся нашей страны с патриотическим порывом и трудовым энтузиазмом будут бороться за достойную встречу славной 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». В связи с этим ряд мероприятий по празднованию 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции был намечен и историческими учреждениями Болгарии. Эти мероприятия носят как строго научный, так и научно-популярный и широко агитационный характер.

Готовясь к празднованию славной годовщины, болгарские историки приступили к широкой разработке проблем влияния Октябрьской революции на нашу страну, деятельности болгарских трудящихся во главе с БКП в поддержку и защиту первого пролетарского государства, тесного политического, экономического и культурного сотрудничества между двумя братскими народами после второй мировой войны.

Еще несколько лет назад Институт истории БАН запланировал 3-томный труд по болгаро-русским и болгаро-советским отношениям. В настоящее время ведется работа над третьим томом, посвященным 50-й годовщине победы Октябрьской революции. В создании этого юбилейного тома принимают участие как болгарские, так и советские историки (перу последних будет принадлежать около одной трети статей). В нем будут помещены статьи: 1) исследовательские по недостаточно освещенным проблемам и 2) научно-популярные, предназначенные для более широкого круга читателей. Хронологически тематика статей охватывает период с 1917 г. до наших дней. Авторы сборника ставят своей целью осветить важные узловые вопросы болгарской истории, непосредственно связанные с судьбой советской страны. Они обобщают имеющиеся научные исследования по упомянутым проблемам, а также используют новые источники¹.

¹ Сборник разделен на 4 части. В I раздел — «Непосредственные отклики и влияние Октябрьской революции в Болгарии» — включены статьи: Хр. Христов «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие классового и революционного движения в Болгарии»; Т. Колева «Великая Октябрьская социалистическая революция и большевизация Болгарской коммунистической партии (1917—1923 гг.)»; В. Хаджиниколов «Буржуазные и мелкобуржуазные партии в Болгарии и Октябрьская революция»; М. А. Бирман «Отклики в советской печати на Владайское восстание в Болгарии осенью 1918 года». В разделе II — «Болгаро-советские отношения и борьба за дружбу (1917—1944)» — помещены статьи: Ц. Николов «Трудящиеся Болгарии в защите советской власти (1917—1920)»; Хр. Нестеров «Болгарский народ в борьбе против империализма и в поддержке советской страны (1918—1923)»; Я. Йоцов «Советская Россия и Болгария в 1920—1923 гг.»; Г. И. Чернявский «Движение солидарности трудящихся СССР с революционной борьбой болгарских рабочих и крестьян в период

Сборник без сомнения явится вкладом в развитие болгарской марксистской историографии и послужит еще одним доказательством прочности болгаро-советской дружбы.

50-й годовщине победы Октябрьской революции будет посвящен специальный номер журнала «Исторически преглед». В нем предполагается поместить статьи общетеоретического характера. Так, журнал планирует опубликовать статьи акад. Ж. Натана о влиянии Октябрьской социалистической революции на развитие марксистской исторической мысли в Болгарии и проф. В. Хаджиниколова о некоторых недостаточно освещенных проблемах, связанных с влиянием Октябрьской революции. Наряду с этим предполагается опубликовать исторические исследования, содержащие новые данные об участии болгар в Октябрьской революции, об отношениях БЗНС к Советской России и болгаро-советских отношениях в различные периоды новейшей истории обеих стран.

В запланированной Институтом истории БКП коллективной работе «БКП в защиту Великого Октября (1917—1944 гг.)» будет рассмотрена хронологически по основным периодам новейшей болгарской истории борьба трудящихся под руководством партии, направленная на поддержку Советского государства². Предполагается перевести ее на русский язык.

Институт истории БКП выпустит также специальный номер «Известий Института». В нем впервые будут опубликованы документальные материалы о праздновании Октябрьской революции в Болгарии в период 1918—1944 гг., помещены статьи о влиянии Октябрьской революции на подъем революционной борьбы в некоторых частях нашей страны.

Высшая партийная школа им. Станке Димитрова при ЦК БКП также активно готовится к празднованию великой годовщины. Она выпустит юбилейный номер «Научных трудов» и специально посвятит том исторической серии своих периодически выходящих «Научных трудов» проблемам, связанным с победой и влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Юбилейный номер «Научных трудов» будет состоять из статей по философии, истории и экономике³.

частичной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.); В. Василев «Антисоветские кампании в Болгарии и борьба демократических сил (1930—1931)». В III раздел сборника — «Братское сотрудничество в строительстве социализма» — входят статьи: В. Божинов «Предпосылки и развитие болгаро-советских отношений (1944—1958 гг.)»; А. Наков «Поддержка Советского Союза при заключении справедливого перемирия с Болгарией»; Зл. Златев «Болгаро-советские экономические отношения (1944—1948)»; Б. Матеев «Творческое применение ленинского кооперативного плана в Болгарии (1944—1951 гг.)»; В. Чичовска «Роль Союза болгаро-советских обществ в укреплении дружбы между Болгарией и СССР (1946—1948)»; Д. Г. Песчаный «Болгаро-советское сотрудничество в механизации сельского хозяйства (1948—1958 гг.)»; Г. Н. Караев «Надежный щит в Европе»; В. Н. Белановский «Советский и болгарский народы в их борьбе за социализм и коммунизм». В последний раздел сборника — «Участие болгар в Октябрьской революции и социалистическом строительстве СССР» — включены статьи: Д. Ташев «Участие болгар в Октябрьской революции»; Р. П. Гришина «Семен Николаевич Ванков»; А. И. Доронченков «Болгарские молодежные бригады в СССР».

² Книга будет состоять из предисловия (проф. Рубен Аврамов) и 6 глав: С. Димитрова «БКП за идеи и дело Октябрьской революции 1917—1920 гг.»; Ц. Николов «Работа партии по укреплению братских связей между болгарским и советским народами в 1920—1924 гг.»; Б. Григоров «Отношение БКП к Советскому Союзу в годы временной стабилизации капитализма. 1925—1929 гг.»; Н. Недев «Борьба БКП за дружбу с СССР в годы кризиса. 1929—1934 гг.»; В. Хаджиниколов «Вклад БКП в укрепление дружбы с СССР после нормализации отношений с ним. 1934—1939 гг.»; Н. Горненски «БКП во главе народного движения за болгаро-советскую дружбу и вооруженную борьбу против фашизма. 1 IX 1939—9 IX 1944 гг.».

³ В номер войдут следующие статьи: К. Добрев «50 лет под знаменем Великого Октября»; Р. Караколов «Ленинский этап в философии — методологическая основа

Авторы исторических статей, помещенных в юбилейном номере «Научных трудов», раскрывают влияние социалистической революции в России на нашу страну. В частности, здесь будут затронуты проблемы влияния Октябрьской революции на укрепление союза рабочего класса с крестьянством в Болгарии и роли партии большевиков в правильной идейной ориентации и развитии организационных принципов БКП. Наряду с этим разрабатываются вопросы и в более широком международном плане, показывающие значение Октябрьской революции для развития национально-освободительного движения.

В исторической серии «Научных трудов» будут помещены статьи об откликах в Болгарии на Октябрьскую революцию и о переменах, наступивших в нашей стране под ее непосредственным влиянием⁴.

Упомянутые сборники откроют новый важный этап в научной разработке болгаро-советских отношений болгарской марксистской историографией. Они познакомят общественность страны с достижениями болгарских историков в освещении проблем, связанных с победой Октябрьской социалистической революции и влиянием ее на Болгарию.

В соответствии с решениями ЦК БКП Болгарская академия наук, Институт истории БКП, Высшая партийная школа им. Станке Димитрова, Софийский университет им. Климента Охридского и Общественный комитет болгаро-советской дружбы проведут совместно научную сессию, посвященную Великому Октябрю и его влиянию на Болгарию. В ней примут участие представители от СССР, ГДР, Венгрии, Франции и Югославии. Научную сессию откроет почетный председатель БАН акад. Т. Павлов, который сделает доклад о некоторых современных проблемах в свете Великой Октябрьской социалистической революции.

На сессии намечается рассмотреть две основные проблемы: 1) влияние Великого Октября на развитие БКП и борьбу болгарского народа против капитализма и фашизма и на социалистическое строительство в Болгарии и 2) всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Предполагается, что в докладах по первой проблеме будут рассмотрены такие основные вопросы, как роль Октябрьской революции в большевизации БКП и развитии революционного движения в Болгарии; помощь СССР в создании болгарской социалистической эконо-

Октябрьской социалистической революции»; Я. Атанасов «Книга Ленина об империализме и Великая Октябрьская социалистическая революция»; Н. Попов «Действие экономических законов и усовершенствование социалистических производственных отношений»; Г. Цонков «Октябрьская социалистическая революция и развитие пролетарского интернационализма»; П. Костов «Октябрьская революция и рабоче-крестьянский союз в Болгарии»; Ас. Катев «Значение Октябрьской революции для укрепления и развития союза между марксистско-ленинской философией и естественными науками в Болгарии»; Цв. Цанев «Октябрьская революция и историческая судьба капитализма»; Ст. Цветев «Развитие марксистско-ленинской политической экономии социализма после Октябрьской революции»; Цв. Василева «Октябрьская социалистическая революция и развитие национально-освободительного движения»; А. Димитров «Влияние большевистской партии на развитие организационных принципов БКП»; А. Веков «Ленин и коммунистическое движение в Болгарии (влияние, связи, контакты). 1917—1924»; С. Волкова «Георги Кирков и Октябрьская социалистическая революция».

⁴ П. Костов «Сельские комитеты — форма единого фронта труда (1931—1934 гг.)»; Н. Недев «Борьба БКП за дружбу с СССР в 30-е годы»; А. Веков «Интернациональные связи и братское сотрудничество между БКП и КПСС. 1917—1923 гг.»; Ст. Радлов «Возникновение и развитие фашистской идеологии в Болгарии»; М. Ганчовска «Работа партии среди учащих в последнее десятилетие фашистской диктатуры»; И. Зарчев «Вклад БЗНС в сплочение международного аграрного движения на современном этапе»; Г. Славчева «Звено» и 19-е мая 1934 года»; А. Гырдев «Второй конгресс Коминтерна и крестьянский вопрос»; В. Никова «Политические соглашения и революционные компромиссы в борьбе БКП (1919—1923 гг.)»; И. Самуилов «По поводу одного совещания МСБ 1908 г. и партии тесных социалистов».

номики; вклад БКП в творческое осуществление ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства в социалистическом строительстве; использование БКП опыта Великого Октября при проведении культурной революции в Болгарии; социалистический патриотизм и болгаро-советская дружба на современном этапе.

В докладах по второй проблеме влияние и значение Октябрьской революции будет рассмотрено в более широком аспекте. Здесь найдут свое освещение вопросы о влиянии Октябрьской революции на Грецию, Турцию, Германию, ее значение для развития рабочего и национально-освободительного движения. Будет поставлен вопрос и о влиянии Октябрьской революции на развитие мирового революционного процесса в современную эпоху.

Сотрудники болгарских архивов в честь 50-й годовщины победы Октябрьской социалистической революции проведут теоретическую конференцию, на которой расскажут о документальных материалах архивов Болгарии по вопросу о влиянии Великого Октября на позиции БКП, на развертывание революционного движения; о борьбе болгарского народа за дружбу с народами СССР и о тесном политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом.

В связи с празднованием юбилея первой социалистической революции Национальный совет Отечественного фронта выпустит антологию «Дружба издавна и навеки», в которую будут включены исторические, документальные и художественные материалы, относящиеся не только к новейшим периодам болгарской истории, но и к более раннему времени. Антология призвана раскрыть вековую любовь и признательность болгарского народа к русскому за освобождение от турецкого и фашистского рабства; она покажет многосторонние духовные связи между обоими народами.

Музей болгаро-советской дружбы и Центральный музей Болгарской Народной армии также будут участвовать во всенародном праздновании 50-й годовщины победы Великой Октябрьской социалистической революции.

К 9 сентября 1967 г. Музей болгаро-советской дружбы откроет свою новую экспозицию; в течение целого года его сотрудники будут собирать в стране и в СССР материалы, связанные с Октябрьской революцией и ее влиянием на Болгарию. Уже действует лекторий по 50-й годовщине Великого Октября для учащихся, служащих и рабочих. С 1 октября по 7 ноября Музей организует Октябрьские дни Музея болгаро-советской дружбы, во время которых намечено провести мероприятия самого разнообразного характера.

Центральный музей Народной армии совместно с Общепартийным комитетом болгаро-советской дружбы, Комитетом по культуре и искусству, Институтом истории БКП и Музеем революционного движения примет активное участие в подготовке выставки, посвященной 50-й годовщине победы Октябрьской революции и ее влиянию на Болгарию. Наряду с этим Музей совместно с Военно-историческим отделом при Центральном штабе Министерства народной обороны подготовит специальную передачу по телевидению «Влияние Октябрьской революции на фронт». Миллионы зрителей увидят фотокопии и оригинальные документы из архивных фондов. В передаче будут затронуты следующие темы: солдатские бунты; братание на фронте; работа партии среди пленных и распространение на фронте газеты «Работнически вестник».

В связи с всенародным чествованием 50-й годовщины победы Октябрьской революции издательства Болгарии выпустят ряд научных, научно-популярных и художественных книг, цель которых еще шире популяризи-

ровать значение болгаро-советской дружбы, разъяснить огромную роль советской помощи для экономического развития Болгарии и для гарантии нашей свободы и национальной независимости; сделать достоянием широких народных масс нашей страны достижения СССР во всех областях жизни.

Издательство БКП в этом году издает книги: П. Панайотов «Вклад болгар в победу Октябрьской революции»; Ц. Николов и А. Веков «Празднование Великого Октября в Болгарии в 1918—1944 гг.»; Сборник воспоминаний иностранных участников Великой Октябрьской социалистической революции; Н. К. Крупская «Октябрьские дни. Воспоминания», а также альбом болгаро-советской дружбы (новое издание).

Издательство «Народна просвета» опубликует: «Искры Октября» — сборник статей, в котором примут участие авторы из Польши, Чехословакии, СССР, ГДР и Болгарии, книгу К. Йотова и М. Муслимова «Под знаменем Октября» (на турецком языке).

Профиздат напечатает книгу Н. Крыстева «Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение Болгарии 1917—1925 гг.».

Издательство «Наука и искусство» отметит 50-ю годовщину Октябрьской революции изданием: «Отклики на Октябрьскую социалистическую революцию в Болгарии — библиографический указатель», книгами А. Златарова «В стране Советов» и П. Соханя «Болгария и Украина в веках».

Издательство БАН издаст также сборник «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на Болгарию».

Комитет дружбы и культурных связей с заграницей опубликует два сборника: «Октябрьская революция — начало нового типа международных отношений» (на русском, французском и испанском языках) и «Болгарский народ в защите Октябрьской революции» (на русском языке).

Военное издательство готовит к печати 3-й том из серии «Болгары — борцы за свободу других народов», в котором раскроется участие болгар в Октябрьской революции. Кроме того, будут изданы: И. Узунов «Среди своих», П. Труфкин «Бессарабские болгары» и коллективный труд «40 лет со дня Владайского солдатского восстания».

К юбилею издательство Национального совета Отечественного фронта опубликует три книги: «Сергей Миронович Киров», «Товарищ Инесса» и «Опыт СССР и строительство социализма в нашей стране».

Общепартийный комитет болгаро-советской дружбы, совместно с Отечественным фронтом, профсоюзами, комсомолом, Министерством народного просвещения, Комитетом по культуре и искусству, Комитетом дружбы и культурных связей с заграницей и Высшим библиотечным советом в течение сентября и октября проведут Месяц болгаро-советской культуры, Дни советской культуры, Дни болгаро-советской и советско-болгарской дружбы, Месяц советского фильма, Неделю советской науки и техники, Выставку советской книги, Молодежный поход по местам болгаро-русской и болгаро-советской боевой и трудовой дружбы.

Таким образом, наша научная общественность внесет вклад не только в более полное освещение проблем, связанных с влиянием Октябрьской революции в нашей стране, но и в укрепление болгаро-советской дружбы.

ТАДЕУШ ЦЕСЛЯК

ПОЛЬСКАЯ НАУКА К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В последние годы польские ученые все более углубленно исследуют польско-советские отношения, увеличивается число ценных публикаций в этой области. Этому способствует укрепление научных учреждений, разрабатывающих проблемы польско-советских отношений. Совершенствуются научные кадры семи университетских кафедр истории Советского Союза, развивает свою деятельность сектор истории СССР и стран народной демократии в Институте истории Польской академии наук. Особенную роль играет Институт истории польско-советских отношений ПАН, занимающийся исключительно проблемами периода 1917—1966 гг. и тем самым выполняющий чрезвычайно важную задачу в плане научных исследований, касающихся наших взаимоотношений. Как уже отмечалось, работа названных научных учреждений характеризуется расширением, активизацией исследований новых тем и углубленной разработкой старых, о чем свидетельствует ряд научных достижений. Предстоящее 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции несомненно будет способствовать дальнейшей интенсификации работы в этой области. В соответствии со своим научным профилем сотрудники научных учреждений ПНР ведут архивные изыскания и издают работы, являющиеся итогом длительной разработки данной проблематики. В коллективной работе, издаваемой под общим руководством ПАН, представлены труды историков различных поколений, работающих в таких учреждениях, как Варшавский университет, Институт истории ПАН, Институт истории партии при ЦК ПОРП, Институт литературных исследований ПАН, Институт истории польско-советских отношений ПАН, Сектор истории польской журналистики XIX—XX вв. ПАН. Статьи, включенные в этот сборник, в основном освещают отношение к Октябрьской революции различных польских политических группировок, в том числе и правых. Проф. Г. Яблоньский в своей работе поставил центральную проблему: значение Октябрьской революции для формирования национального государства и общественных отношений в Польше, все остальные участники этого коллективного труда разрабатывали частные проблемы: д-р Е. Хольцер — «Отношение ППС и ППСД к революции»; д-р Я. Моленда — «Движение людовцев и революция»; д-р А. Гарлицкий — «Национальная демократия (эндеция) и революция»; д-р Е. Мыслинский — «Отношение польских консерваторов к Октябрьской революции». Следует также отметить работы д-ра К. Сероцкой о начальном периоде польской пролетарской поэзии; д-ра Г. Малиновского о характере и формах борьбы польского рабочего класса в 1918—1919 гг. и работу автора этой статьи об участии поляков в Октябрьской революции.

Проблематике, связанной с Октябрьской революцией, посвящены последние номера таких журналов, как «Kwartalnik historyczny», «Sprawy międzynarodowe», «Pamiętnik literacki», «Zaranie Śląskie», «Acta polonica historica», «Najnowsze dzieje Polski», «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej», «Slavia orientalis», «Z pola walki», «Rozprawy z dziejów oświaty», «Studia i materiały z historii stosunków polsko-radzieckich». В ряде научных журналов публикуются специальные исследования, как, например, в журнале «Przegląd orientalistyczny» работа д-ра Э. Шиманьского о влиянии Октябрьской революции на арабские страны, в журнале «Studia ekonomiczne» работа проф. Б. Минца о значении революции для развития экономической мысли. В журналах «Organon» и «Kwartalnik historii nauki i techniki» будут напечатаны статьи о научных и технических достижениях в СССР, подготавливаемые советскими историками науки и техники.

Делегация польских ученых в составе восьми человек во главе с проф. Ст. Жулкевским приняла участие в научной сессии, проходившей в Москве с 28 по 31 марта 1967 г., посвященной проблеме международного значения Великой Октябрьской социалистической революции. Польская делегация представила на эту сессию зачитанный на пленарном заседании доклад зам. директора Института истории партии при ЦК ПОРП проф. Ю. Ковальского о влиянии Октябрьской революции на Польшу. Другие члены делегации представили доклады, освещающие участие поляков в Красной Армии, установление Советской власти в различных городах, влияние Октябрьской революции на позицию политических группировок в Польше. Доклады польских ученых, так же как и доклады других участников сессии, будут опубликованы.

Президиум Польской академии наук совместно с Институтом истории партии и Высшей школой общественных наук 23—24 ноября 1967 г. организует научную сессию, посвященную влиянию Великой Октябрьской социалистической революции в Польше. На сессии будут представлены доклады проф. Г. Яблоньского «Значение Октябрьской революции во всем мире и в Польше», зам. директора Института истории партии проф. Ю. Ковальского «Значение Октябрьской революции для польского рабочего движения», заместителя секретаря Отделения общественных наук ПАН проф. С. Завадского «Диалектика диктатуры пролетариата». Из числа многих научных сессий наших институтов и комитетов, посвященных проблематике Октябрьской революции, хотелось бы назвать следующие: сессию Комитета педагогических и психологических наук ПАН, темой которой будет деятельность советских педагогов, особенно Н. К. Крупской и А. В. Луначарского. Затем, сессию Комитета экономических наук, на которой будут представлены доклады проф. Б. Минца — «Пятидесятилетие Октябрьской революции. Модель роста в теории и практике 1929—1940 гг.», доц. В. Пшеласковского — «Проблемы развития теории планирования в СССР», д-ра Е. Клеера — «Некоторые аспекты развития азиатских социалистических республик на фоне развития Центральной Азии». Очень интересную сессию готовит Университет им. Адама Мицкевича в Познани. На ней будут представлены доклады проф. Г. Ловмянского — «Октябрьская революция в польской историографии», доц. Е. Охманьского — «Литовцы и Октябрьская революция», проф. Я. Паевского — «Влияние Октябрьской революции на окончание первой мировой войны», проф. Чубиньского — «Связи Октябрьской революции и ноябрьской революции в Германии», д-ра Дворецкого — «Отношение великополяков к Октябрьской революции». Большую сессию на тему: «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на территории Силезии и Домбровского бассейна» готовит также Силезский институт в Катовицах.

Предусматривается целый ряд специальных работ, которые подведут итог исследованиям, проводившимся в течение длительного времени. Институт славяноведения ПАН опубликует сборник работ о русской литературе советского периода. Д-р Р. Пшибыльский сдал в печать сборник работ об Октябрьской революции в советской литературе (1917—1932). Коллектив тюркологов, сотрудничающих с Институтом востоковедения ПАН, разрабатывает тему, важную для тюркологических исследований, — «Возникновение и развитие литературного азербайджанского языка после Октябрьской революции». Сотрудник Польского института международных отношений В. Дашкевич подготовил диссертацию «Советский Союз и проблема коллективной безопасности в Европе в 1933—1939 гг.». В Еврейском историческом институте заканчиваются архивные изыскания по теме участия евреев в революции и борьбе с контрреволюцией. Кафедра истории русской литературы Варшавского университета готовит к изданию биографии Андрея Платонова (Р. Сливовский), Максима Горького (К. Ленарчик), Алексея Толстого (А. Володзько). Доцент В. Бортовский (Лодзь) представил работу по истории вооруженного восстания в Москве и формирования Красной гвардии и Красной Армии (до июля 1918 г.). В специальном издании Высшей педагогической школы в Ополе появятся работы: доц. З. Барановского — «Человек и история в творчестве Михаила Шолохова», д-ра Я. Солайчик — «„Конармия“ И. Бабеля», доц. В. Студенцкого — «Мотивы Великой Октябрьской революции в современной польской литературе» (1945—1965), д-ра З. Вонсовой — «Искусство как оружие революции (художники в Октябрьской революции)», д-ра Ст. Кохмана — «Достижения советского языкознания в области исследования русского языка» и ряд магистерских работ. В III томе журнала Польского этнографического общества «Lud» будет опубликована большая работа об основных проблемах советской этнографии. В журнале «Rocznik Gdański» намечается публикация статьи «Отклики на Октябрьскую революцию в Гданьском Поморье». Ученые университета во Вроцлаве предполагают издать коллективный труд под редакцией проф. Г. Зелиньского на тему «Октябрьская революция и Польша». Проблематика влияния революции на крестьянское движение в Польше является темой работ Института истории крестьянского движения при Главном комитете Объединенной крестьянской партии. Три коллективных труда готовит Военно-политическая академия им. Ф. Дзержинского. Первый, под редакцией проф. В. Щербы, посвящен проблемам образования и воспитания в СССР за 50 лет. Второй, под редакцией д-ра Ст. Рутковского, касается традиций Советской Армии и третий (редактор доц. И. Павловский) посвящен боевому содружеству Польской и Советской армий. В этом же высшем учебном заведении публикуется монография доц. М. Пирко — «Участие поляков в революции в Германии и Венгрии в 1918—1919 гг.».

Институт истории ПАН сдал в печать две монографии, связанные с Октябрьской революцией, а именно проф. В. Найдус «Поляки в Октябрьской революции» и д-ра Ю. Левандовского «Петроград в Октябрьские дни». Институт истории партии опубликует результат своего многолетнего труда «Книгу биографий поляков — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в России (1917—1920)». Она, правда, будет неполной, но несомненно обогатит наши знания об участии поляков в сражениях Октября. Такой же характер имеет издание Института истории партии под названием «Сборник воспоминаний поляков — участников революции и гражданской войны».

Институт истории польско-советских отношений ПАН уже представил первую из запланированных им работ. Это сборник документов, касающихся польско-советских отношений в 1917—1945 гг. Документы пере-

дены на польский язык и снабжены необходимым справочным аппаратом. Сборник, выходящий под редакцией д-ра Э. Басиньского, считается научно-популярным, но целый ряд документов, содержащихся в нем, впервые публикуется в Народной Польше, и это следует особо подчеркнуть. Второй том периодического издания «*Studia i materiały z historii stosunków polsko-gadzieckich*», выходящего при этом институте, посвящен проблематике отношений Народной Польши и Советского Союза в период послевоенного двадцатилетия. Предусмотрен также выпуск специального тома о польско-украинских, польско-белорусских и польско-литовских отношениях. В связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции выйдет шестой том капитального труда «Документы и материалы по истории польско-советских отношений», издаваемого совместно с советскими историками. Этот том уже сдан в печать; он охватывает период с 1933 до конца 1938 г.

Польская академия наук как высшая инстанция, ответственная за важные для развития нашего народа научные исследования, объявила конкурс на работы по Октябрьской революции. Жюри, возглавляемое чл.-корр. проф. Ст. Кеневичем, присудило премии следующим работам. Среди публикаций источников премии получили две работы: «Книга поляков — участников Октябрьской революции», изданная коллективом сотрудников Института истории партии, и польское издание пятого тома «Документов и материалов по истории польско-советских отношений». Среди монографий отмечена премией работа проф. В. Найдус «Поляки в Октябрьской революции». Среди научных докладов и статей удостоены премии статьи проф. Г. Яблоньского — «Значение Октябрьской революции для формирования национального государства и общественных отношений в Польше» и д-ра Ф. Тыха — «Отношение ППС-левицы, СДКПиЛ и КРПП к Октябрьской революции».

ОЛЬДЖИШКА КОДЕДОВА

ПОДГОТОВКА К ЮБИЛЕЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Празднование 50-летия Октябрьской революции — чрезвычайно важное событие политической и идеологической жизни нашей страны. В подготовку к торжествам, которыми в общегосударственном масштабе руководит Комиссия ЦК КПЧ во главе с членом Президиума ЦК КПЧ Иржи Гендрихом, активно включилась вся страна. В торжествах практически участвуют все чехословацкие государственные и культурные учреждения, общественные организации, весь идеологический фронт. Их деятельность должна привести к более глубокому пониманию чешским и словацким народами значения и последствий для нашей страны Октябрьской революции и успехов СССР, в частности ее влияния на возникновение ЧССР, на зарождение и революционную деятельность КПЧ. Празднование юбилея должно стать стимулом для более глубокого восприятия идей Октября, которые и сегодня являются фактором, оказывающим определяющее влияние на дальнейшее развитие мирового революционного процесса; должно также сделать доступным и понятным для молодежи революционные традиции чехословацкого народа, что, в свою очередь, будет способствовать углубленному осмыслению значения для ЧССР дружбы и союза с СССР.

Празднование юбилея будет способствовать улучшению идейно-воспитательной, массово-политической работы и творческому решению задач дальнейшего развития социализма в Чехословакии. Непосредственным же критерием результатов этой деятельности будет выполнение решений XIII съезда КПЧ. Коммунистическая партия Чехословакии, Революционное профсоюзное движение, Чехословацкий Союз молодежи, национальные комитеты и прочие организации и учреждения открывают широкий простор народной инициативе с тем, чтобы этот важный юбилей был отмечен серьезными и полезными для всего общества достижениями.

Торжества уже начались в Праге, Брно, Братиславе и других городах ЧССР, хотя в основном они будут проводиться во второй половине 1967 г. В течение первого полугодия прошли идеологические и тематические семинары по проблемам Великой Октябрьской революции и откликов на нее в международном рабочем движении и рабочем движении ЧССР, по вопросам развития СССР, по некоторым теоретическим вопросам и т. д. Состоялись, например, организованные Чехословацкой академией наук совместно с Социалистической академией семинары: «Революция и гуманизм», «История Великой Октябрьской социалистической революции и ее международное значение»; осенью состоится семинар на тему «Социализм и наука». Союз чехословацко-советской дружбы организовал семинар на тему «Внешняя политика и внутреннее развитие СССР за 50 лет». В рамках деятельности Революционного профсоюзного движения при

содействию Социалистической академии и Союза чехословацко-советской дружбы были уже организованы и в последующие месяцы будут проведены многочисленные лекции, беседы, выставки и т. д. Обе указанные организации очень активно работают в этом направлении.

Две общегосударственные конференции подготавливает Министерство школ, а во время каникул для учителей и воспитателей будут организованы идеологические семинары.

Министерство культуры и информации объявило конкурс на лучший проект монумента В. И. Ленина в Остраве-Порубе, проект памятника видного деятеля рабочего движения Йозефа Гибеша в Брно, проект памятника Освобождения в Копрживнице и т. д. В концертном сезоне юбилейного года будут исполняться выдающиеся музыкальные произведения советских композиторов, а некоторые из них включены в программу ежегодного музыкального фестиваля «Пражская весна». Чехословацкий государственный ансамбль песни и танца включил в свою программу на этот год также значительное число советских песен и танцев. Общегосударственные конкурсы, приуроченные к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, проводятся также в области театрального искусства, литературы, музыки, кино и телевидения. Будут организованы ознакомление с русским и советским театральным искусством, выставки советского искусства, дни культуры РСФСР и т. д. Осенью откроется новая экспозиция в музее В. И. Ленина в Праге. Широко отмечается юбилей Октября в Словакии.

Нельзя не упомянуть также о прочих многочисленных фактах подготовки к торжествам и их проведения, например, в промышленности, сельском хозяйстве, где принимались обязательства в честь 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В торжества активно включается и Чехословацкая академия наук. На 17 сентября 1967 г. готовится торжественное общее собрание членов ЧСАН, посвященное оценке результатов и дальнейших перспектив сотрудничества между ЧСАН и АН СССР.

Президиум ЧСАН создал рабочую комиссию во главе с академиком Й. Мацеком для руководства ходом подготовки и проведения торжеств в рамках ЧСАН. Мероприятия, которые отдельные институты, научные общества и издательства ЧСАН проводят в связи с годовщиной Октября, связаны прежде всего с их основной научной проблематикой. На торжественных собраниях важное место займут вопросы сотрудничества с соответствующими советскими научными учреждениями. Это же относится и к журналам, издаваемым ЧСАН.

Программа празднования включает встречи с советскими научными работниками. Большинство учреждений намеревается провести научные конференции, симпозиумы, выставки советской специальной литературы и т. д. На многих из этих конференций предполагается участие советских научных работников из соответствующих учреждений Академии наук СССР. Это позволит конкретно обсудить вопросы о дальнейшем углублении сотрудничества. В изданиях ЧСАН будет опубликован ряд статей и книг ученых ЧССР и СССР.

При освещении исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции ответственные задачи возлагаются на общественно-научные учреждения. Из мероприятий Академии наук следует в первую очередь отметить симпозиум, посвященный 50-й годовщине Октября и откликам на нее в ЧССР, проведенный в мае Институтом истории ЧСАН, Институтом истории САН и Институтом истории европейских социалистических стран ЧСАН в сотрудничестве с другими историческими учреждениями — Институтом истории КПЧ, Высшей политической школой, Фи-

лософским факультетом Карлова университета, Философским факультетом университета им. Коменского в Братиславе, Военно-историческим институтом и Военно-политической академией. В симпозиуме приняли участие историки СССР. Научной комиссией по философии и социологии и Институтом философии ЧСАН в сотрудничестве с Институтом философии САН в октябре будет проведена конференция на тему: «Концепция ленинизма в философии». Научную конференцию к 50-й годовщине Октября готовит Институт государства и права ЧСАН в сотрудничестве с Юридическим факультетом Карлова университета. Готовится конференция археологов о славянской культуре V—VII вв. Некоторые институты примут участие в конференциях, посвященных 50-й годовщине Октябрьской революции, проводимых за границей.

В учреждениях также пройдут торжественные собрания, посвященные Октябрьской революции. В праздничных торжествах примет участие Центральный архив ЧСАН, который организует лекции и выставку на тему: «Академия наук СССР и Чехословацкая Академия наук». В изданиях ЧСАН печатаются советские материалы. Работы по истории публикуются в журналах: «Československý časopis historický», «Historický časopis», «Přspěvku k dějinám KSČ», «Dějiny a současnost». Журнал «Slověnský přehled» почти в каждом номере уделяет внимание проблематике Великого Октября. Этой проблематике будет посвящен и специальный выпуск журнала (№ 5). Ряд работ некоторых чехословацких историков будет опубликован в советских журналах.

Историческое общество помимо участия в перечисленных выше мероприятиях готовит специальное заседание, посвященное 100-й годовщине издания I тома «Капитала» Маркса. Педагогическое общество ожидает группу из 10 советских педагогов, которые прочитают в ЧССР ряд лекций и будут вести переговоры о взаимном сотрудничестве.

Годовщина Октября будет отражена и в издательской деятельности. В планы издательства включено 40 чешских и словацких работ, прямо или косвенно связанных с юбилейной тематикой. В особенности широко представлена историческая литература, где имеется ряд синтетических работ. Преобладают работы оригинальные. Из советской художественной литературы были выбраны лучшие произведения беллетристики и поэзии. В целом будет опубликован широкий круг работ различного профиля: научные работы, популярные произведения для молодежи, документы и мемуары.

Издательство «Академия» уже выпустило книгу «История чешско-русских отношений, 1770—1917 гг.», I том (700 стр.). Это коллективная научно-популярная работа Института истории европейских социалистических стран ЧСАН, в которой дается синтетическая картина чешско-русских и словацко-русских связей. Вышла также работа, подготовленная Институтом истории европейских социалистических стран совместно с Институтом славяноведения АН СССР: «Из истории чехословацко-советских отношений 1917—1938». Сотрудники Института истории социалистических стран работают над «Историей России», основное внимание в которой будет уделено политической истории России с экскурсами в вопросы культурного, экономического и социального развития. Сотрудники Института истории готовят книгу по истории Советского Союза, в которой будет освещено развитие СССР с 1917 по 1965 г.

В Издательстве «Свобода» готовится публикация оригинальной работы И. Мушки «Судьбы революции 1917 г.». Автор анализирует неопубликованные ранее документы и привлекает обширную литературу о Великой Октябрьской революции. В выходящей в этом же издательстве работе «В революции и после революции» рассматриваются проблемы ленинизма

с точки зрения современного состояния научных исследований. Здесь же выходит сборник последних работ В. И. Ленина под названием «Завещание Ленина». Кроме отдельных писем, адресованных партии, сборник будет содержать впервые опубликованные дневники секретарей В. И. Ленина и некоторые его личные письма. В работе также содержатся отклики западных писателей и политиков на смерть В. И. Ленина.

Издательство «Свободное слово» издает работу М. Вебра «К ленинскому пониманию социализма». Автор обращается к политическим и экономическим вопросам, стоявшим перед Советской Россией в 1921—1923 гг., и освещает многие стороны деятельности В. И. Ленина. Обогащают представление об СССР выходящие в издательстве «Орбис» книга Мартина «История советского театра в 1917—1941 гг.» и работа Гертлера «Отклики на Великую Октябрьскую революцию в Средней Чехии» (речь идет о сборнике исторических статей, документов и воспоминаний). В издательстве «Прага» выйдет обзорная работа под названием «50 лет дружбы советских и чехословацких профсоюзов». В ней содержатся не только статьи, но и воспоминания, а также богатый иллюстративный и документальный материал, касающийся связей между чехословацкими и советскими профсоюзами как в период буржуазной республики, так и после освобождения (издается совместно с издательством «Прага» в Братиславе). Государственное педагогическое издательство вновь печатает «Очерки по истории СССР», т. II (с 1861 г. до сегодняшнего дня), предназначенные для педагогических факультетов. В издательстве «Наше войско» вышла работа Й. Кржижека, К. Пихлика, В. Враны «Красно-белое и красное», где дается широкая картина национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов во время первой мировой войны. «Млада фронта» готовит «Русское чудо глазами целого мира». В этой книге отражаются успехи Советского Союза за прошедшее пятидесятилетие, увиденное глазами мировой общественности. Факты и документы объясняют рост экономического и политического могущества СССР. Автор делает попытку показать гигантский и сложный путь, пройденный Советским Союзом от октября 1917 г. до сегодняшнего дня. Я. Моравец работает над книгой «Октябрь и современность», в которой будет показано интернациональное и национальное значение событий и идей Великой Октябрьской социалистической революции. В издательстве «Свет советов». А. М. Дунаевский готовит книгу «Исчезновение Ярослава Гашека» — интересный рассказ о пребывании бессмертного создателя Швейка в России в период Октябрьской революции. Будет издана также книга «Пятьдесят победоносных лет». Государственное издательство детской литературы готовит книгу Й. Мушки «Рождение завтрашнего дня», где автор в форме репортерского дневника показывает наиболее важные моменты революционных дней 1917 г. в России.

Словацкие издательства также запланировали ряд публикаций. Издательство политической литературы предусматривает публикацию книги Л. Санто «Октябрь и мой путь к марксизму». Это — мемуары марксиста-философа академика Л. Санто, в которых автор пишет о своей молодости, учебе и пребывании в революционной России. В последней части книги говорится об актуальных современных идеологических и философских вопросах. Планируется также издание книги Л. Липтака «Советское хозяйство», в которой освещаются перемены в экономике СССР за 50 лет. Воспоминания словацких и чешских участников Великой Октябрьской революции и гражданской войны в Советской России будут опубликованы в сборнике «Революционные годы». В него войдет много интересного и до сих пор не известного материала об участии чехов и словаков в революции. Выйдет также тематический сборник работ В.И. Ленина «О нор-

мах партийной жизни». Издательство опубликует работу Грегора «Философские проблемы революции», в которой рассматриваются вопросы революционных перемен общества. Автор опирается на взгляды классиков марксизма-ленинизма на революцию и дает анализ исторического революционного опыта.

Издательство Словацкой академии наук в периодическом издании «Slovenské štúdie» публикует материалы о значении Великой Октябрьской революции для народов социалистических стран. Словацкое педагогическое издательство издает «Актуальные вопросы воспитания и образования в СССР», сборник статей по педагогике, теории воспитания и развитию школьного дела в СССР. Издательство «Банска Быстрица» выпустит книгу Я. Млынарика «От Великой Октябрьской социалистической революции к возникновению КПЧ в средней Словакии».

В заключение можно сказать, что вышеприведенный обзор мероприятий по подготовке к празднованию Великой Октябрьской революции в ЧССР свидетельствует о том, что торжества будут выдающимися событиями в политической, идеологической, научной и культурной жизни страны.

ПЕРО ДАМЯНОВИЧ

ЮГОСЛАВСКАЯ НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

В югославском революционном движении стало традицией отмечать каждую годовщину Октябрьской социалистической революции.

Первые, хотя и весьма скромные отклики на Октябрьскую революцию появились уже в ее первую годовщину в отдельных газетах того времени. Так, орган Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины «Глас слободе» опубликовал приветствие Октябрьской революции, рабочим и крестьянам России¹. Однако для полноты картины здесь, видимо, следует упомянуть, что отклики на победу Октября имели место в разных формах в отдельных областях Югославии. Так, рабочие Словении одними из первых приветствовали победу Октябрьской революции на антивоенных митингах (например, на митинге, состоявшемся 2 декабря 1917 г. в Любляне, и в некоторых других городах Словении²).

Правда, война еще продолжалась, но уже приближался крах австро-венгерской монархии после поражения ее армий на различных фронтах. Наметились первые сдвиги в рабочем движении Югославии. Отдельные социал-демократические организации возобновили свою работу, готовились к изданию газет, расценивая победу Октября как стимул для развития собственной революционной борьбы³. И хотя в связи с такой обстановкой еще не было предпринято каких-либо действий, непосредственно связанных с первой годовщиной Октября, уже в то время появились отдельные документы и статьи, в том числе и настоящие исследования, авторы которых пытались проникнуть в суть событий в России.

Назовем здесь статью Филипа Филиповича, опубликованную в упомянутом выше «Гласе слободы» в конце апреля 1918 г.⁴, статью-воззвание одного из руководителей Сербской социал-демократической партии и ее депутата в парламенте Триши Кацлеровича «В защиту русской революции»⁵, работу Живко Йовановича, опубликованную в органе Сербской социал-демократической партии — газете «Радничке новине» в конце декабря 1918 г. — в январе 1919 г.⁶

¹ См. «Po ruskom primeru». — «Narodna armija», Beograd, XI 1957.

² Антивоенный митинг состоялся в тот же день и в Загорье на Саве. На нем была принята резолюция, в которой, в частности, говорится: «Долг пролетариата всего мира поддержать русских революционных социал-демократических рабочих в борьбе за европейский мир на основе принципов русских социал-демократов» (Архив Словении, f. Landespräsidium in Laibach, № 3557).

³ Кроме упомянутого сараевского «Гласа слободе», люблянская газета «Напрей» стала также положительно оценивать русскую революцию; в 1918 г. в Загребе стала выходить газета «Правда», уделявшая большое внимание проблематике Октября.

⁴ «Glas slobode», Sarajevo, 27 IV 1918.

⁵ См. Т. К а с л е р о в и ć. Cimervaldska konferencija. Beograd, 1957 .s. 33—35; S. D i m i t r i j e v i ć. Bibliografija socijalističkog i radničkog pokreta u Srbiji. Beograd, 1953.

⁶ «Radničke novine», 28—31 XII 1918 (10—13 I 1919 г.) и 2 (15), 3 (16), 7 (20) и 8(21) I 1919.

По-видимому лучше всего отношение к Октябрю отражено в воззвании, опубликованном в ноябре 1919 г. в газете «Радничке новине» в связи со второй годовщиной Октябрьской революции. Призвав трудящихся Югославии как можно торжественнее отметить вторую годовщину победы русской революции, газета писала: «Русская революция уже не только дело русского пролетариата, она давно стала делом пролетариата всего мира»⁷. Заняв такую позицию еще на Объединительном съезде, только что созданная объединенная Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов), которая уже в следующем году на своем Втором (Вуковарском) съезде была переименована в Коммунистическую партию Югославии, и далее продолжала в таком же духе выражать свое отношение к Октябрю.

Это было прежде всего отношение одного революционного движения к другому, имеющее целью ознакомиться с ним, популяризировать его достижения, проводить революционные акции в знак солидарности с ним, и, наконец, путем популяризации революционных свершений в одной стране добиваться собственной закалки, готовиться самим к выполнению таких же революционных задач, что и является самым высшим проявлением пролетарского интернационализма.

Такая позиция югославского революционного движения оставалась неизменной на протяжении всей его многолетней истории. Солидарность с Октябрем, с идеями Ленина невозможно было уничтожить даже в те тяжелые годы, когда коммунистическая партия была запрещена, а «пропаганда идей коммунизма и всякая коммунистическая деятельность» преследовались и карались многолетней каторгой и даже смертной казнью⁸. Наперекор всему этому в мрачные годы реакционных режимов, каждая годовщина Октября отмечалась в Югославии либо воззваниями и докладами о значении русской революции, либо распространением листовок, в которых разъяснялось значение сохранения Советской власти, пропагандировались итоги социалистического строительства в СССР, а пролетариат Югославии призывался следовать примеру советского народа. Многие коммунисты были арестованы за участие в акциях, связанных с проведением годовщин Октября⁹.

По-новому стали отмечать годовщины Октября в годы народно-освободительной борьбы. Когда фашистская Германия напала на СССР — первую страну социализма, бывшую крупным препятствием на пути Германии к достижению мирного господства, Коммунистическая партия Югославии и трудовой народ не могли допустить, чтобы советский народ один вел борьбу за свободу человечества. Сразу же раздался призыв к восстанию¹⁰. И праздник Октября в эти решающие для судеб советской страны дни все прогрессивные люди и патриоты Югославии в еще большей степени считали своим народным праздником. Наряду с воззваниями, имевшими четкое политическое содержание, уже в 1941 году орган КПЮ газета «Борба» поместила и ряд статей в ознаменование 24-й годовщины Октябрьской революции¹¹. В освобожденном городе Ужице в честь этой годовщины состоялся военный парад. Как известно, это был единственный парад за пределами Советского Союза, происходивший в тяжелое время разгула гит-

⁷ Ibid., 6 XI 1919.

⁸ См. пресловутый «Закон о защите государства и общественной безопасности» от 1 августа 1921 г. («Službene novine Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca», 3 VIII 1921).

⁹ Подробно об этом будет рассказано в книге «Годовщины Октября в Югославии в 1918—1945», которая выйдет из печати в этом году.

¹⁰ Имеются в виду прежде всего воззвания ЦК КПЮ от 22 июня и от 12 июля 1941 года.

¹¹ См. «Istorijski arhiv CKKPJ», t. I, knj. 1.

леровской военщины¹². Во многих местах Югославии накануне того дня появились также октябрьские костры, которые гордо горели на склонах гор над многими городами Далмации, в Лике и других местах. Следующее, юбилейное, 25-летие отмечалось уже гораздо разнообразнее. Кроме воззваний ЦК КПЮ, которые были размножены в каждом крае, в каждой области вплоть до городских комитетов, были разработаны инструкции по проведению годовщины Октября, разосланные в партийные организации в армии, а также в формировавшиеся на освобожденной территории органы народно-освободительного движения, являвшиеся по существу органами новой революционной власти¹³. Инструкции содержали рекомендации по проведению целого ряда мероприятий: лекций, концертов, военных парадов, совместных собраний воинских частей, населения и молодежи, а также боевых действий в честь Октября. Но наибольшее значение имел, конечно, приказ Верховного главнокомандующего Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии Тито от 4 ноября 1942 г. об активизации военных действий в честь 25-й годовщины Октября. В нем подчеркивалось значение завоеваний советского народа за истекшие четверть века, которые сейчас оказались под угрозой в результате коварного нападения фашистских грабительских орд, и отмечалось, что весь советский народ «как гранитная скала встал на защиту своих завоеваний, на защиту своей великой социалистической родины»¹⁴. Далее в приказе говорится: «Вместе с советским народом, вместе с нашим героическим союзником Красной Армией и партизанами Советского Союза мы уже 17 месяцев боремся против фашистских оккупантов и их прислужников. Это наш долг перед нашими народами, это наш долг перед нашим великим союзником — Советским Союзом, который несет на своих плечах почти всю тяжесть этой кровопролитной войны за спасение человечества от фашистских поработителей»¹⁵.

В те дни 1942 г., выполняя приказ своего Верховного главнокомандующего, широкие военные операции в честь Октября предприняли соединенные Народно-освободительной армии Западной Боснии и Хорватии, которые в честь 25-летия Октября совместными усилиями освободили Бихач¹⁶.

Нет нужды подчеркивать, что позднее, когда наша родина была освобождена и вступила на социалистический путь развития, наш народ стал еще более широко отмечать годовщины Октябрьской революции.

Особенно большое внимание было уделено ознаменованию таких юбилейных дат как 30-летие и 40-летие Октября¹⁷.

Поэтому совершенно понятно и естественно, что юбилейная 50-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции отмечается особенно торжественно и широко.

Советской общественности уже известно, что в Югославии, как и в ряде других стран, создан Комитет по проведению 50-летия Октябрьской социалистической революции. Он образован по инициативе ЦК КПЮ.

¹² В связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции в Ужице была организована выставка об СССР, которая затем демонстрировалась в других освобожденных районах. См. N. Ljubičić, I. Porović, M. Kavačević, M. Kađavačević-Farbin. Užice 1941. Beograd, 1961, s. 424.

¹³ Подробнее в подготавливаемой книге «Godišnjice Oktobra u Jugoslaviji 1918—1945»

¹⁴ Arhiv radničkog pokreta Jugoslavije, f. K I, Depeše CK KPJ — K I.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ См. «Borbeni pozdrav Oktobru, sećanja general-potpukovnika Koste Nadja na bihačku operaciju početkom novembra 1942. godine». — «Narodna armija», 7 XI 1957.

¹⁷ К 40-летию Октября вышли из печати книги: «Oktobarska revolucija. Četrdeset godina — Spomenica». Zagreb, 1957, 325 s.; F. Culinović. Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima. Zagreb, 1957, 514 s.

Аналогичные комитеты были созданы во всех республиках, общинах и городах. Существуют также комитеты или рабочие группы и в различных общественных организациях, в профсоюзах, в армейских частях, на предприятиях, в трудовых коллективах и т. д.

На своем первом заседании, состоявшемся в апреле 1967 г., Комитет полностью поддержал и приветствовал инициативу научных организаций, к тому времени уже начавших подготовку к проведению 50-й годовщины Октября.

Наиболее значительную работу в этом направлении проводит Объединение югославских институтов и других учреждений по истории рабочего движения и Союза коммунистов Югославии (СКЮ). Это Объединение в конце 1965 приняло программу деятельности, которая в настоящее время выполняется. Кроме того, Объединение координировало свою работу с программой Научного совета по комплексной проблеме истории Великой Октябрьской социалистической революции Академии наук СССР, учитывая рекомендации двух совещаний, состоявшихся по инициативе этого Совета в Москве в 1963 и 1965 гг.¹⁸

Научная деятельность, приуроченная к 50-летию Октября, широка и разностороння. Наиболее крупным мероприятием в этом отношении явится научная конференция «Октябрьская революция и народы Югославии», которая состоится в конце октября 1967 г.

Конференция задумана как комплексная. На ней будут рассмотрены следующие проблемы: историческая тематика будет охватывать круг вопросов, связанных с событиями в Югославии в период Октябрьской революции (1917—1921); здесь будут рассмотрены такие вопросы, как революционное общественное движение в период до конца первой мировой войны в рамках австро-венгерской монархии, в состав которой входила тогда часть югославянских земель; классовые бои в только что созданном объединенном государстве — Королевстве сербов, хорватов и словенцев, которое благодаря ряду причин (обстоятельства, при которых оно было создано, великосербская гегемония, помощь западноевропейских стран-победительниц, игнорирование решения национального вопроса, установление социального и политического гнета) уже с самого начала содержало в себе зародыши многочисленных социальных и политических противоречий и кризисов. В программу конференции войдут темы, касающиеся более широких проблем того времени — в первую очередь влияния идей Октября на югославское революционное рабочее движение, на сдвиги в политике социал-демократических партий и организаций того времени, в рядах которых наиболее передовые элементы стремились к усвоению идей коммунизма и вступлению в ленинский Третий Интернационал.

Другая тематическая группа охватывает ряд теоретических проблем и вопросов, связанных с итогами социалистического развития за истекшие 50 лет. Сюда прежде всего войдут вопросы о роли и характере революционной организации пролетариата, о ленинской теории партии, о том как эта теория претворялась в жизнь при создании Коммунистической партии Югославии и в ходе ее борьбы; о национальном вопросе в теории марксизма и в практике социализма; о влиянии Октябрьской революции на международное рабочее движение на протяжении полувека.

Третья группа проблем, которые будут рассмотрены на конференции, касается вопросов права; здесь будут представлены темы, имеющие своей целью выяснить, в каких областях и каким путями Октябрь открыл новую страницу в области права, дал новые юридические толкования, какие новые

¹⁸ В этих совещаниях в качестве представителя югославских научных работников участвовал автор этих строк.

области общественной и экономической жизни нашли свое отражение в конституции и других правовых актах. На конференции будет уделено специальное внимание всестороннему освещению матросского восстания в Боке Которской 1 февраля 1918 г., его значению, характеру и откликам на него с учетом того, что по составу участников это восстание было интернациональным. Поэтому нам бы хотелось, чтобы одно из самых крупных научных мероприятий в Югославии, приуроченных к 50-летию Октября (каким явится эта конференция), отразило бы самое значительное событие в жизни югославских народов того времени, на котором, с одной стороны, сильно сказалось влияние Октября, а, с другой, в котором особенно ярко проявилась солидарность с Октябрьской революцией и ее идеями. Есть основания предполагать, что по проблематике восстания в Боке Которской, а равно и по некоторым другим вопросам выступят иностранные участники конференции, особенно соотечественники участников этого крупного матросского восстания.

Конференция задумана как общегославская, и уже сейчас заявки на доклады и сообщения на ней поступили из всех научных центров страны. Свыше 120 человек заявили о своем желании участвовать в конференции¹⁹.

Вторым крупным мероприятием, которое предпринимает Объединение институтов, является подготовка одного или двух томов сборника документов об участии югославских интернационалистов в Октябрьской революции. Издание материалов задумано как совместная советско-югославская публикация. Для ее подготовки создана совместная югославско-советская редколлегия. В сборник в первую очередь войдут документы, освещающие участие югославов в Октябрьской революции. Как показывают проведенные до сегодняшнего дня исследования, югославов — активных участников Октябрьской революции и гражданской войны — было несколько десятков тысяч, они имели свои революционные организации (партийные и другие), сформировали ряд отрядов Красной гвардии вплоть до отдельных полков или же в других формах включались в борьбу за Советскую власть. Известно, что многие из них, проявив незаурядную храбрость в боях, заняли видное место в летописи гражданской войны. Это — Олеко Дундич, Данило Сердич, Густав Барабаш, Андрия Стоянович, д-р Вукашин Маркович и другие. Многие из участников Октябрьской революции играли позднее видную роль в создании Коммунистической партии Югославии и руководстве революционным движением. Это — Владимир Чоич, бывший первым организационным секретарем (тогда он назывался техническим секретарем) ЦК КПЮ, Никола Грулович, Лазарь Вукичевич, Иван Матузович, Павле Грегорич, Никола Ковачевич и многие другие. Участником Октябрьской революции был и Йосип Броз Тито, а непосредственную связь с русским революционным движением поддерживал Филип Филипович — один из основателей КПЮ и первый ее генеральный секретарь, который много лет был членом большевистской партии и в период Октября был тесно связан с большевиками.

Другой публикацией, имеющей в известной мере аналогичный характер и обладающей такой же документальной ценностью, явится издание воспоминаний югославов — участников Октября. С этой целью проведена большая работа по сбору мемуарных материалов от всех ныне здравствующих участников Октября и гражданской войны²⁰.

¹⁹ Поступили заявки от 126 научных работников из различных научных центров Югославии. Кроме того, ожидается присутствие около 30 иностранных ученых почти из всех европейских стран, в том числе из СССР.

²⁰ Многие участники Октябрьской революции уже представили свои воспоминания.

Судя по объему уже собранных материалов, можно полагать, что они составят два тома воспоминаний, которые будут снабжены соответствующим научным аппаратом, биографиями авторов и комментариями. Ожидается, что в это издание войдут и воспоминания ряда советских активных борцов и деятелей периода Октябрьской революции, встречавшихся с известными участниками Октября из Югославии ((Дундичем, Сердичем, Барабашом и другими).

Большой интерес представит публикация, посвященная тому, как в Югославии отмечались годовщины Октября с 1918 до 1945 года. Специально образованная редакция уже больше года занимается исследованием материалов по этой теме, собирает воззвания и другие документы, а также сведения о событиях, происходивших во время отдельных годовщин, которые можно было бы использовать в комментариях ²¹.

Ведется у нас работа и по подготовке библиографии изданий об Октябре в рамках обширного плана по изданию Международной библиографии об Октябре (план обсуждался на упомянутых совещаниях историков социалистических стран в Москве и, в частности, на совещании, состоявшемся в октябре 1965 г.). Библиография составит два тома. В первый войдут отдельные издания и брошюры, посвященные Октябрю и вышедшие до 1945 г., а также статьи из партийной и другой прогрессивной периодики за тот же период. Этот том уже подготовлен к печати (он содержит свыше 2500 библиографических единиц) и его выход в свет ожидается к юбилею. Во второй том войдут материалы за период от освобождения Югославии до конца 1967 г. Его выход в свет ожидается в следующем году.

Группа югославских научных работников, представляющая Объединенные институты по истории рабочего движения, приняла участие в Международной научной конференции «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», состоявшейся в марте 1967 г. в Москве ²². Помимо того, что эти доклады среди остальных материалов конференции будут опубликованы в Советском Союзе, они будут подготовлены к печати и в Югославии. Кроме доклада и сообщений югославских ученых, а также предисловия с освещением хода самой конференции, ее характера и значения в книге будут опубликованы доклады двух советских авторов — акад. И. И. Минца («Великая Октябрьская революция и прогресс человечества») и д-ра А. Я. Манусевича («Некоторые вопросы истории интернационалистского движения в России в 1917—1920 гг.»). Обобщающая тематика этих докладов будет способствовать более полному освещению как всемирно-исторического значения Октябрьской социалистической революции, так и достигнутых к настоящему времени результатов исторических и других исследований об участии иностранных трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне. Есть уверенность, что книга объемом около 550 страниц выйдет из печати до конца этого года.

Многие другие научные учреждения и институты в Югославии также разработали специальные планы в честь юбилея.

Так, Югославянская академия наук и искусств в Загребе планирует опубликовать сборник трудов, посвященных влиянию Октябрьской революции на развитие революционного движения и на политическую и культурную историю югославских народов. Для реализации этого замысла

²¹ Все материалы для этой книги (в основном воззвания ЦК КПЮ и других политических организаций рабочего класса в отдельных областях) объемом в 300 страниц уже собраны. Собирается также и обширный документальный материал о самих акциях, которые проводились в связи с той или иной годовщиной Октября.

²² На этой конференции главный доклад от Югославии сделал д-р С. Димитриевич, с сообщениями выступили д-р И. Бабиц, П. Дамянович, д-р И. Катарджиев, Н. Петрович, Н. Попович, д-р Д. Вуйович и акад. Б. Зихерл.

привлечены авторы из всех республик Югославии, и ожидается, что этот сборник, разнообразный по своей тематике, будет иметь объем около 50 авторских листов.

Отдельные учреждения предусматривают организацию специальных научных конференций. Так, например, Морской институт планирует провести научную конференцию, которая состоится в 1968 г. и которая будет посвящена революционным событиям на Адриатике в 1918 г. Хотя эта конференция на первый взгляд имеет более широкий характер, так как она будет рассматривать события, связанные с завершением первой мировой империалистической войны и созданием объединенного югославского государства, по своему общему содержанию она тесно связана с проблематикой Октябрьской революции, потому что все события вызваны в первую очередь победой революции в России. Поскольку эти восстания были отражением не только социального, но и национального движения, именно эти научные конференции должны явиться вкладом во всестороннее исследование их подлинного характера.

В отдельных Институтах рабочего движения, наряду с участием в совместных мероприятиях, по их собственной инициативе разработаны программы, посвященные юбилею Октября; готовятся монографии и отдельные издания, планируются конференции на более узкие темы, посвященные влиянию идей Октября на те или иные регионы или в определенных специфических сферах общественной и культурной жизни. Такие конференции готовят, например, Исторический институт Черногории (совместно с обществом историков) и Институт по изучению истории рабочего движения Социалистической Республики Хорватии в Загребе. Все институты посвящают проблемам Октября (частично или полностью) отдельные выпуски своих периодических изданий. Так, например, Институт по изучению рабочего движения в Белграде пятый номер своего научного периодического издания «Prilozi za istoriju socijalizma» целиком посвящает проблематике Октябрьской социалистической революции. Здесь будут опубликованы статьи югославских и зарубежных авторов. Институт по истории рабочего движения в Загребе также целиком посвятит этой теме выпуск своего периодического издания «Putovi revolucije». Предполагается, что материалам по октябрьской проблематике будет посвящена часть очередных выпусков: издания Института истории рабочего движения в Любляне «Prisrevki», «Prilozi» Института рабочего движения Боснии и Герцеговины в Сараеве, «Istorijski zapisi» Института в Титограде и «Glasnik» Института истории в Скопле. Ряд материалов опубликует и только что созданный журнал «Putovi revolucije» — орган группы Институты рабочего движения в Сербии (институты в Белграде, Нови Саде и Приштине). И другие научные журналы, такие как, например, «Jugoslovenski istorijski časopis», «Istorijski glasnik» и т. д. опубликуют статьи, посвященные Октябрю. Это относится и к периодическим изданиям отдельных факультетов или научных и специальных организаций, таких как «Arhiv za pravne nauke», журналы по социологии, философии и т. д.

Здесь следует также сказать о подготовке двух монографических исследований, которые будут посвящены Октябрю. Во-первых, это работа д-ра Богумила Храбака, одного из самых активных современных югославских исследователей проблематики об участии югославын в Октябрьской революции и о некоторых аспектах откликов на Октябрь в югославском рабочем движении. Согласно плану Института по изучению рабочего движения в Белграде он уже долгое время работает над монографией «Югославыне в годы Октябрьской социалистической революции и иностранной интервенции». Монография должна быть подготовлена к печати в этом году в объеме около 450 страниц. Во-вторых, это диссертация сотрудника Ин-

ститута Новицы Воиновича «Октябрьская революция и Советы». Исследование об участии словенцев в Октябрьской революции готовит сотрудник Института рабочего движения в Любляне Франце Клопчич.

Рассматривая научную программу мероприятий в честь этого юбилея, нельзя упускать из виду и инициативу отдельных издательств и некоторых других научно-просветительных организаций, которые также вносят свой вклад в освещение отдельных тем об Октябре.

Так, издательство «Младост» уже опубликовало первую посвященную Октябрю книгу, которую подготовил Слободан Босильич, с предисловием Родолюба Чолаковича. Это роскошное издание, технически и художественно хорошо подготовленное, с богатым иллюстративным материалом и является по существу первой в Югославии иллюстрированной историей Октябрьской революции. Текст, занимающий половину этой книги, служит только пояснением к некоторым самым важным событиям, которые предшествовали Октябрьской революции, событиям самого Октября и, позднее, гражданской войны, а также к событиям, связанным с участием югославян в Октябре.

Подобное издание подготовило и издательство «Комунист». Книга эта носит название «СССР — страна Октября». Она содержит статьи советских и югославских авторов, в том числе большую статью товарища Тито «Октябрьская революция и народы Югославии», статьи Н. В. Подгорного, маршала Советского Союза А. А. Гречко, генерала армии Ивана Гошняка, Родолюба Чолаковича, И. И. Палецкиса, Е. А. Фурцевой, космонавта Ю. Гагарина, известных советских и югославских ученых — А. А. Благонравова, В. М. Хвостова, Райко Томовича, Л. А. Леонтьева, а также статьи ряда деятелей культуры и т. д. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом. Она выходит под общей редакцией Родолюба Чолаковича.

Цикл лекций, посвященный юбилею Октября, предполагается провести, например, в Коларчевом народном университете, известном белградском лектории, который занимается не только популяризацией научных знаний, но и информацией о новейших достижениях ряда наук. Принимая во внимание авторитет этого учреждения, естественно ожидать, что эти лекции можно будет опубликовать отдельной книгой. Нечто подобное предлагает сделать и культурный центр Белграда, который намеривается организовать так называемые «беседы за круглым столом» на отдельные темы об Октябре, например, о роли Ленина в Октябре, о роли революционной партии в революции, о югославянском революционном движении и идеях Октября и пр. К этим беседам будут привлечены лучшие специалисты по определенным проблемам и по самым разным отраслям науки; философы, социологи, историки, юристы и т. д. Можно ожидать, что и эти беседы будут интересными и пройдут на высоком уровне. Они помогут решить некоторые вопросы или хотя бы заставят задуматься о еще мало известных или недостаточно исследованных аспектах октябрьской тематики. С такого рода инициативой выступают и некоторые другие научные центры нашей страны.

Таковы некоторые данные о планах, уже частично реализованных в области научного освещения в Югославии проблематики Октябрьской социалистической революции в связи с ее 50-летием.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Д. ОЧАК. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.). Изд-во МГУ, 1966, 338 стр.

Историографию проблемы нельзя назвать обширной: это статья И. А. Петерса¹ и ряд работ, принадлежащих автору рецензируемой книги. Уже в первой статье И. Д. Очака о югославянских интернационалистах² были намечены основные направления в исследовании, получившие дальнейшее развитие в работах о югославянских политических организациях в России³. Книга расширяет наши представления о солидарности югославянских интернационалистов с трудящимися России в борьбе за власть Советов, вводит в научный оборот новые факты. Она написана на основе изучения широкого круга источников — архивных документов, периодической печати, мемуарной литературы. При ее подготовке появились и новые источники — это воспоминания участников Октябрьской революции, сообщенные автору в письмах или беседах с ним.

Книга состоит из трех глав: первая посвящена положению югославянских военнопленных в России, зарождению среди них революционного движения в период подготовки социалистической революции; следующие две главы охватывают период с октября 1917 г. и до окончания гражданской войны в СССР, при этом в одной исследуется деятельность югославянских

политических организаций в Советской России, в другой — собраны основные сведения об участии югославянских интернационалистов в борьбе народов России за завоевания Великого Октября.

Как нам представляется, наиболее сложным явилось изучение вопроса об организации, которая сложилась на Украине летом 1917 г. под названием «Югославянский революционный союз». Автор достаточно ясно показал связь между образованием этого «Союза» и движением, которое возникло в результате Февральской революции в Югославянском добровольческом корпусе, сформированном сербской военной миссией из югославян — австро-венгерских военнопленных, и получило название «диссидентского движения»⁴. Автор рассматривает и причины этого явления: рост антивоенных настроений, жестокий режим в корпусе, противоречия между великосербской шовинистической политикой, проводимой в корпусе сербскими королевскими офицерами, и стремлениями добровольцев, вступивших в корпус, чтобы бороться за создание Югославии — как государства свободных и равноправных югославянских народов. Неоднородный состав диссидентов — от рабочих социал-демократов до буржуазных националистов — отразился и на «Югославянском революционном союзе», основную массу которого составляли крестьяне, одетые в шинели солдат-военнопленных.

Надо отметить, что почти при полном отсутствии документов, И. Д. Очаку все же удалось воссоздать историю возникновения и деятельности «Югославянского революционного союза». Помимо опубликованных материалов, содержащих отдельные факты о «Союзе», исследователь получил дополнительные сведения от бывшего члена ЦИК «Союза» Н. Груловича и использовал их в книге. Однако такой метод сбора материалов о «Союзе», особенно о его программных установках и взглядах его руководителей требует проверки полученных данных и сопоставления их с уже имеющимися материалами. Между тем этого в работе не проведено. Более того, в ней содер-

¹ И. А. Петерс. Югославські комуністи в Радянській Росії в 1918—1920 р.— «Український історичний журнал», 1957, № 2.

² И. Д. Очака. Из истории участия югославян в борьбе за победу Советской власти в России. 1917—1921 гг.— В сб. «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», Госполитиздат, 1957.

³ И. Д. Очака. Вопрос об участии южных славян в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921) в историографии.— «Тезис доповідей», Ужгород, 1962; его же. Боевое содружество.— «Новая и новейшая история», 1964, № 1; его же. Югославянский революционный союз на Україні (1917 р.).— «Український історичний журнал», 1965, № 5; его же. Югославянские коммунистические группы РКП(б) в 1918 г.— В сб. «Интернационалисты в боях за власть Советов», «Мысль», 1965; его же. Югославянские Советы в России в 1918—1921 годах.— «Вопросы истории», 1966, № 6.

⁴ «Диссидент» — отступник, раскольник; так официальные сербские круги называли солдат и офицеров Югославянского добровольческого корпуса, ушедших из него в апреле — мае 1917 г.

жаты некоторые оценки, противоречащие фактическим сведениям, приводимым в самой книге. Так, автор утверждает, что диссидентское движение представляло собой протест против войны, и в то же время он без всякого комментария сообщает, что ЦИК «Союза» (а ведь «Союз» включал в себя только диссидентов!) с согласия властей формировал югославянский отряд для действия на фронте в составе русской армии (стр. 48, 56—60). Такое противоречие следовало объяснить. Видимо, большинство членов «Югославянского революционного союза», в том числе и те, кто до войны были социал-демократами, находились еще под сильным влиянием революционного оборончества. Этим именно и объясняется то, что ЦИК «Союза» направил своих представителей, в том числе и Н. Груловича, на милитаристский и шовинистический Всеславянский съезд, состоявшийся в Москве незадолго до Октябрьской революции. Однако черносотенный характер этого съезда оказался неприемлемым для делегатов «Союза». Встреча же Н. Груловича в Москве с большевистски настроенными рабочими-югославянами способствовала возникновению в «Югославянском революционном союзе» интернационалистического течения.

В книге не показана сложная политическая обстановка на Украине, в которой пришлось действовать «Югославянскому революционному союзу» после Великой Октябрьской социалистической революции. Например, отмечается, что отдельные революционные элементы из югославян участвовали в октябре 1917 г. в боях трудящихся Киева против властей Временного правительства. Но при этом автор сообщает, что большинство солдат югославянского отряда в этих событиях придерживалось нейтралитета, а затем по поручению Центральной Рады, воспользовавшейся свержением Временного правительства и установившей свой режим на Украине, выполняло полицейские функции, неся охрану тюрьмы (стр. 202—203). Этим явлениям никакого объяснения в работе не дано. Повидимому, Раду поддерживали не только националистически настроенное офицерство из югославянского отряда и буржуазные элементы из ЦИК «Союза». По всей вероятности, какое-то время и социал-демократическое крыло «Союза» находилось под воздействием демагогии украинских социал-демократов и социалистов-революционеров. Вывод, что «Союз» сразу занял в большинстве своем позицию поддержки Октябрьской революции и включился в формирование отрядов Красной гвардии, нам представляется недостаточно обоснованным (стр. 73, 207—208). Лишь по мере развертывания социалистической революции на Украине, по мере того, как обнажалась контрреволюционная сущность Центральной

Рады, совершался переход трудящихся югославян на позиции поддержки Советской власти.

Так, в книге рассматривается участие югославянских интернационалистов в вооруженных боях с петлюровцами в декабре 1917 г. в Екатеринославе и в январе 1918 г. — в Одессе и Киеве. Отмечается также, что на проведенной в Киеве в январе 1918 г. конференции «Югославянского революционного союза» победу одержали сторонники Октябрьской революции (стр. 73—74). Однако автору этот вопрос следовало бы осветить всесторонне. Ведь известно, что в марте 1918 г. редактор газеты «Югославянский революционер» С. Ландикушич указывал на влияние буржуазных националистов на «Союз»⁵. Не является спорным и утверждение И. Д. Очака о том, что окончательно перешел на сторону Советской власти и размещавшийся в Киеве Югославянский отряд. Если встать на эту точку зрения, то остается непонятным одно важное обстоятельство: после боев с австро-немецкими оккупантами на Украине, в которых активно участвовали югославяне, одни из них вступили в Красную Армию, а другие, прибыв в Самару, отказались вступить, ссылаясь на позицию невмешательства, занятую ими во внутренней борьбе в Советской России⁶. Автору следовало бы обратить внимание на то, что наряду с югославянскими революционными отрядами, сформированными на Украине интернационалистами Г. Барабашом, Д. Сердичем, О. Дундичем, действовали и военные отряды во главе с такими лицами, как К. Петрович и Г. Пекля, которые, сражаясь против австро-германских агрессоров, тем самым объективно боролись за Советскую власть, но лишь постольку, поскольку общим противником их были войска Четверного союза. После выхода Советской республики из войны и прекращения военных действий на Украине именно в этих отрядах особенно сильно проявились нейтралитские тенденции, а деятельность их организаторов или прекратилась или же проявилась затем в лагере контрреволюции.

Весной 1918 г. среди югославян в России завершается размежевание на интернационалистов и реформистов и буржуазных националистов. В книге проведено обстоятельное исследование возникновения и становления Южно-славянской группы РКП(б). В научный оборот введен обширный материал об организационной и агитационной работе группы; большое внимание уделено участию коммунистов-югославян в военной деятельно-

⁵ «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы». М., 1957, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 78—79.

сти РКП(б) в период гражданской войны в СССР. В результате этого защитникам Советской власти стали тысячи военнопленных — югославянских трудящихся.

Одновременно с возникновением Югославянской коммунистической группы сложилась и так называемая «Югославянская революционная федерация», в которую вошли правосоциалистические и буржуазные элементы, стремившиеся под флагом нейтралитета по отношению к политической борьбе в России уберечь югославянских трудящихся, в первую очередь солдат военных отрядов, от воздействия большевизма. Хотели того или не хотели деятели федерации, эта позиция привела к тому, что, оставшись в стороне от начавшейся борьбы с контрреволюцией в Самаре и других городах, немало югославянских солдат оказалось в антисоветском лагере. Однако действия этой федерации следует рассматривать в конкретно-исторической обстановке. Так, правильное утверждение, что призывы федерации к невмешательству были на руку империалистам, И. Д. Очак подкрепляет ссылкой на воззвание федерации: «Товарищи сербы, хорваты и словенцы!», опубликованное 21 августа 1918 г. в «Известиях ВЦИК» (стр. 105). Естественно, у читателя возникает вопрос: как получилось, что в органе Советского правительства было опубликовано подобное воззвание? Более того, нами установлено, что автор имел возможность ознакомиться с документом, свидетельствующим, что В. И. Ленин дал указание это воззвание отпечатать листовкой на сербско-хорватском и словенском языках. К сожалению, И. Д. Очак содержание воззвания не разбирает. Между тем внимание В. И. Ленина привлекло то, что оно было обращено к югославянам, которые оказались втянутыми в контрреволюционные войска; федерация призвала их не участвовать в борьбе против Советской власти⁷.

Изучение вопроса о югославянских политических организациях завершается в книге изложением истории создания и деятельности Югославянского Совета рабочих и солдатских депутатов. В первую очередь освещена работа Совета среди югославянских трудящихся в Советской России, организация помощи военнопленным и проведение эвакуации их на родину. Следует отметить, что И. Д. Очак первым из исследователей обратился к этой важной стороне деятельности интернационалистов в Советской России. Однако причины, вызвавшие образование Совета, освещены неточно. Сообщив, что в августе 1918 г. по предложению югославянских коммунистов была прекращена деятельность сербской миссии,

И. Д. Очак связал этот вопрос с образованным в ноябре 1918 г. Австро-Венгерского Совета рабочих и солдатских депутатов, из которого потом выделился Югославянский Совет (стр. 172), хотя между этими двумя событиями не было взаимной связи. Видимо, на автора повлиял аналогичный факт, а именно, что с возникновением Австро-Венгерского Совета прекратила свою деятельность австро-венгерская миссия в Советской республике. Но ведь это произошло в связи с тем, что австро-венгерская миссия уже не представляла распавшейся Австро-Венгерской империи.

Значительное место занимает история формирования Красной Армии из интернационалистов-югославян, особенно 1-го Югославянского коммунистического полка, сложившегося из ряда батальонов, участвовавших в обороне Царицына от красновских банд. Зимой 1919—1920 гг. в Сибири действовал Югославянский советский батальон, состоявший из солдат, которые перешли на сторону Красной Армии и помогли очистить Нижнеудинск от колчаковцев. Большим достоинством работы является то, что в ней даны биографии многих югославянских интернационалистов: В. Марковича, Д. Сердича, Г. Барабаша, Э. Чопша, В. Мариона и ряда других, внесших заметный вклад в строительство Советских Вооруженных Сил. Поскольку добровольцы-югославяне в большинстве своем служили в интернациональных частях Красной Армии, включавших бойцов многих национальностей — венгров, австрийцев, чехословаков, румын и др., то естественно и интерес автора к созданию и боевым действиям этих частей на фронтах гражданской войны в СССР: интернациональных полков в дивизиях В. И. Чапаева и В. И. Киквидзе и других. Однако сведения об этих частях носят общий информационный характер.

Существенным просчетом рецензируемой книги является слабая связь исследуемых вопросов с основными этапами борьбы Советской республики против контрреволюции и интервентов. Так, глава об участии югославянских интернационалистов в борьбе с врагами Советской республики состоит из случайного соединения разрозненных фактов, не связанных между собой ни по времени, ни по месту свершения. Факты участия югославян в боевых действиях даны без связи с развитием гражданской войны, без какой-либо периодизации, что приводит к путанице. Так, отмечен участие отряда югославян в боях с немецкими оккупантами в составе 4-й революционной армии Украины, начальником штаба которой был Г. Барабаш, И. Д. Очак далее пишет, что отряд пришлось вести жестокий бой с бандами Петлюры под Шепетовкой, и приводит выдержку из воспоминаний Г. Барабаша о боях 46 дивизии 4-й армии.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 54, лл. 83—84; ф. 1318, оп. 1, д. 38, лл. 5—7; «Известия ВЦИК», 1918, 21 августа.

Тем самым факт, имевший место летом 1919 г. при отражении прорыва петлюровцев к Киеву, автор подключил к событиям весны 1918 г., полагая, что речь идет об одной армии, хотя между ними ничего общего, кроме одинакового номера, не было (стр. 254—256). В этом случае, так же как и в целом ряде подобных ему, нарушен один из важнейших принципов исследования: рассматривать частные явления, факты об участии интернационалистов в общем процессе борьбы советского народа со всеми вра-

гами социалистического отечества. По этой причине теряется главная задача литературы об интернационалистах — показать солидарность народов в защите завоеваний Великого Октября.

Рецензируемая книга И. Д. Очака составляет основу, которая позволяет провести всестороннее исследование боевого содружества югославянских интернационалистов с трудящимися Советской России в Октябрьской революции и гражданской войне.

В. Р. Копылов

П. ПАНАЙОТОВ. Приносът на българи за победата на Октомврийската революция (1917—1920 г.). София, 1967, 244 стр.

П. ПАНАЙОТОВ. Вклад болгар в победу Октябрьской революции (1917—1920 г.).

В 1956 г. болгарский историк П. Панайотов выступил в печати с небольшим, основанным на найденных в архиве интересных документах, сообщением «Новые данные о болгарях, принимавших участие в Великой Октябрьской социалистической революции»¹. В последующие годы П. Панайотов опубликовал в журнале «Исторически преглед» две статьи, посвященные некоторым важнейшим вопросам темы. Рецензируемая книга, вышедшая в начале 1967 г., является таким образом итогом многолетних исследований автора.

Основные усилия П. Панайотова были правомерно направлены прежде всего на поиски новых материалов в архивах и свидетельствах оставшихся в живых болгар — участников революции. В книге вводятся в научный оборот новые интересные факты, которые позволили автору воссоздать более полную картину событий, более широко раскрыть тему.

Первая глава посвящена участию болгар в Октябрьской революции и в укреплении Советской власти в конце 1917 — начале 1918 г. Автор показывает, что Октябрьская революция оказала большое влияние на судьбы и мировоззрения военнопленных (в том числе и болгар), раскрывает особенности положения военнопленных болгар. Совершенно справедливо он отмечает, что часть болгар-военнопленных, в виду близости языка и налччя в России значительного числа приехавших на заработки болгар-огородников, с которыми они устанавливали контакты, довольно быстро связалась с большевиками (стр. 25). Впервые в литературе автор приводит значительное количество фактов об участии болгар-огородников в борьбе за победу и утверждение Советской власти на местах, в частности

в Пензе, на Кубани, в Ташкенте и т. д. В отдельном параграфе (что, на наш взгляд, совершенно закономерно) автор в сжатом виде, опираясь на работы советских историков, осветил участие трудящихся из местного болгарского населения юга и юго-запада России (Бессарабии, Херсонщины, Одесщины, Крыма и т. д. в борьбе за власть Советов.

В главе II раскрыта деятельность болгарских интернационалистов с начала иностранной интервенции и гражданской войны, с весны 1918, и до весны 1919 г.: участие болгарских интернационалистов в первых интернациональных отрядах Москвы и Петрограда, зарождение и развитие болгарских коммунистических групп осенью 1918 г. и в начале 1919 г. Интересные факты, выявленные в архивах, приведены автором о боевой деятельности в Царицыне болгарских интернационалистов С. Джорова и К. Касапова. Особенно яркой фигурой предстает перед читателем член Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов с 1903 г. С. Джоров, активно работавший с 1908 г. в большевистском подполье. В начале августа 1918 г. С. Джоров возглавил интернациональный отряд (1/4 его составляли болгары), посланный из Царицына в Дагестан. Отряд участвовал в ряде сражений, главным образом в районе гор. Петровска (ныне Махач-Кала), в ходе которых почти все бойцы были перебиты². Автор вводит впервые в научный оборот факты об участии некоторых болгар — офицеров старой русской армии в строительстве Красной Армии в годы гражданской войны (ген. П. Стаев, полк. Й. Пехливанов

² Трудящимися Махач-Калы воздвигнут памятник интернационалистам, погибшим в боях за утверждение власти Советов в Дагестане.

¹ См. «Работническо дело», 5 XI 1956.

и др.). В отдельном параграфе автор освещает работу болгарских интернационалистов в тылу врага — в рядах Иностранной коллегии в Одессе и в других подпольных организациях и группах юга России.

Глава III посвящена деятельности болгарских интернационалистов в Советской России с весны 1919 г. и до конца гражданской войны. В ней рассматривается о болгарской коммунистической группе в Одессе в 1919 г. и ее газете «Комуна», о болгарских интернационалистах, сражавшихся на юго-западе и юге страны — на Украине и в Крыму, в центральной России и на Дальнем Востоке, в том числе в бригаде Г. Котовского и коннице С. Буденного. Автор отмечает, что ряды болгарских интернационалистов, сражавшихся в Красной Армии, пополнялись прибывавшими с большим трудом болгарскими революционерами.

В специальных параграфах, насыщенных интересным и в значительной мере новым и свежим архивным материалом, автор рассказывает о бесстрашной деятельности болгарских интернационалистов в тылу, по разложению армии Антанты и белогвардейских частей, и об участии болгар-огородников в борьбе за власть Советов в России.

Непосредственная тема исследования — болгарские интернационалисты в Советской России — рассматривается автором, как правило, на фоне общих событий в стране. Можно, однако, пожалеть, что связь болгарских групп с Центральной федерацией иностранных коммунистических групп и с другими коммунистическими группами, с которыми они действовали в тесном контакте, показана в работе, по нашему мнению, не всегда в достаточной мере (например, применительно к одесскому периоду деятельности в 1919 г.).

Мало внимания, к сожалению, уделено автором таким важным и несомненно сложным сюжетам, как классовая и идейная борьба среди болгар в России, а также вопросу об идейной эволюции болгарских интернационалистов. Степень идейной зрелости болгарских интернационалистов автор нередко преувеличивает. К примеру, характеризуя замечательного болгарского революционера Мих. Антонова, автор без достаточных оснований говорит, что он занимал ленинские позиции еще летом 1917 г. (см. стр. 41—42). Между тем сам Антонов в своей автобиографии писал, что летом 1917 г. он «Ленина толком не понимал» и «плохо еще разбирался в существе разногласий между большевиками и меньшевиками». Известно также, что М. Антонов вступил в РКП(б) осенью 1918 г.

П. Панайотов недооценивает степень увлечения болгарских интернационалистов в 1919 г. «левацкими» антипарламентаристскими взглядами, называя их

«случайным заблуждением», вызванным недостатком информации (см. стр. 174—175). По нашему мнению, эти увлечения отражали идейную незрелость некоторых болгарских интернационалистов, как и многих других зарубежных интернационалистов того времени.

Следует пожелать автору более критически относиться к материалам источников и литературы. Некоторые, встречающиеся в литературе и источниках цифры, нуждающиеся в проверке и уточнении, приводятся в работе без оговорок. В частности, нет, на наш взгляд, оснований считать достаточно достоверным число болгар — участников гражданской войны на юге России, безоговорочно заимствованное автором из популярной литературы (стр. 180). Недостаточно критично относится автор и к материалам воспоминаний. Например, основываясь на воспоминаниях, написанных недавно (т.е. спустя почти полвека после описываемых событий), автор отмечает (стр. 43) участие М. Антонова в штурме Зимнего дворца. Между тем сам М. Антонов при жизни, в своей подробной автобиографии, написанной в 30-х годах, об этом факте не упоминал.

Имеются в работе также и некоторые преувеличения и упрощения. Нет, в частности, оснований утверждать, что созданный в сентябре 1917 г. болгарскими военнопленными в Инсаре кружок «Революция» был «первой политической организацией военнопленных интернационалистов в Советской России» (см. стр. 32). Не говоря уже о том, что в сентябре 1917 г. Россия не была еще советской, данное утверждение не верно прежде всего потому, что кружки, группы и иные политические организации военнопленных интернационалистов в России возникали и раньше — известен, например, кружок венгерских военнопленных интернационалистов, возникший еще в 1916 г. в Томске под руководством Ф. Мюнниха и Б. Куна³.

Выясняя причины образования самостоятельных болгарских коммунистических групп в Москве и Петрограде осенью 1918 г., автор не отмечает при этом бурных революционных событий в Болгарии того времени, кульминационным пунктом которых явилось солдатское Владайское восстание в сентябре 1918 г. Революционные события в Болгарии, по нашему мнению, были немаловажным обстоятельством, содействовавшим активизации болгарских интернационалистов в Советской России, и это отмечалось уже в советской литературе⁴.

Встречаются также и фактические ошибки. Всероссийский съезд военно-

³ См. сборник статей «Интернационалисты в боях за власть советов». М., 1965, стр. 6, 7, 33.

⁴ Там же, стр. 228—229, 234.

пленных интернационалистов открылся не 13 IV 1918 г. (см. стр. 39), а 16 IV 1918; с основным докладом на нем выступал не Г. Михайлов (Добрев), а Б. Кун⁵. Южнороссийское бюро Коммунистического Интернационала ошибочно названо (на стр. 151) Южнорусским бюро Федера-

⁵ Там же, стр. 81—82.

ции иностранных групп. Имеются и другие неточности.

В целом рецензируемая книга, богато документированная архивным материалом, удачно оформленная (она содержит некоторые иллюстрации и указатели), является несомненно полезным и ценным трудом,

М. А. Бирман

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

Издательство «Наука» выпустило в свет книгу «Советское языкознание за 50 лет» (М., 1967, 427 с.), в которой показаны достижения советской лингвистической науки в области изучения отдельных языков и языковых групп. Значительную часть книги занимает история советской славистики (с. 11—100).

Раздел, посвященный русскому языку, написан Ф. П. Филиным и С. Г. Бархударовым. В статье Ф. П. Филина подчеркивается, что после Октябрьской революции перед специалистами по русскому языкознанию встали новые задачи, связанные с приобщением огромных масс народа к высокой культуре литературного языка. Кроме этого, советские русисты, продолжая лучшие традиции русской лингвистической науки, успешно разрабатывали актуальные вопросы современного русского языка, его истории и диалектологии. Статья С. Г. Бархударова посвящена достижениям русской лексикографии — составлению словарей и теоретической разработке основных вопросов этой отрасли русистики.

Во второй статье С. Г. Бархударова освещается вопрос о преподавании русского языка в средней школе.

О достижениях советской украинистики говорится в статье М. А. Жовтюрюха. Наряду с изучением современного украинского литературного языка, диалектологии, истории языка, украинские языковеды много сделали практически важного для высшей и средней школы (в научном обосновании орфографии, создании пособий для изучения украинского языка).

Вопросы белорусского языкознания рассматриваются в статье А. И. Журавского. В ней указывается, что только после Октябрьской революции началась организованная и целенаправленная работа по изучению белорусского языка. Об успехах белорусских языковедов свидетельствуют многочисленные исследования в разных областях языкознания.

Специальная статья посвящена изучению старославянского языка в СССР. Ее автор Н. И. Толстой показал, что со-

ветские специалисты по старославянскому языку, продолжая традиции русских палеославистов А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, В. Н. Щепкина и других, добились серьезных успехов в изучении грамматического строя старославянского языка, синтаксиса частей речи и синтаксиса падежей, глагольного вида, лексических проблем. В советское время была продолжена работа по изданию старославянских текстов, палеографические исследования, а также описание языка старославянских текстов. Советских старославянистов интересовали вопросы происхождения старославянского языка, письменности, периодизации истории старославянского языка, проблемы соотношения его с другими славянскими языками.

В статье В. М. Иллич-Свитыча дается обзор работ по важнейшим проблемам сравнительной грамматики славянских языков. В связи с этим речь идет о положении праславянского языка в кругу других индоевропейских диалектов (балто-славянская проблема, славяно-германские языковые контакты, славяно-италийские и др. изоглоссы), о диалектном членении праславянского языка, о контактах праславянского с соседними языками. Автор отмечает также достижения в области этимологии, топонимики, сравнительной фонетики, акцентологии, морфологии, словообразования, сравнительного синтаксиса. В науке поставлен вопрос о возможности реконструкции праславянского текста при синтетическом применении достижений основных разделов славянской сравнительной грамматики.

Изучению южнославянских и западнославянских языков посвящена статья Г. К. Венедиктова, где говорится о важнейших направлениях, по которым велось исследование болгарского, сербско-хорватского, македонского, чешского, словацкого, польского и лужицких языков в СССР.

В конце каждой статьи дается краткая библиография основных работ по данному разделу языкознания.

Р. Булатова

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ СИМПОЗИУМ «ПОЛЬСКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ 20—30-х ГОДОВ»

4—5 апреля в Институте славяноведения АН СССР состоялся советско-польский симпозиум, посвященный 50-летию Октября. Его тема — «Польская пролетарская литература и польско-советские литературные связи 20—30-х годов». Симпозиум был организован Институтом славяноведения АН СССР и Институтом литературных исследований ПАН. В нем также приняли участие ученые Украины, Белоруссии, литературоведы из МГУ и Института мировой литературы АН СССР. Цель симпозиума — обмен мнениями по актуальным проблемам литературного процесса XX века: закономерности возникновения революционной пролетарской литературы в Польше, пути развития различных жанров в пролетарской литературе, формирование и развитие польской марксистской критики. Симпозиум был посвящен 50-летию Октябрьской социалистической революции, и одной из его задач было рассмотрение влияния идей Октября на развитие польской литературы, советско-польских литературных связей 20—30-х годов.

Обобщающий характер носили доклады Д. Ф. Маркова «Формирование социалистических литератур в славянских странах и мировой литературный процесс» и И. К. Горского «Принципы партийности, историзма и двух культур в свете закономерности становления польской пролетарской литературы». Д. Ф. Марков в своем докладе попытался показать историческую почву интенсификации развития социалистических литератур в славянских странах и характер их выхода в мировую литературу. На основе анализа сходных явлений (родство жанров, форм художественного обобщения, близость принципов изображения народной массы, нового героя) устанавливаются общие тенденции и закономерности литературного процесса. Докладчик говорил о сходных художественных структурах в начале 20-х годов, в 30-е годы, о том, что новое искусство формировалось как искусство широкой художественной концепции мира, основанной на принципах правдивости и включающей в себя практически неограниченное богатство форм и стилей. В докладе была подчеркнута значимость вклада революционной поль-

ской литературы в мировой литературный процесс.

Содержание доклада И. К. Горского (Институт славяноведения) составляли методологические сопоставления того понимания партийности, историзма и двух культур, из какого исходили теории польской пролетарской литературы межвоенного периода, с их современной интерпретацией в марксистском литературоведении. Анализируя теорию двух национальных культур, докладчик доказывал, что ее можно правильно понять лишь при условии последовательной партийно-пролетарской интерпретации. Эта теория, по мнению И. К. Горского, имеет в искусстве прямое отношение лишь к авторским тенденциям, но не к форме художественных произведений.

В докладе К. Сероцкой (Варшава) «У истоков польской пролетарской поэзии» речь шла о литературных дискуссиях, об интересе левой польской интеллигенции к наследию романтизма, о критической деятельности Г. Штейн-Каменского — представителя СДКПиЛ и др. Докладчик подчеркнул, что взгляды на литературу, сформулированные в кругах СДКПиЛ, стали важным фактором, влияющим на формирование левой литературы.¹ Отмечались две модели литературы для нового массового читателя — одна, связанная с традициями романтизма, и другая — с городским фольклором. Говоря о влиянии пролеткульта, К. Сероцкая подчеркивала различие польской и советской концепции пролетарской культуры. Р. Пшибыльский (Варшава) в сообщении «Польская и русская революционная поэзия 20-х годов» стремился показать, что пролеткультовский эпизод не имел существенного значения в развитии революционной литературы обеих стран; процесс формирования польской и русской революционной поэзии проходил порозному, и единственное универсальное течение, которое могло бы их объединить — футуризм — выполняло в этих странах различные общественные функции.

Левому течению польского футуризма, стремившегося быть в 20-е годы не только новым родом искусства, но и новым стилем жизни, посвятила свое сооб-

щение Е. Заворская (Варшава). В докладе отмечалось, что футуристы искали формы художественного выражения для массового искусства, понятого как искусство новаторское. В отличие от русских, польские футуристы не могли включиться в радикальное преобразование общества. Поэтому в 20-е годы идеал футуризма в Польше сводился к утопическому гуманизму. А наиболее характерной его чертой был своеобразный симбиоз цивилизации и примитива.

Темой доклада краковского ученого М. Стемпея был первый съезд советских писателей и польская революционная литература. Отметим новые явления в польской литературе начала 30-х годов, докладчик говорил об интересе польских писателей к советской литературе тех лет, о большом внимании к докладам съезда. Польские критики и литературоведы писали в то время об общих и отдельных чертах польской и советской литератур. В контексте информации о съезде в кругах прогрессивной литературной публицистики была выдвинута идея создания единого антифашистского фронта левых сил.

В докладе В. В. Ведниной (Киев) была предпринята попытка охарактеризовать принцип раскрытия характера героя пролетарской прозы Польши на разных этапах ее развития и в связи с ее жанровым и стилистическим своеобразием. Рассматривалась проблема так называемого коллективного героя, отмечалось постепенное и неуклонное преодоление элементов «психологического аскетизма», процесс «очеловечивания» пролетарского искусства, проявлявшийся во внимании к внутреннему миру героя. При этом речь шла о роли литературы критического реализма для перехода пролетарской прозы к значительным идейно-художественным обобщениям.

Большой интерес присутствующих вызвало выступление В. А. Хорева (Институт славяноведения), посвященное некоторым вопросам развития польской марксистской литературной критики. Докладчик выразил свое несогласие с точкой зрения некоторых польских исследователей, сводившейся к тому, что для критиков-коммунистов 20-х годов не существовало традиций марксистской критики. Докладчик остановился на некоторых решениях эстетических вопросов в марксистской критике дооктябрьского периода, привлекая, в основном, неопубликованный материал наследия В. Воровского. Говоря о польской марксистской критике 30-х годов, В. А. Хорев познакомил присутствующих с концепцией И. Фика, придя к выводу о том, что критика этих лет не только восприняла достижения марксистско-ленинской эстетической мысли дооктябрьского периода, но и развила и углубила многие ее положения.

Темой выступления З. Жабицкого (Варшава) была характеристика деятельности марксистского литературного журнала «Кузница» (1945—1948). Докладчик подчеркнул, что традиции передовой литературной публицистики были переосмыслены в послевоенный период. В числе задач, которые ставила перед собой «Кузница», — борьба за преобразование традиционного мировоззрения интеллигенции, стремление к повороту литературы к реалистическому отражению исторической действительности.

Два доклада симпозиума были посвящены классику польской литературы Стефану Жеромскому. В докладе члена-корреспондента ПАН, возглавлявшего делегацию польских ученых на симпозиуме, Г. Маркевича «Стефан Жеромский и социалистическая революция» прослеживалась противоречивость воззрений писателя, мечтавшего о свободной Польше, где уничтожена эксплуатация, земля передана крестьянам, объединенным в кооперативы, но выступавшего против насилия в революции, не принявшего советского декрета о земле и т. п. Проблемой революции была проникнута как публицистика, так и все послевоенное творчество Жеромского. Но польский писатель пытался предостеречь общество от коммунизма, предлагая иной путь преобразования общества, без крови и революционного насилия. Это противоречие особенно сильно сказалось в его романе «Канун весны».

В докладе В. В. Витт (Институт славяноведения) «Жеромский и пролетарская литература» рассматривался вопрос об отношении к Жеромскому польской марксистской критики и о роли писателя в развитии польской революционной литературы. Раскрывая вызванные как противоречивостью творчества самого писателя, так и вульгарно-социологическими ошибками, свойственными польской марксистской критике 20-х годов, причины двойственности в оценке творчества Жеромского, В. В. Витт говорила о том, что полемика, которую вели с Жеромским пролетарские писатели и критики, была одновременно свидетельством признания его огромной роли в идейной и литературной жизни польского общества. В докладе была сделана попытка проследить многообразие форм, в которых проявилось влияние Жеромского на пролетарских писателей.

Большая группа докладов и сообщений симпозиума освещала проблематику польско-советских литературных связей, которые имели важное значение для развития польской пролетарской литературы.

В докладе проф. Г. Д. Вервеса (Киев) «Основные вопросы украинско-польских литературных взаимоотношений периода межвоенного двадцатилетия под

черкивалась необходимость совместной разработки связей как историко-генетического, так и историко-типологического плана. Отметив сложность и многообразие украинско-польских литературных взаимодействий, докладчик пытался раскрыть своеобразие творческой и теоретической интерпретации польской литературы на Украине и украинской в Польше различными литературно-общественными направлениями, группировками и журналами, роль польской классической литературы в становлении украинской советской литературы, значение советской украинской литературы и западноукраинских революционных писателей в становлении польской революционной литературы. Г. Д. Вервес указал на родственные черты авангардистских течений в славянских литературах, а также на усиление жанрового и стилового разнообразия в украинской и польской литературах в результате контактов между ними в 20—30-е годы XX века.

О своеобразии форм связей польской, русской и украинской поэзии 20—30-х годов говорила в своем выступлении Ю. Л. Булаховская (Киев). Подчеркивалась важность этих связей в период, когда формировалась творческая индивидуальность большинства выдающихся польских поэтов. Основное внимание Ю. Л. Булаховская уделила значению русской литературы для творчества Тувима и Броневского, а польской поэзии — для М. Рильского.

А. Г. Пиотровская (ИМЛИ) рассказала о польском отделе воспоминаний в очередном томе «Литературного наследства», посвященном видным деятелям Международного объединения революционных писателей — Б. Ясенскому, С. Р. Стаде, С. Людкевичу, Я. Гемпель, Г. Джевсцкому.

Львовский ученый И. Н. Лозинский посвятил свое выступление роли журнала «Сыгнали» в интернациональной консолидации польских, украинских, бело-

русских пролетарских писателей 30-х годов.

Т. Агапкина (Институт славяноведения), основываясь на периодических изданиях 30-х — начала 40-х годов и архивных документах (в том числе на переписке и. о. отв. редактора журнала «Интернациональная литература» Т. А. Рокотова с В. Броневским, Т. Бой-Желеньским, Е. Борейшой и др.), охарактеризовала процесс развития литературных контактов между польскими писателями, находящимися в 1939—1941 гг. во Львове, и советской общественностью.

В сообщении «Поэзия первых польских социалистов в России» Д. С. Прокофьева (Институт славяноведения) говорила о большой популярности одного из стихотворений сборника первых польских социалистов «Чего же они хотят?», ставшего любимейшей революционной песней в России, — «Красного знамени» Б. Червеньского. Речь шла об авторстве русского общеизвестного перевода стихотворения. Наряду с именами Г. Кржижановского и Акимова (Махновца) называлось имя В. Г. Тана (Богораза) (1865—1936) — этнографа, языковеда, фольклориста и писателя, в личном фонде которого в архиве АН СССР находятся варианты перевода, а в сборнике стихов — как малоизвестный текст, так и общераспространенный.

Доклады и сообщения симпозиума вызвали оживленный обмен мнениями. В дискуссии приняли участие В. И. Гапова (Минск), Е. З. Цыбенко (МГУ), Б. Ф. Стахеев (Институт славяноведения), С. А. Шердаимова (Институт славяноведения), А. В. Липатов (Институт славяноведения), М. Стемпень (Краков). В центре внимания оказались вопросы романтической традиции, необходимости дифференцированного подхода к сложным явлениям авангардистского искусства и др.

Д. С. Прокофьева

ВЫСТАВКА ЛИТЕРАТУРЫ

В Государственной публичной исторической библиотеке была открыта выставка, посвященная влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на славянские страны. Здесь были представлены труды В. И. Ленина, документы, мемуары, монографии, брошюры, альбомы, библиографии, а также журнальные статьи на русском, болгарском, польском, сербско-хорватском, чешском и словацком языках.

В разделе выставки, охватывающем проблемы влияния Великого Октября на славянские страны в целом, были представлены преимущественно на русском и украинском языках труды цент-

ральных научных учреждений и периферийных вузов¹.

Большой раздел составляет собрание

¹ «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958; сборник статей «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1958; «Великий Жовтень и революционный рух народів зарубіжних країн» (1917—1920 рр.). Київ, 1957; «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957, «Ученые записки Харьковского университета», т. 88. 1957, и др.

документов, вышедших в славянских странах, показывающих влияние Октябрьской революции на революционное движение отдельных народов. Так, чехословацкие документы были представлены серий капитальных архивных публикаций под общим заглавием «Отклики Великой Октябрьской социалистической революции и образование ЧССР в источниках». Уже вышли тома, содержащие документы о революционном движении в Чешских землях в 1914—1920 гг., а также том, посвященный проблеме создания независимого чехословацкого государства, специальная подборка документов, касающихся истории крестьянской борьбы в этот период, и др.² Эти публикации позволяют проследить историю революционной борьбы в Чешских землях, стачечное движение на местах, дают сведения о забастовках в деревне, захватах земли крестьянской беднотой и т. п. Большой документальный материал, позволяющий судить об откликах на Октябрьскую революцию в Чехословакии, представлен в одномтомном сборнике архивных документов, выпущенном в Праге в 1957 г.³ Аналогичный сборник по истории революционного движения в Болгарии⁴ открывает болгарский раздел выставки. Богатейший материал по истории революционного подъема в Болгарии дают протоколы заседаний Болгарского народного собрания⁵. Архивные документы по истории революционного периода в Польше представлены на выставке многотомным собранием материалов по истории советско-польских отношений, издаваемым совместно советскими и польскими учеными и выходящим параллельно на польском и русском языках⁶. Из обширной мемуар-

ной литературы, предложенной для обозрения, отметим два сборника, выпущенных в Чехословакии и Болгарии⁷, а также воспоминания поляков — участников Великой Октябрьской социалистической революции⁸.

Монографии советских и зарубежных авторов, посвященные влиянию Октябрьской революции на славянские страны, составляли отдельный раздел выставки⁹.

Большой раздел был посвящен образованию коммунистических партий в славянских странах. Здесь были представлены протоколы съездов Болгарской, Польской, Чехословацкой коммунистических партий, собрания документов и материалов, труды руководителей коммунистических партий — Д. Благоева, Г. Димитрова, Ю. Мархлевского, М. Кошутской и др., а также большая литература на русском и славянских языках.

Значительный раздел выставки составили материалы, показывающие участие интернационалистов в боях за власть Советов в революционной России.

Особый раздел представляли материалы о возникновении Чехословацкой коммунистической партии в России, среди них монография Я. Кржижека «Пенза», написанная на материале архивов и прессы и изданная в русском переводе Пензенским издательством в 1958 г.

Много места на выставке отведено литературе о борьбе трудящихся в защиту Советской России в самих славянских странах. Отметим монографию Ц. Николова, в которой на материале архивов и прессы освещается борьба коммунистов Болгарии в защиту Советской республики¹⁰.

² Souhrnná hlášení presidia mistodrzitelství o protistatní, protirakouské a protivalečné činnosti v Čechách 1915—1918. Praha, 1957. Souhrnná týdenní hlášení presidia zemské správy politické v Praze o situaci v Čechách 1919—1920. Praha, 1959. Prosinocová generální stávká. 1920. Praha, 1961. Voj o smér vývoje Československého státu. I. Praha, 1965. Hnutí venkovského lidu v českých zemích v letech 1918—1922. Praha, 1958.

³ Ohlas Velké Říjnové socialistické revoluce v Československu. Praha, 1957.

⁴ «Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919». София, 1957.

⁵ България. Народно събрание 17-о — 19-о. Дневници (стенографски). София, 1914—1930.

⁶ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. 1—3, М., 1963—1965.

⁷ Říjen 1917. Vzpomínky na jeho ohlas u nas. Praha, 1957; 17-та година. Спомена на български революционери за Октомврийската революция и отражението ѝ у нас. София, 1957.

⁸ Wspomnienia Polaków-uczestników Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej. Gdynia, 1957.

⁹ М. В. М и с к о. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957; О. Р ж и г а. Влияние Октябрьской революции на Чехословакию. М., 1960; Л. Г о л о т и к. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Словакии в 1917—1918 гг. М., 1960; М. А. Б и р м а н. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957; F. C u l i n o v i č. Odjesci Oktobra u Jugoslavenskim krajevima. Zagreb, 1957.

¹⁰ Ц. Н и к о л о в. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия. 1917—1922. София, 1960.

Значительный раздел составили книги о революционном подъеме в различных районах Болгарии, Польши, Чехословакии¹¹.

Следует особо сказать о материалах по истории Советов в Польше. Отметим здесь два собрания источников: ставшее ныне редкостью собрание документов, осуществленное Бичем в Москве в 1934 г., и двухтомное собрание материалов, выпущенное в Варшаве в 1962 г.¹², а также ряд монографических и мемуарных работ.

Особое внимание уделено вооруженной борьбе славянских народов в период революционного подъема 1918—1923 гг. На выставке представлена монография по истории восстания в Слотере Й. Веселого, воспоминания о Словацкой Советской республике, монография Вьетора и др. Значительная литература имеется по истории Сентябрь-

ского антифашистского восстания в Болгарии. Здесь прежде всего следует отметить трехтомную публикацию мемуаров о восстании, выпущенную в Болгарии в 1963 г., в которой приведены воспоминания более 200 очевидцев и участников, а также капитальный труд по истории восстания Д. Косева¹³.

Библиографической редкостью являются представленные на выставке брошюры, выпущенные в Советском Союзе в 20-х — начале 30-х годов, посвященные восстанию и ужасам белого террора в Болгарии. Такова брошюра «Сентябрьское восстание в Болгарии в 1923 г.» с предисловием и под редакцией В. Коларова (М., 1924), издание И. К. МОПР, брошюра Л. Н. Александри «Год ужасов белого террора в Болгарии» (М., 1924), К. Боян. Сентябрь (очерк), с предисловием Христо Кабакчиева (М., 1930) и др.

На все материалы выставки имеется опись.

¹¹ Pod rudým praporem Řijna. Velká Řijnová Socialistická revoluce a Kladněnští dělníci (1917—1921). Kladno, 1957; K založení KSC na severní Moravě. Ostrava, 1964; Н. Я н е в. Българската комунистическа партия в Бургаски окръг 1891—1923. София, 1962.

¹² Rady delegatów robotniczych w Polsce w 1918—1919 г. Moskwa, 1934; Rady delegatów robotniczych w Polsce 1918—1919. T. 1—2, Warszawa, 1962.

¹³ J. Veselý. Powstání v Boce Kotorské. Historická kronika 2 vyd. Praha, 1959; M. Vietor. Slovenská Sovietská republika r. 1919. Bratislava, 1955; Септемврици за септември. 1923—1963. Т. 1—3. София, 1963; Д. К о с е в. Септемвриското въстание 1923. София, 1954.

Н. М. Пашаева

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

22 февраля 1967 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита А. Х. Клеванским в качестве докторской диссертации монографии «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг.» («Наука», 1965, 395 стр.), а также историографического и источниковедческого приложения к ней. Книга получила положительную оценку как в СССР, так и в ЧССР. Она представляет собой итог многолетней работы диссертанта, и ее изданию предшествовала публикация автором целого ряда научных статей по теме исследования. Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук П. В. Волобуев, А. И. Недорезов и В. М. Турок. Они подчеркнули обобщающий характер монографии, которая по целостности взгляда, широте охвата вопросов и глубине их анализа дает основание утверждать, что с ее выходом в свет советская историческая наука обогатилась важным трудом, подводящим итоги исследования избранной проблемы. Творчески применяя марксистский диалектический метод при исследовании исторических процессов, диссертант показал

историю чехословацкого революционного, интернационалистического и буржуазно-националистического движений в России в их внутренней взаимосвязи, в связи с общественно-политическим развитием нашей страны и международными отношениями в те годы. Большое внимание диссертант уделил изучению воздействия революционных событий 1917 г. на становление революционной социал-демократии в чехословацком движении в России, выяснению участия чехословацких интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции, исследованию истории чехословацкой Коммунистической группы РКП(б). Вместе с тем в монографии всесторонне рассмотрены причины антисоветского мятежа чехословацкого корпуса. Диссертант обстоятельно проанализировал глубинные процессы, которые происходили в корпусе под воздействием побед, одержанных Советской республикой над объединенными силами внутренней контрреволюции и Антанты, в результате которых чехословацкая буржуазно-националистическая контрреволюция в России в конечном счете потерпела крах. Официальные оппоненты и выступившие при обсуждении диссертации доктор ист-

торческих наук А. Я. Манусевич и старший научный сотрудник, кандидат филологических наук С. В. Никольский указали, что свои выводы диссертант строит на базе огромного фактического материала — документов из многих советских партийных и государственных

архивов, а также архивов ЧССР, периодической печати, воспоминаний и других источников. Решением Ученого совета Института славяноведения А. Х. Клеванскому была присуждена степень доктора исторических наук.

В. Копылов

КНИГИ К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Интернационалисты. Участие зарубежных трудящихся в борьбе за власть Советов в России 1917—1920 гг.». Монография. «Наука». 40 п. л., 2 р. 70 к. 1967 г.

В книге рассказывается об участии иностранных трудящихся (польских, чехословацких, финских, югославских, венгерских, румынских, немецких, австрийских, турецких, французских и др.) в Октябрьском вооруженном восстании, в борьбе за установление Советской власти на местах, в государственном и экономическом строительстве Советского государства, вооруженном отпоре внутренним и внешним врагам революции в 1917—1920 гг. В ней воскрешаются многие имена героев интернационалистов, участвовавших в гражданской войне, партизанском движении, в боях против интервентов. Показывается руководящая роль большевистской партии, помощь движению интернационалистов со стороны В. И. Ленина.

«Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции». Сборник статей. «Наука». 30 л. 2 р. 20 к. 1967 г.

В защите завоеваний первой в мире социалистической революции приняли участие представители трудящихся разных стран мира. Движимые чувством пролетарской солидарности, они с оружием в руках боролись на фронтах гражданской войны против интервентов и белогвардейцев. В сборнике освещаются формы и характер интернационалистского движения в 1917—1920 гг., деятельность интернационалистских организаций, влияние интернационалистов на развитие революционного движения в зарубежных странах. Читатель найдет здесь источниковедческие обзоры документальных материалов по данной теме, хранящихся в различных архивах нашей страны.

Генрик Яблоньский. Великий Октябрь и независимость Польши. Перевод с польского. «Прогресс», 6 л., 25 к., 1967 г.

Брошюра Генрика Яблоньского посвящена рассмотрению вопроса о влия-

нии Великой Октябрьской социалистической революции на создание независимого Польского государства. В этой работе, написанной автором на основе большого числа исторических документов, дается обстоятельный анализ планов всех основных участников первой мировой войны в решении польского вопроса. Этот анализ позволяет автору сделать правильный вывод о том, что победа любого из империалистических блоков не открывала никаких перспектив для восстановления независимости Польши. Политике империалистических держав по отношению к Польше автор противопоставляет ленинскую политику решения национального и, в частности, польского вопроса. Работа Г. Яблоньского, написанная с присущим ему аналитическим и литературным мастерством, будет с интересом прочитана всеми интересующимися новейшей историей Польши.

Ф. Чулинович. Отклики Октября в югославских землях. Перевод с сербско-хорватского. «Прогресс», 18 л., 1 р. 30 к. 1967 г.

Книга видного югославского историка Фердо Чулиновича, издаваемая в русском переводе в сокращенном виде, представляет собой научное исследование о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение в югославских землях в 1917—1921 гг. и образовании Югославии. На большом фактическом материале автор показывает, как поднималась в этих землях волна национально-освободительного и революционного движения, мощным стимулом которого явились вести о Великой Октябрьской социалистической революции. С большим интересом читаются страницы книги о восстании матросов в австро-венгерском флоте против ненавистного господства Габсбургов, о движении так называемого «зеленого кадра», которое из антивоенного переросло в революционное движение крестьянской бедноты, направленное против помещиков, торговцев, ростовщиков, против национального гнета.

CONTENTS

- A. Ja. Manusevich.* The October Revolution and the foreign Slav peoples. *D. F. Markov.* Socialist literatures in the Slav countries of the 20—30-ies and the world literary process 5

50 YEARS OF THE SOVIET SLAVISTIC STUDIES

- V. D. Koroliuk.* Soviet historical studies in Slavistics (1917—1967). *V. I. Zlydnev.* The study of foreign Slav literatures in the Soviet Union (1917—1967). *I. I. Svirida.* The artistic culture of the foreign Slav peoples in the Soviet Science. *S. B. Bernshtein.* Fifty years of the Soviet Slavic philology 37

FOREIGN SCIENTISTS TOWARDS THE FIFTIETH ANNIVERSARY OF THE OCTOBER REVOLUTION

- Krasimira Mitovska* (Bulgaria). Bulgarian historians and the approaching anniversary *Tadeusz Cieślak* (Poland). Polish science to the fiftieth anniversary of the Great October Revolution. *Oldřižka Kodědova* (Czechoslovakia). Preparation to the October Revolution anniversary in Czechoslovakia. *Pero Damjanović* (Yugoslavia). Yugoslav scientists to the fiftieth anniversary of the Oktober. . . 94

REVIEWS

- V. R. Kopylov.* I. D. Ochak. Yugoslav internationalists in the struggle for victory of the Soviet power in Russia. *M. A. Byrman.* П. Панайотов. Приносът на българи за победата на октомвриската революция (1917—1920). *R. Bulatova.* The Anniversary publication. 116

SCIENTIFIC LIFE

- D. D. Prokofieva.* The Soviet-Polish symposium «Polish proletarian literature and Polish-Soviet literary contacts in the 20—30-ies». *N. M. Pashaeva.* The exhibition of literature devoted to the October Revolution. *V. Kopylov.* The defence of a dissertation these. Books to the fiftieth anniversary of the October Revolution 122

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 16/VI-1967 г. Т. 10669 Подписано к печати 28/VIII-1967 г. Тираж 1215 экз.
 Зак. 2880 Формат бумаги 70×103¹/₁₆. Печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 11,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

70

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ПОЛЕСЬЕ

[Лингвистика. Археология. Топономика]. Институт славяноведения.

18 л. 1 р. 35 к.

Полесье — огромный и богатый край. Край дремучих лесов, топких болот, глубоких озер и полноводных рек. Край, населенный великими славянскими народами — белорусами и украинцами. О Полесье, о происхождении восточнославянских народов и языков рассказывается в книге. Сборник разнообразен по тематике: здесь и археологическое исследование Полесья, и рассказ о полесских говорах и диалектах. Книга иллюстрирована, и читатель впервые увидит древние белорусские водяные знаки, оригинальные белорусские тексты, написанные арабским письмом. Очень ценен и полезен раздел — топонимический словарь.

Сборник будет интересен лингвистам, филологам, археологам, историкам, краеведам, учителям, студентам историко-филологических факультетов и широкому кругу читателей, интересующихся историей, культурой и языком славянских народов.

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУ ДВУМА ВОЙНАМИ

1918—1939 гг.

[Из истории государственных, дипломатических, культурных и экономических отношений].

Институт славяноведения. 25 л. 1 р. 70 к.

На основе новых архивных источников освещаются вопросы установления дипломатических, экономических, политических и культурных связей между Советским государством и Чехословацкой республикой в период между двумя войнами. Интересны материалы об установлении контактов между культурными организациями Чехословакии и СССР, об обмене рабочими делегациями. В сборнике участвуют чехословацкие [К. Герман, Я. Шедивы, З. Сладек] и советские ученые. Книга вводит в научный оборот много новых сведений.

Сборник представляет интерес для юристов, историков, экономистов, дипломатических работников, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей чехословацко-советских отношений.

Ваши заказы посылайте в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» [Москва, В-463, Мичурицкий проспект, 12] или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Москва, ул. Горького, 8, ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Новосибирск, Красный пр., 54; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129, Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, проспект Дзержинского, 41; Иркутск, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, проспект Ленина, 95.